

ISSN 1816-8280

ВЕСТНИК КРАУНЦ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

JOURNAL COLLECTION
OF SCIENTIFIC WORKS OF KRASEC
The Humanities

2022 № 1 (39)

12+

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга»
Вестник КРАУНЦ
(Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр»)
Серия «Гуманитарные науки»
2022 № 1 (39)

г. Петропавловск-Камчатский
Журнал основан в декабре 2002 г. Выходит 2 раза в год
Научное издание
Цена свободная
Информационная продукция для детей старше 12 лет

ISSN 1816-8280 (печатная версия)
ISSN 1816-2580 (электронная версия)
http://www.kamgu.ru/kraunc_journal

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(регистрационный номер ПИ № ФС 77-77918 от 19 февраля 2020 года)

Иллюстрация на обложке: «Взросление». 1907.
Хильмааф Клинт.

© Камчатский государственный
университет имени Витуса Беринга, 2022

© Редакция журнала «Вестник КРАУНЦ,
Гуманитарные науки», 2022

Federal State Budget Education Establishment
of Higher Education
«Vitus Bering Kamchatka State University»
Journal Collection of Scientific Works of KRASEC
(Kamchatka Regional Association «Scientific-Educational Centre»)
Section «The Humanities»
2022 № 1 (39)

Petropavlovsk-Kamchatskiy City
Semi-annual edition founded in December 2002, Published twice a year
Scientific publication
Free price
Information product for children 12+

ISSN 1816-8280 (Print)
ISSN 1816-2580 (Online)
http://www.kamgu.ru/kraunc_journal

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
(Registration Number is PI № FS 77-77918 of February 19, 2020)
Cover illustration: Hilmaaf Klint. «Adulthood». 1907.

© Vitus Bering Kamchatka
State University, 2022

© Edition of Journal Collection
of Scientific Works of KRASEC
«The Humanities», 2022

СЛОВО РЕДАКТОРА

Анонимный автор популярного регионального общественно-политического журнала начала XX века «Сибирские вопросы» в 1909 году писал: «Камчатка — в настоящем ее виде — болото, способное засосать человека, оставив свободными одни глаза, чтобы перед ними вечно торчало серое небо да горные вершины на его горизонте! Все живое, сильное старается бежать из этого болота...». Оставим на совести автора «серое небо» — небо на Камчатке не серое, редко бывает серым. Но в остальном многие жители Камчатки — вне зависимости от времени их жизни — согласятся с автором. И не потому, что представленная неприглядная картина имеет место в действительности, а в силу их склонности к кризисной идентичности. Эта склонность — историческое наследие жителей Камчатки, и корни данной установки нужно искать в демографических проблемах нашего региона, а именно — в малочисленности его населения. Всякая малочисленная социальная группа — этническая ли, профессиональная ли, возрастная и т. д. — при определенном критическом показателе ее численности (приближение к которому не позволяет группе реализовывать активность ее членов в рамках какого-то социального института, а далее ведет и к разложению этого института) распадается на «аномичных» индивидов, пребывающих в социальном забвении. Решение указанной демографической проблемы существенно оптимизирует социальную среду региона.

Но, к сожалению (и это тоже нужно учитывать), исторически вменяемый негативный образ социальной среды родной камчатской земли имеет силу действия независимо от политики (демографической, в частности) государства. Социальная и культурная политика в советский период истории России существенно изменила образ Камчатки. Но шлейф негативных образов, актуальных исторически в критически ориентированном сознании обывателей, по-прежнему имеет место быть, и развеять его очень сложно. Можно сказать, что независимо от объективных условий жизни, от предоставляемых

условий возможности социальной адаптации камчатцы склонны представлять свою жизнь через призму этих образов. Эти негативные образы по-прежнему могут являться у родившихся и живущих на Камчатке людей элементом основы инертного отношения к социальной действительности, во-первых, и вариантов проявления установки на социально деструктивное поведение, во-вторых. Причина их влияния в кризисном состоянии духовной культуры жителя Камчатки. Образ новой — постсоветской — Камчатки так и не сформировался. В этих условиях преодоление или купирование влияния на общественное сознание образов негативного социально-исторического опыта для жителей Камчатки будет важным во многих отношениях культурным актом.

Вообще говоря, образ малой родины формируется через актуализацию в общественном сознании образов и сюжетов региональной истории, образов местных памятников культуры и достигавших вершин духовного опыта личностей из числа местных жителей. Важна также здесь культура коренных народов региона — ее образы могут вносить лепту в процесс преодоления инерции кризисной идентичности. Конечно, надо понимать, что «терапевтический эффект» трансляции в общественное сознание образов традиционных архаических культур (быта, духовного опыта коренных народов региона) захватывает, прежде всего, население, так или иначе приобщенное к такой культуре.

Образ малой родины формируется у жителей региона в том числе и благодаря деятельности ученых-гуманитариев. Результаты регионально ориентированных гуманитарных исследований и проектов позволяют представить альтернативу интерпретациям и оценкам социального опыта, которую может осуществлять обыватель. Научно-педагогическое сообщество Камчатского края стремится решить задачу обогащения культуры жителей Камчатки. И, решая эту задачу, разумеется, нуждается в поддержке государства, региональной власти.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Ильина В. А.</i> Она создавала портрет эпохи: Г. З. Санько в «фокусе» и «за кадром»	4
<i>Кириллова А. И.</i> Трансформация образа коренных народов, населявших Камчатку, в трудах исследователей XVIII – первой четверти XX в.	12
<i>Петренко О. А.</i> К вопросу о причинах создания Российско-американской компании	17
<i>Файзрахманов А. Р.</i> Процесс укрепления обороноспособности Камчатки в 1930-х – начале 1940-х годов: историографический обзор	21

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Шевченко О. Г.</i> О двойственной синтаксической природе субъектной инфинитивной конструкции	28
---	----

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Водинчар Е. А., Османова М. Н.</i> Психологическое благополучие врачей, работающих в период пандемии в «красной зоне»	34
<i>Кузнецова Л. И.</i> Особенности когнитивного статуса младших школьников, имеющих трудности обучения	42
<i>Кулик А. А., Плотникова А. В.</i> Особенности образа Я в контексте временной перспективы женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы	50

ПЕДАГОГИКА И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Башун О. В., Прошина И. И.</i> Гуманистические педагогические традиции в русской литературе	62
<i>Жадаева Е. А.</i> Дискуссия как средство формирования коммуникативной компетенции на уроках истории в 9 классе	66
<i>Камардина Н. В., Черенкова Ю. С.</i> Исторический источник на уроке истории: поиски новых подходов и методических решений (к постановке проблемы)	72

КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Гнездилова Е. В.</i> Из опыта проведения Первой региональной научно-практической конференции «Сохраняя прошлое, создаем будущее», посвященной году культуры коренных малочисленных народов севера Камчатского края	77
ОБЗОР ИЗДАНИЙ	86
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	87
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	89

CONTENTS

HISTORY

<i>Ilyina V. A.</i> She created a portrait of the epoch: G. Z. Sanko “in focus” and “behind the scene”	4
<i>Kirillova A. I.</i> Transformation of the image of Kamchatka’s indigenous peoples in the works of the XVIII — first quarter of the XX century researchers	12
<i>Petrenko O. A.</i> Revisiting the reasons for the creation of the Russian-American Company	17
<i>Fayzrakhmanov A. R.</i> The process of strengthening the defense capability of Kamchatka in the 1930s – early 1940s: a historiographical review	21

PHILOLOGY

<i>Shevchenko O. G.</i> On the double nature of the subjective infinitive construction	28
---	----

PSYCHOLOGY

<i>Vodinchar Ye. A., Osmanova M. N.</i> Psychological well-being of doctors working in the “red zone” during the pandemic	34
<i>Kuznetsova L. I.</i> Peculiarities of the cognitive status of younger students with learning difficulties	42
<i>Kulik A. A., Plotnikova A. V.</i> Peculiarities of self-image in the context of time perspective of women serving a prison sentence	50

PEDAGOGY AND EDUCATION ISSUES

<i>Bashun O. V., Proshina I. I.</i> Humanistic pedagogical traditions in russian literature	62
<i>Zhadaeva Ye. A.</i> Discussion as a means of communicative competence formation in history lessons in the 9th grade	66
<i>Kamardina N. V., Cherenkova Yu. S.</i> Historical source in history lesson: searching new approaches and methodological solutions (posing the problem)	72

CONFERENCES

<i>Gnezdilova Ye. V.</i> From the experience of conducting the First regional scientific-practical conference “Preserving the past, we create the future” devoted to the Year of culture of the Kamchatka krai indigenous small-numbered peoples	77
PUBLICATIONS REVIEW	86
AUTORS GUIDELINES	87
INFORMATION ABOUT AUTORS	89

УДК 94(47).084.9

В. А. Ильина

ОНА СОЗДАВАЛА ПОРТРЕТ ЭПОХИ: Г. З САНЬКО В «ФОКУСЕ» И «ЗА КАДРОМ»

Аннотация. Статья представляет результаты начатого исследования о советском фото-корреспонденте — Галине Захаровне Санько. Является лишь первым подходом к заявленной теме. Акцент сделан на сборе, обобщении, уточнении малоизвестных фактов в ее биографии.

Ключевые слова: советская фотография, фотожурналистика, история, Галина Санько

V. A. Ilyina

SHE CREATED A PORTRAIT OF THE EPOCH: G. Z. SANKO "IN FOCUS" AND "BEHIND THE SCENE"

Abstract. The article presents the result of the preliminary investigation devoted to the Soviet camera reporter – Galina Yakovlevna Sanko. The given material reflects the first approach to the topic declared. The author focuses on the collection, generalization and revision of little-known facts of her biography.

Keywords : Soviet photography, photojournalism, history, Galina Sanko

Галина Захаровна Санько родилась в 1904 г. в Курской области, в городке Суджи. Кем были ее родители, и как часть семьи оказалась во Франции об этом еще предстоит узнать. Но в начале 1920-х гг. она проживала в Москве.

Рис. 1. — Галина Захаровна Санько (1904–1981). Из открытых источников

В 1924–1925 гг. окончила курсы по фотodelу. Узнав, что газете «Водный транспорт» требуется фотолаборант, устрои-

лась на работу в это издание. Но проявкой и печатью чужих плёнок не стала ограничиваться. Вызывалась съездить в один речной порт, потом в другой, снимала плохонькой камерой, но ощущался её интерес к людям, их повседневной работе, быту. И её охотно посылали в командировки, зная, что не подведёт, привезёт нужный редакции материал.

Фотокоры тех лет находили и доносили до массового читателя сюжеты, в которых с визуальной достоверностью демонстрировалась грандиозность и успех советского строительства, раскрывались черты новых взаимоотношений в труде, быту, семьях граждан молодого государства. При этом сама фотожурналистика пока делала свои первые шаги.

Шло формирование внешнего облика советских иллюстрированных изданий. Кипели ожесточенные споры о приемах и методах, которые рождались в повседневной практике фоторепортеров. Фотография в 1920–30-е гг. рассматривалась как мощное средство агитационно-массовой пропаганды, воспитания и просвещения масс. Но при этом фотографы стремительно наращивали жанровое разнообразие.

Начало Санько как советского фотожурналиста было успешным. Ей удавалось документальная, бытовая, репортажная, пейзажная съемка. На ее работы обратили внимание солидные столичные журналы — «Огонек», «СССР на стройках пятилетки».

Где-то в это время в редакциях или на фотовыставках она встретит мужчину, который сыграет особую роль в ее жизни. Влиятельный журналист, грозный советский литературный критик, член комиссии Театрального реперткома, главный редактор журнала «Современный театр» — Александр Робертович Орлинский-Крипс. Участник литературных диспутов против булгаковщины¹, главный редактор газеты «За коммунистическое просвещение» был известной личностью в партийных, театральных и писательских кругах столицы. Был ли роман Александра и Галины долгим, сказать не берусь. Но на фоне редакци-

онной мужской молодежи он явно выигрывал и смог добиться взаимных чувств от молодой, энергичной и симпатичной девушки. Брак был удачным. Оба любили друг друга.

В 1934 г. А. Р. Орлинский решением ЦК ВКП (б) был направлен на работу на Камчатку начальником омполитсектора Акционерного Камчатского общества (АКО)². Выступая на встрече Наркома А. И. Микояна³ с отъезжающими политотдельцами на Камчатку, Галина Санько заверила всех, о своем стремлении запечатлеть новое социалистическое строительство на далекой окраине страны. Так начинался «камчатский этап» в их жизни или длительная пятилетняя командировка на Дальний Восток.

Оказавшись к началу июня 1934 г. во Владивостоке Галине Санько удалось встретиться с возвращающимися челюскинцами и создать фоторепортаж о празднике по случаю прибытия участников экспедиции. А в Петропавловске-Камчатском, политотдельцы застали легендарный ледокол «Красин», который принимал участие в проведении спасательной операции. Фотографии Санько были опубликованы в центральных журналах страны. А потом будет поездка на Командорские острова. Галина Санько первой из советских фоторепортеров добралась до острова Беринга. Итогом этой

¹ Орлинский-Крипс А. Р. во второй половине 1920-х гг. как представитель «новой советской художественной общественности» выступил с жесткой критикой пьесы М. Булгакова «Дни Турбиных», деятельности МХАТа. Образ «вражеского подпевалы», «идеологического врага» отображали рецензии и карикатуры. Но, несмотря на это, в 1928 г. в театрах Москвы шли сразу три пьесы М. Булгакова «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров». По мнению литературоведов, А. Р. Орлинский-Крипс и О. С. Литовский станут прототипами критика Лагунского в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

² Акционерное Камчатское общество — государственное предприятие союзного значения, выполнявшее работу по хозяйственному освоению Охотско-Камчатского края в 1927–1945 гг. Его деятельность позволила создать первичный индустриальный слой и заложить параметры дальнейшего социально-экономического развития огромного региона.

³ Микоян Анастас Иванович (1895–1978) — советский государственный и политический деятель. С 1930 по 1934 гг. руководил народным комиссариатом снабжения СССР. С 1937 г. — заместитель председателя СНК СССР. В 1927–1945 гг. курировал работу АКО.

поездки станет серия удачных пейзажных и бытовых снимков. Несомненна историческая значимость данных фотографий, запечатлевших во многом еще не тронутый быт и образ жизни далеких островов.

Не забывала она и про обещание, данное наркомку. В фотофонде Государственного архива Камчатского края сохранились фотографии Г. З. Санько, выполненные в ходе поездок на восточное и западное побережья Камчатки. Крупным планом сфотографированы построенные рыбоконсервные заводы, виды современного технического оборудования, передовики-стахановцы. Фотографии отправлялись не только в редакции журналов. Приехать на далекую Камчатку было непросто. Поэтому по просьбе Наркомата руководство Акционерного Камчатского общества использовало фотографии в годовых отчетах о работе по хозяйственному освоению Камчатки, иллюстрируя создание предприятий государственной рыбной промышленности.

Рис. 1.1. — Галина Санько.
Козыревское лесничество.
Из фондов КОКМ

Рис. 1.1.2. — Галина Санько.
Первомайская демонстрация. Петропавловск-
Камчаткий. 1937. Из фондов КОКМ

Фотографиями Г. З. Санько награждались передовики производства, работницы камчатских рыбокомбинатов накануне дня 8 марта. По фотографиям Санько жители центральной части страны создавали свои представления об оживающем полуострове, о советской Камчатке. В духе времени фотография мажорно демонстрировала небывалый размах и высокий темп социалистического освоения края, «являвшегося на протяжении веков объектом злейшей колониальной эксплуатации».

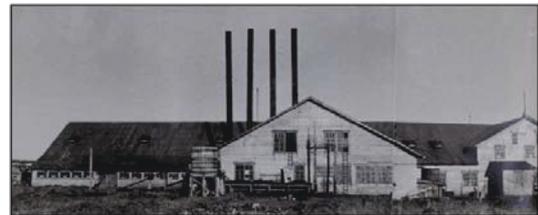

Рис. 1.1.3. — Галина Санько. 1935.
Усть-Камчатский рыбокомбинат.
Из открытых источников.

Особым лично значимым для Галины Захаровны был сюжет о детях советской страны, о тех невероятных возможностях, которые были предоставлены им новым строем. Один из известных довоенных снимков — «Будущие капитаны» — мальчишки, стоящие спиной к фотографу и мечтательно смотрящие сквозь падающий снег на стоящие у причала суда. В 1930–70-е гг. эта фотография обошла многие крупные выставки в СССР и за рубежом.

Рис. 2. — Галина Санько. Будущие капитаны.
Из открытых источников

Фиксируя успехи Г. З. Санько, несколько слов необходимо сказать о ее супруге, и о его помощи. Будучи начальником Политсектора АКО, Александр Робертович Орлинский обеспечивал ей возможность свободно перемещаться по Камчатке, добираться до нужных, но и удаленных предприятий общества, содействовал оперативной отправке ее фотоматериалов в Москву. Значимость АКО как предприятия союзного значения, высокий пост мужа, позволяли ей быть в составе камчатских делегаций на торжественных приемах в Наркомате рыбной промышленности СССР. Здесь она могла познакомиться с представителями партийно-государственного верха страны, руководителями крупнейших трестов, заводов, портов. Предложения о сотрудничестве, приглашения приехать и сфотографировать достижения социалистического строительства в других районах страны расширяли круг про-

фессиональных и личных связей фотографа Г. Санько.

Пройдя отбор, и не только профессиональный, Галина Захаровна стала приглашаться к участию в международных конкурсах. В 1936 г. фотография «После лова» на фотовыставке в Голландии была удостоена бронзовой медали. На следующий год успех в Бельгии. Ее фотография «Камчатские просторы» будет отмечена еще одной бронзовой медалью.

В начале 1937 г. Политсектор АКО выступил с инициативой отпраздновать три важные даты — 20-летие советской власти, 15-летие установления советской власти на Камчатке и 10-летие деятельности Общества. Инициатива была поддержана свыше. Для этой цели на Камчатку была направлена бригада фотокорреспондентов журнала «СССР на стройке». Седьмой номер этого журнала посвящался Камчатке, деятельности Акционерного Камчатского общества по созданию «валютного, рыбного цеха страны». Помимо этого, должны быть отражены итоги успешной ленинско-сталинской национальной политики среди коренных народов Камчатки. Г. З. Санько активно участвовала в создании концепции и оформлении юбилейного номера.

В Государственном архиве Камчатского края есть интересный документ. В конце 1936 г. на одном из заседаний политсектора АКО выбирали делегатов на второе всесоюзное совещание жен хозяйственников и инженерно-технических работников, которое должно было состояться летом 1937 г. в Москве. Большую часть кандидатур женщин обсуждали. Но как указано было в протоколе: бесспорными являются кандидатуры капитана парохода «Чавыча» тов. Щетининой⁴ и фотокорреспондента тов. Санько,

⁴Щетинина Анна Ивановна (1908–1999). Первая в мире женщина-капитан дальнего плавания. В 1929 г. окончила Владивостокский техникум. Работала матросом, рулевым, учеником штурмана.

о которых есть специальные распоряжения Политуправления Наркомата.

В мае 1937 г. в Париже открылась Всемирная выставка, в которой достойно участвовал СССР. Четвертый раздел советской выставки был посвящен развитию всех видов транспорта в СССР и освоению Северного морского пути. Предположу, что здесь могли быть камчатские фотографии Г. З. Санько.

Три года работы на Камчатке позволили Г. З. Санько состояться как фотокорреспонденту, создать свое имя и как она надеялась успешно двигаться по карьерной профессиональной лестнице далее. Но политические репрессии 1937–1938 гг. не обошли стороной АКО. Они носили массовый характер. С апреля по сентябрь 1937 г. участники правотроцкистской контрреволюционной эсеровской японо-террористической организации были «найжены» во всех звеньях центрального аппарата и основных предприятиях АКО [2, с. 163–165]. В июле 1937 г. был арестован муж Г. З. Санько — А. Р. Орлинский-Крипс. Галина Захаровна была арестована в г. Москве 26 декабря 1937 г. и после ареста была этапирована в Хабаровск. Случилось ли супругам встретиться на следствии или нет, но 16 марта 1938 г. А. Р. Орлинский-Крипс был осужден выездной военной коллегией Верховного Суда СССР и в этот же день расстрелян. Санько оставалась под следствием. По данным Книги Памяти жертв политических репрессий

В 1934 г. стала старшим помощником капитана парохода «Эскимос», а 1935 г. — капитаном парохода «Чавыча». В 1938 г. была назначена первым начальником Владивостокского морского рыбного порта. В 1941–1945 гг. командовала транспортными судами на Дальнем Востоке. Совершала рейсы в США за оборонными грузами. В 1960 г. окончила высшее инженерное мореходное училище в Ленинграде, работала в нем преподавателем, а затем деканом судоводительского факультета. Автор ряда учебных пособий и книг. Награждена орденами и медалями [2, с. 131].

по Хабаровскому краю Г. З. Санько была осуждена 16.05.1939 г. УГБ НКВД по Хабаровскому краю [3]. Но все же для нее обстоятельства сложились иначе. В вынесенном приговоре значилось: «дело прекращено за недоказанностью обвинений» [3]. Возможно, дальнейшее изучение вопроса позволит уточнить, что или кто помогли Галине Санько выдержать эти испытания. Но, одну из версий хочется представить.

С целью ознакомления с состоянием дел в рыбной отрасли Дальнего Востока, из Москвы в начале лета 1939 г. едет Жемчужина Полина Семеновна⁵, только что ставшая Наркомом рыбной промышленности СССР. Благодаря ее приезду немало арестованных работников рыбных предприятий были отпущены, а с уже осужденных были сняты обвинения. Анна Ивановна Щетинина в своей книге «По разным морским дорогам» сообщает следующее: «Полина Семеновна Жемчужина занималась в прошлом революционной деятельностью. Когда я узнала ее, она была Наркомом рыбной промышленности, и мне пришлось к ней обращаться... Она побывала во Владивостоке и ознакомилась с делами арестованных работников рыбной промышленности. Полина Семеновна на эскадренном миноносце отправилась и в Петропавловск-Камчатский, где также проверила дела арестованных и многим помогла вернуться на прежнее место работы...» [8]. Так А. И. Щетинина вернула из заключения своего мужа — Николая Качимова. И возможно, этот приезд Наркома Жемчужиной спас Галину Санько от лишения, заключения в лагерь, утраты части прав, а возможно и от смерти.

⁵ Жемчужина Полина Семеновна (1897–1970) — советский партийный и государственный деятель. В январе – ноябре 1939 г. нарком рыбной промышленности СССР. В 1949 г. была репрессирована. Освобождена в 1953 г. Жена В. М. Молотова.

Поскольку дело было прекращено, овдовевшая Санько покидает Дальний Восток и возвращается в Москву, в свою квартиру. Но на работу в «Огоньке» и других столичных изданиях жена врага народа даже расстрелянного рассчитывать не могла. Чем и как она жила в этот период предстоит еще узнать, обращаясь к воспоминаниям о ней, документам, отложившимся в редакциях столичных изданий, более поздним анкетам и составленным ею автобиографиям.

Когда началась Великая Отечественная война, тридцатилетняя Г. Санько записалась на медицинские курсы и собиралась уйти на фронт. Удачное стечение обстоятельств позволило вернуться к прежней работе. В создаваемую газету-журнал «Фронтная иллюстрация» требовался фотокорреспондент. Редактор помнил ее, и это было куда как важнее, чем вопросы анкеты и факты ее биографии. Вольнонаемная Галина Санько всю войну провела в командировках на фронт. Она снимала бои под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге.

Нельзя не согласиться с мнением исследовательницы И. Ю. Чмыревой о том, что «война стала отрезвляющим опытом для сложившейся в довоенный период идеализирующей модели советской фотографии» [6, с. 139]. В годы Великой Отечественной войны в момент съемки боевых действий фотограф оказывался внутри события, и он уже более не был наблюдателем, стоящим извне и выбирающим ракурс. Он был настоящим участником события. Опыт военной непосредственной фотографии был сложным, травматическим и одновременно новым раскрепощающим. Помимо этого немногочисленные женщины-фотокорреспонденты приносили свой женский взгляд на события, эмоциональность, которые усиливали содержание отснятого материала.

Рис. 3. — Галина Санько. Подмосковье. У разоренного очага. 1941. Из открытых источников

Рис. 4. — Галина Санько. 1942. На русской земле. Из открытых источников

Рис. 5. — Галина Санько. Пушкино. Екатерининский дворец после ухода фашистов. 1944. Из открытых источников

Неизбежным спутником профессии военного фотокорреспондента был риск. Нередко, ставя редакционное задание выше собственной безопасности, Галина Санько оказывалась в шаге от гибели. Она была дважды тяжело ранена, но возвращалась в строй. Однажды под Курском ей поручили снять подбитый «Тигр», который застрял на нейтральной полосе. О том, чтобы подойти к нему и речи быть не могло, ведь немцы пристреляли каждый метр. Ночью она поползла к танку. После того, как снимки были сделаны, она была вынуждена до наступления темноты просидеть в окопе рядом с этим танком и только в сумерках ползти обратно. Весь день по окопу били немцы. Наши артиллеристы им отвечали.

Внимание посетителей музея-заповедника «Сталинградская битва» часто привлекает один из экспонатов — летная маска и фотография миловидной женщины — фотокорреспондента Галины Захаровны Санько. В суровую зиму 1942–1943 гг. она находилась в Сталинграде и в этой подаренной летчиками маске фотографировала в 30-ти градусные морозы.

Сопровождая советские войска, Галина Санько снимала будни и следы войны в Подмосковье, брянских лесах, в донских степях, разрушенном Петергофе. Многие снимки получили трагическую, обличительную окраску.

В 1944 г. в Петрозаводске ей удалось сделать один из самых известных своих снимков — «Узники фашизма».

Концлагерь, в котором держали детей из Карелии и Ленинградской области. Позже эта фотография будет использована на Нюрнбергском процессе, как доказательство преступлений фашизма.

Рис. 6. — Галина Санько.
Освобождение концлагеря.
Петрозаводск. 1944.
Из открытых источников

Галина Захаровна Санько встретит победу в майском Берлине. Затем она вернется в Москву в свою редакцию «Фронтвой иллюстрации», а оттуда снова уедет на фронт. В дни боев с милитаристской Японией являлась фотокорреспондентом журнала на Дальнем Востоке. Для нее война завершилась только в Порт-Артуре в летом 1945 г. Г. З. Санько, была награждена орденом Красной Звезды, и двумя медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

В послевоенные годы она работала в журнале «Огонек». Как отмечали ее коллеги, Галина Захаровна была по театральному ухоженная, ограничивающая себя в еде, чтобы сохранить фигуру, на каблуках, в эффектных костюмах, знающая секреты освещения: как стать, как сесть, чтобы подчеркнуть точеный профиль и скрыть возраст. Ездит, снимает по всему Союзу. <...> Вокруг нее в редакции собираются «девочки» из отдела иллюстрации, из фототеки, лаборанты фотографов. Санько — воплощение их мечты состояться профессионально в фотографии и быть как она, вне времени женственной. Легенда Санько отточена в рассказах вокруг нее, и в центре — она сама, чуть насмешливая, отстраненная и мудрая в отношении младших

и тех, кто слабее. Так складывался образ легенды [6, с. 133].

В 1964 г. был опубликован роман-баллада украинского писателя Леонида Первомайского «Дикий мед». Прототипом героини фотокора Варвары Княжич были Галина Санько и Наталья Боде. В романе, изданном в хрущевскую оттепель, автор смог показать многие из эпизодов довоенной жизни главных героинь достаточно достоверно. В 1967 г. на экраны страны вышел фильм с одноименным названием. Его посмотрело более 21 млн. зрителей. Варвару Княжич играла известная актриса — Алла Ларионова. Знающие Галину Захаровну, были уверены, что образ был списан только с нее. Но сама Галина Захаровна, не забывала называть имя второго прототипа — военного фотокорреспондента Наталью Боде.

Галина Захаровна была верна профессии до последних дней своей жизни. Она продолжала снимать, делилась опытом с молодыми. Была участником мно-

гих фотовыставок в стране и за рубежом. По воспоминаниям ее коллеги из «Огонька» Л. Шерстенникова [7] Галина Захаровна была невероятно женственна, добра, обладала способностью с юмором относится к невзгодам. Исключительное трудолюбие, упорство, умение рискнуть для пользы дела позволили состояться большому количеству удивительных снимков. В 1975 г. в издательстве «Планета» [5] вышел альбом ее фотографий, а затем большая статья в «Советском фото», единственном журнале, посвященном фотографии. Но все же своих воспоминаний Г. Санько не оставила. Умерла Галина Захаровна в 1981 г. Близких родственников у нее не было. К сожалению, бесценный фотоархив был выброшен.

Следующими шагами в начатом исследовании будет выявление и введение в научный оборот новых документов, уточнение выпавших фактов из ее биографии, сбор фотографий, выполненных Г. З. Санько в период пребывания на Камчатке.

Библиографический список

1. *Житомирский А.* Война и мир Галины Санько. — URL: <https://1001.ru/articles/post/voina-i-mir-galiny-sanko-chast-1-47287> (дата обращения 24.10.2022 г.).
2. *Ильина В. А.* Акционерное Камчатское Общество в хозяйственном освоении и развитии Камчатки в 1927–1941 гг. — Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. — 279 с.
3. *Книга Памяти жертв политических репрессий по Хабаровскому краю.* — URL: https://ru.openlist.wiki/Категория:Книга_памяти_Хабаровского_края (дата обращения 24.10.2022 г.).
4. *Мазкина Л.* Галина Санько, военная корреспондентка, на снимках которой мы выросли. — URL: https://www.novochag.ru/family_and_children/istorii-lyudey/galina-sanko-voennaya-korrespondentka-na-snimkah-kotoroy-my-vyrosli/ (дата обращения 24.10.2022 г.).
5. *Морозов С.* Галина Санько. — М.: Планета, 1975. — 22 с.
6. *Чмырева И. Ю.* Женщины-фотокорреспонденты Великой Отечественной войны // Новое искусствоведение. — 2022. — № 1. — С. 130–141.
7. *Шерстенников Л.* «Остались за кадром...». — М.: Музей органической культуры, 2013.
8. *Щетинина А. И.* По разным морским дорогам. — URL: <https://rg.ru/2020/03/08/rodina-legendarnyj-kapitan-anna-shchetinina.html> (дата обращения 24.10.2022 г.).

А. И. Кириллова

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА КОРЕННЫХ НАРОДОВ,
НАСЕЛЯВШИХ КАМЧАТКУ, В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.**

Аннотация. Статья посвящена вопросу описания коренных народов, населявших Камчатку, исследователями и путешественниками, а также чиновниками в XVIII – первой четверти XX вв. В центре внимания автора трансформация оценок самих коренных жителей и их образа жизни, а также причины, вызывающие столь противоречивые оценки.

Ключевые слова: Камчатка, описание этносов, оценки образа жизни коренных народов Камчатки, КМНС

A. I. Kirillova

**TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF KAMCHATKA'S
INDIGENOUS PEOPLES IN THE WORKS OF THE XVIII —
FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY RESEARCHERS**

Abstract. The article is devoted to the problem of describing the indigenous people that inhabited Kamchatka, explorers and travelers, as well as governmental officials of the XVIII – first quarter of the XX century. The author focuses on the transformation of the assessments of the indigenous inhabitants themselves and their lifestyle, as well as factors determining such controversial assessments.

Keywords: Kamchatka, description of ethnic groups, assessments of Kamchatka indigenous peoples' lifestyle, Indigenous Small-numbered Peoples of the North

Одной из тенденций развития современной этнологии является возвращение к советской традиции так называемой «долгой хронологии», то есть к изучению этноса не только на его современном этапе развития (что характерно для антропологии), но и в его историческом развитии. Сведения о более ранних периодах развития этноса можно получить из архивных материалов (протоколы сельских сходов, официальные нормативные акты, книги записи актов гражданского состояния и т. д.), а также из описаний ученых, изучавших жителей регионов, составлявших профессиональные работы. Однако, не менее ценными являются наблюдения путешественников

и государственных чиновников, живших в этих районах и контактировавших с этнофорами. В условиях сокращения сроков полевых сезонов и полевых исследований такие записи становятся еще более актуальными и ценными. В то же время эти материалы содержат значительное количество оценочных суждений, которые могут сформировать негативный образ коренных народов у начинающего исследователя.

Под коренными народами в данной работе понимаются этносы, сохранившие традиционный образ жизни, и относимые законодательством Российской Федерации к КМНС, то есть ительмены, коряки (включая алюторцев), камчадалы,

эвены, чукчи, алеуты [1]. Сами коренные народы в XVIII–XIX вв. называли «ино-родцами», а после революции 1917 г. «туземцами» (до 1930-х гг.). В связи с прямым цитированием источников в статье будут применяться все три термина.

Описание этносов Камчатки начинается с записей В. Атласова, побывавшего на полуострове в конце XVII — нач. XVIII вв. В своих записях первопроходец описывает коренное население Камчатки безоценочно «А на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их де братья шеманы — вышешеманто чем им надобно: бьют в бубен и кричат» [2]. Так же описаны и камчадалы (у В. Атласова ительмены) и курильские мужики (у В. Атласова айны). Для него характерен описательный стиль челобитной. Необходимо учесть и тот факт, что сам В. Атласов много лет прожил в Сибири и на Дальнем Востоке, постоянно контактировал с коренным населением, поэтому удивления образ жизни коренных народов Камчатки у него не вызывал. Более того, само якутское казначество активно занималось трапперством (промыслом пушного зверя) и заимствовало у коренного населения способы выживания в тундре.

Вторым по хронологии идет описание коренного населения полуострова С. П. Крашенинникова. Сам автор получал европейское образование, проводил исследование природы Камчатки, а описание населения составлял по заданию академика Г. Ф. Миллера, который не попал на Камчатку. В трудах С. П. Крашенинникова появляются первые оценки коренных жителей полуострова: «Камчатка сколь дикое место по своему состоянию, столь, и дикими народами обитаемо... Все вообще житием гнусны, нравами грубы, язычники, не знающие

бога и не имеющие никаких писмян... нравы их грубы, и склонность не разнится от бессловесных животных, ибо они пекутся о удовольствии токмо плоти, которое почитают за вящее благополучие, а о душе не имеют и понятия...» [3]. В целом традиционную культуру и образ жизни коренного населения Камчатки автор оценивает в сравнении с жителями европейской части России, язычество и шаманизм — это пережитки прошлого. По этим причинам коренные этносы полуострова выглядят дикими и отстающими в своем развитии. Аналогичной позиции придерживался и Г. В. Стеллер, чьи рассуждения о родстве жителей Камчатки и тунгусских этносов приводит в своем труде С. П. Крашенинников [3]. В целом мы можем сделать вывод, что в результате сравнительного анализа и сопоставления образа жизни коренного населения Камчатки и жителей европейской части России ученые приходят к выводу о низком уровне развития камчатских этносов. Однако, в трудах Г. Ф. Миллера о народах Сибири доминирует описательный стиль и нейтральная оценка коренных этносов. «У них нет ничего сверх того, что вызывается требованиями крайней необходимости, и если по этому судить об их богатстве, то следовало бы считать их очень бедными. Однако они при этом довольны и сами не стремятся к изобилию, так как это было бы им лишь в тягость. Моралист оценит это выше, чем все сокровища цивилизованных народов» [4]. Хотя он также, как и С. П. Крашенинников и Г. В. Стеллер, отмечает грязь в тунгусских юртах и «нечистоплотность» жителей (в сравнении с европейскими домами). Такая позиция была характерна в силу европоцентризма истории и этнографии XVIII в.

Исследователи XIX в. описывали коренное население полуострова по-разному.

Так, К. Дитмар, изучавший геологическое строение Камчатки, ее природу, о коренном населении писал практически нейтрально, без выраженных оценочных суждений «камчадалы почти вполне сохранили свою внешность, нравы, обычаи и привычки. Изменилось у них немного: так, русская изба вытеснила юрту, а христианство — поклонение Кутхе. Последнее изменение, однако, чисто внешнее, потому что у них еще вполне процветают суеверия. Ворон и поныне остается птицею, посвященной Кутхе; и теперь еще, в важных случаях, камчадалы прибегают к шаманству, хотя, боясь священника, делают это под большим секретом. На севере, у оседлых коряков, у укинцев, паланцев и олюторцев, вполне открыто еще соблюдается старая вера. Камчадалы нередко отправляются туда, чтобы испросить совета и помощи у тамошних шаманов» [5]. Таким образом, Дитмар описывает камчатские этносы, практически не сравнивая их с европейцами, в его трудах нет выраженных негативных оценок и комментариев.

Однако для XIX в. эта оценка скорее исключение, чем правило. В одном из популярных произведений середины XIX в. беллетриста В. К. Войта мы можем найти совсем иные оценки и суждения. Сам Владимир Карлович на Камчатке не бывал ни разу, но после победы гарнизона Петропавловска над англо-французской эскадрой в 1854 г. написал произведение «Камчатка и ее обитатели: С видом г. Петропавловска, планом и описанием сражения 20 и 24 августа», которое выдержало несколько переизданий и получило много положительных отзывов от читающей публики. Коренные жители Камчатки описаны как «камчадал составляет некую середину между русским мужиком и звероловом, заняв оседлые привычки у одного, он не покинул живость, предприимчивость и хитрость

другого... Алюторцы и сидячие коряки ленивы и до крайности неопрятны: не умываются, едят из одной посуды с собаками... Водка и табак едва ли не главные двигатели их желаний и помышлений...» [6]. Эта же оценка будет периодически появляться в трудах ученых Русского географического общества, чьи экспедиции изучали Сибирь и Дальний Восток. Таким образом европоцентризм в исторической науке и этнографии сохранялся, и уровень развития этносов, их образ жизни оценивался из сопоставления с европейскими этносами. Негативные оценки и стереотипы об отсталости коренного населения Камчатки продолжали закрепляться в умах исследователей.

К началу XX в. ситуация также радикально не меняется, и труды ученых и чиновников продолжают линию «дикости и варварства» у коренного населения полуострова. Особенностью первой четверти XX в. станет обилие дневниковых записей чиновников (как имперских, так и советских), бывавших и работавших на Камчатке. Одной из самых ярких работ можно назвать работу В. Н. Тюшова «По западному берегу Камчатки». Будучи врачом на государственной службе, он описывал население Камчатки, его быт. В своих записях он пишет «мне кажется, что вообще всех жителей Камчатки можно назвать рыбоведами и рыболюбными... рыба у них подается за завтраком, рыба идет на обед, с рыбой пьется чай и рыба же составляет ужин» [7]. Также в своих записях он отмечает просчеты управленческих структур, а не саму вину коренных народов и якобы их природную безынициативность. Однако, следует учесть, что работа В. Н. Тюшова описывает только оседлое население западного побережья Камчатки, центральная и северная части полуострова и корякское население описаны им недостаточно. Так как автор не профессиональный

историк или этнограф, то он не использовал традиционные для тех лет методы изучения.

В своих записях о Камчатке И. И. Гапанович, профессиональный историк и ученый, работавший на Дальнем Востоке в первой четверти XX в., дает коренным жителям полуострова совсем иную оценку «большинство этих племен подверглось упадку и постепенно исчезает с лица земли... Все камчадалы подвержены алкоголизму и за спирт отдадут все, что имеют... Другой бич населения... — всякого рода эпидемические болезни..., распространены венерические заболевания» [8]. Как пишет исследователь «за время совместной жизни русские почти ничего не смогли передать, а туземцы почти ничего не пожелали позаимствовать» [8], тем самым отмечая пассивность этносов Камчатки и их нежелание заимствовать передовой опыт. Поэтому основной целью советского государства, по мнению И. И. Гапановича, является забота о туземном (коренном) населении, его просвещение и преодоление вековой отсталости.

Сходными же оценками наполнены и записи Н. Н. Беретти, служившего в Пенжинском и Карагинском районах Камчатского округа Дальневосточного края в первой четверти XX в. Он также пишет, что «обращает на себя внимание... дикость и неразвитость чукчей... Все без исключения туземцы очень любят спиртные напитки и вообще наркотические средства. Если бы имелась у них возможность свободно приобретать спирт, то можно с уверенностью сказать, что не меньше 30 % своего бюджета в среднем они тратили на его приобретение» [9]. Автор в целом отмечает отсталость кочевых племен, подверженность суевериям и необходимость братской помощи им со стороны советских властей.

Работавший в Быстринском районе школьным учителем М. С. Антропов также отмечал отсталость и суеверность коренного населения Камчатки, однако, в то же время он писал, что «эвены положительно относились к образованию, дети были очень любознательны. Также он пишет, что деревянные здания для них были в новинку: «они приходят в школу, как в сказочный дворец, несмотря на более чем скромное здание школы: две небольших комнаты — одна классная, другая — квартира учителя» [10, с. 9]. Задачей новой советской школы являлась помощь в преодолении суеверий и религиозного дурмана, просвещение эвенов и приобщение их к достижениям науки и техники.

Сходного же мнения об отсталости народов Камчатки (в сравнении с европейцами) придерживаются и зарубежные исследователи. Так, участник шведской комплексной экспедиции на Камчатку Стен Бергман писал «кажется мне и печальным и смешным то, что этих достойных жалости, одетых в шкуры диких людей, не имеющих никакого отношения к цивилизации, заставили позволить окрестить себя...» [11, с. 107–108]. Как и другие исследователи и чиновники начала XX в., он упоминал о массовом пьянстве, однако, оценивая этот порок как негативное влияние русского населения и русской колонизации.

Таким образом, можно прийти к выводу, что оценки образа жизни коренного населения и сам образ этносов Камчатки и в первой четверти XX в. оставался окрашен эмоционально негативно: подчеркивалась отсталость (в сравнении с европейскими этносами и/или русскими), пассивность и нежелание перенимать новый опыт. Советские исследователи и чиновники, используя эти тезисы, обосновывали необходимость «братской помощи со стороны русского рабочего

класса помогла малым народам... за короткий исторический период шагнуть в социализм непосредственно от патриархально-общинных отношений» [12, с. 13].

Трансформация оценок образа жизни и личностных черт коренных народов Камчатки в XVIII — первой четверти XX в. обусловлена как объективными факторами (европоцентризмом исторической науки, а после революции 1919 г. доминированием исторического материализма и марксистской оценки исторических процессов и трактовки первобытного общества), так и субъективными (авторы-историки и авторы-этнографы в своих оценках более критичны, чем чиновники или те, кто описывал этносы как дополнительный сюжет своего исследования). Позитивистская трактовка истории и линейная концепция исторического развития также приводили к постоянному сравнению коренного населения Камчатки и жителей европейской части России. В результате такого сравнительного анализа и формировался достаточно негативный облик этносов полуострова, дикарей и варваров, значительно отличающихся от остального «цивили-

зованного» населения страны. Однако, к началу XX в. резкость негативных оценок снижается, появляются попытки объяснить текущее положение дел и причины «отставания» от цивилизованного мира, а также предложить варианты разрешения гуманитарных проблем населения. Советские чиновники и исследователи настаивают на советизации коренного населения Камчатки, а зарубежные исследователи в лице С. Бергмана предлагают максимальное невмешательство в традиционный образ жизни и его сохранение. Допустимо, по мнению С. Бергмана, ограниченно помогать этносам, чтобы не допустить их полного исчезновения.

Все это обуславливает необходимость критического анализа работ об этносах Камчатки, написанных в XVIII — первой четверти XX в., а также привлечение архивных материалов. Это необходимо для предотвращения закрепления негативного образа северных народов, особенно в современной научно-популярной литературе и блогосфере, где работы исследователей цитируются напрямую без критического анализа и осмысления.

Библиографический список

1. *Единый* перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255), с изменениями и дополнениями от: 13 октября 2008 г., 18 мая, 17 июня, 2 сентября 2010 г., 26 декабря 2011 г., 25 августа 2015 г., 18 декабря 2021 г. // [электронная версия] — URL: https://base.garant.ru/181870/#block_1000 (дата обращения: 09.10.2022 г.)
2. *Оглоблин Н. Н.* Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки // [электронная версия] — URL: http://ostrog.ucoz.ru/publikacii_2/4_64.htm (дата обращения: 09.10.2022 г.)
3. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Том второй. Описание Камчатки. Часть третья. О камчатских народах // [электронная версия] — URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1740-1760/Kraseninnikov/Tom_II/text1.php (дата обращения: 09.10.2022 г.)
4. *Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов // [электронная версия] — URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/text1.phtml> (дата обращения: 09.10.2022 г.)
5. *Дитмар фон Карл.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Часть первая. Исторический отчет по путевым дневникам. — Петропавловск-Камчатский: Холдинговая компания «Новая книга», 2009 // [электронная версия] — URL: http://az.lib.ru/d/ditmar_k_f/text_1855_poezdki_i_prebyvanie_v_kamchatke.shtml (дата обращения: 09.10.2022 г.)

6. *Войт В. К.* Камчатка и ее обитатели: С видом г. Петропавловска, планом и описанием сражения 20 и 24 авг. / [Владимир Войт]. — Санкт-Петербург: В тип. С.-П.-Б. гор. полиции, 1855. — [2], 35 с. // [электронная версия] — URL: <https://www.prlib.ru/item/417425> (дата обращения: 09.10.2022 г.)
7. *Тюшов В. Н.* По западному берегу Камчатки. — СПб, 1905 // [электронная версия] — URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000202_000006_RuPRLIB00068722?page=84&rotate=0&theme=white (дата обращения: 09.10.2022 г.)
8. *Гапанович И. И.* Камчатка: природа, население, хозяйство. — Владивосток, 1926 // [электронная версия] — URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000202_000006_RuPRLIB00075204?page=23&rotate=0&theme=black (дата обращения: 09.10.2022 г.)
9. *Беретти Н. Н.* На крайнем Северо-Востоке. — Владивосток, 1929 // [электронная версия] — URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/002843_000083_135?page=1&rotate=0&theme=black (дата обращения: 09.10.2022 г.)
10. *Антропов М. С.* Среди ламутов. — Москва-Ленинград: Учпедгиз, 1931. — 53 с.
11. *Бергман С.* По дикой Камчатке. — Петропавловск-Камчатский, 2000. — 163 с.
12. *Советы Северо-Востока СССР (1928–1940 гг.).* Сборник документов и материалов. — Магаданское книжное издательство, 1979. — Ч. 1. — 300 с.

УДК 94(47).07

О. А. Петренко

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ СОЗДАНИЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ

Аннотация. В статье с опорой на работы советских и постсоветских исследователей рассмотрены обстоятельства и проблемы создания Российско-американской компании, а также роли Российского государства в этом процессе.

Ключевые слова: Российская империя, Аляска, Российско-американская компания

O. A. Petrenko

REVISITING THE REASONS FOR THE CREATION OF THE RUSSIAN-AMERICAN COMPANY

Abstract. Based on the work of Soviet and post-Soviet researchers, the article considers the circumstances and problems of the creation of the Russian-American company, as well as the role of the Russian state in this process.

Key words: Russian Empire, Alaska, Russian-American company

Появление Российско-американской компании было уникальным явлением середины-конца XVIII в. За небольшой период времени внутри отдельного ку-

печеского объединения формируется крупная монопольная организация с принципиально новыми формами коммерции.

С завершением Второй Камчатской экспедиции в середине XVIII в. началось промышленное освоение Алеутских островов и Северо-Западного побережья Америки с целью добычи пушнины. Для успешного ведения дел купцы объединялись в компании на паях, строили корабли и организовывали экспедиции для добычи пушнины и последующей её продажи в России и в Кяхте Китаю [3]. За период с 1743 г. по 1800 г. на Командорских и Алеутских островах, а также у берегов Северной Америки побывало более 100 частных промысловых экспедиций, а их общий промысел составил около 8 млн. руб. [2].

Наибольший вклад в основание и распространение русских поселений на Алеутских островах и североамериканском континенте в последние десятилетия XVIII в. внес купец Григорий Иванович Шелихов. Г. И. Шелихов родился в 1747 году в достаточно зажиточной семье. В 1773 г. прибыл в Иркутск, где служил приказчиком у купца Ивана Ларионовича Голикова. Там же он познакомился с якутским купцом Павлом Лебедевым-Ласточкиным, вступил с ним в компанию, купив совместное промысловое судно «Николай» для плавания к Курильским островам. С этой целью в 1774 г. Г. И. Шелихов впервые ездил в Охотск и на Камчатку. Вернувшись в Иркутск в 1775 г. Г. И. Шелихов женился на богатой вдове и в этом же году вступил в компанию купца Луки Алина и Петра Сидорова, построил вместе с ними и отправил на Алеутские острова судно «Петр и Павел», а затем и другие суда. Первое из судов привезло пушнины на 133 150 рублей, а второе — на 57 860 рублей [1].

17 августа 1781 г. Г. И. Шелихов совместно с И. Л. Голиковым и его племянником М. С. Голиковым заключили соглашение об образовании Северо-во-

сточной компании для совместного промысла в районе Алеутских островов и берегов Северной Америки. Стоит отметить, что компания создавалась не на одно плавание, как это бывало ранее, а сроком на десять лет. Также компаньоны договорились «основать на берегах и островах американских селения и крепости» [5].

В 1783 г. компания отправилась на Алеутские острова. Вернувшись в апреле 1787 г. в Иркутск, Г. И. Шелихов представил иркутскому генерал-губернатору И. В. Якобию целый ряд записок. В одной из которых он просил царское правительство о предоставлении займа в размере 500 тыс. руб. сроком на 20 лет и снаряжённых военнослужащих до 100 человек, а также разрешить ему дополнительно нанимать людей на службу.

Иркутский генерал-губернатор И. В. Якоби не только полностью поддержал эти представления, но и считал возможным предоставления компании Шелихова и его товарищей исключительных монопольных прав на промыслы «в местах вышедонесенных» [2].

Прибыв в феврале 1788 г. в Санкт-Петербурге Г. И. Шелихов и И. Л. Голиков с новым представлением обратились к императрице Екатерине II. В котором наряду с прежними пунктами, однако размер ссуды был снижен до 200 тыс. руб., уже обращались за предоставлением монопольных прав для своей компании. Весной 1788 г. в пользу принятия предложений Г. И. Шелихова высказалась комиссия о коммерции в докладе Екатерине II за подписью таких влиятельных лиц, как А. Воронцов, Х. Миних и П. Соймонов, а вскоре и Непременный совет. По некоторым данным исследователей императрица буквально подняла на смех представленные ей предложения. Отклоняя просьбу Г. И. Шелихова и И. Л. Голикова, Екатерина II

отмечала, что «сие прошение есть суцая монополия... противная моим правилам» [2]. Однако Государыня пожаловала награды Г. И. Шелихову и И. Л. Голикову «в награждение усердий купцов... оказанных в пользу государства в распространении, открытии неизвестных земель и народов, и начале с ними торговых промыслов... жалуем им шпаги и золотые медали... и похвальную грамоту...» [7].

Несмотря на отказ императрицы, компаньоны продолжили свою активную деятельность. Г. И. Шелихов стремился к укреплению и расширению русских владений на североамериканском континенте и мечтал об основании нового колониального центра — Славороссии. Для этого он стал создавать новые «самостоятельные» компании. Так, в 1790 г. была создана Предтеченская компания. Несколько позже — Уналашкинская. Также в 1790 г. на остров Кадьяк был отправлен новый управитель компании каргопольский купец А. А. Баранов [2].

В тоже время, стремясь завоевать расположение Екатерины II, Г. И. Шелихов и И. Л. Голиков ходатайствовали об организации миссионерской деятельности в Русской Америке. И просили послать к берегам Америки «для проповеди евангелия» за их счет «мирского священника и позволить учредить на Кадьяке церковь». Данное предложение было одобрено императрицей. Однако вместо одного священника, она определила большую духовную миссию.

Наряду с активной деятельностью на северо-западе Америки, Г. И. Шелихов выступал с предложениями по развитию торговли с Японией, Китаем, Батавией и Филиппинскими островами, созданию нового порта в Охотском море и районе устья Уды, колонизации южной группы Курильских островов. Однако осуществить данные планы не удалось в связи со скоростижной смертью Г. И. Шелихова летом 1795 г. в Иркутске [2].

После смерти его место в компании заняла жена Наталья Алексеевна Шелихова. А конкуренты развернули активную борьбу с наследниками. Даже И. Л. Голиков решил прибрать компанию в свои руки. Однако Н. А. Шелихова сумела отстоять дело своего мужа.

Но между тем споры и интриги между конкурентами не утихали. В конечном итоге один из них, а именно Н. П. Мыльников (основавший свою компанию в 1797 г.) предложил Н. А. Шелиховой объединить активы компаний. Так 18 и 19 июля 1797 г. произошло объединение шелиховских и голиковских компаний — Северо-восточной, Северо-Американской и Курильской, или Атхинской, с Иркутской компанией Мыльникова, и образование Соединённой американской компании [1]. В итоге Н. А. Шелихова владела самой большой долей компании (200 тысяч рублей). Однако из личных средств она предоставила в распоряжении организации 400 тыс. руб. на два с половиной года без процентов (а по истечению срока под 5 % годовых). И всё имущество шелиховской компании также переходило в объединённую компанию [5].

3 августа 1798 года в Петербург поступил акт о соединении всех иркутских купцов в одну компанию. Подписали его 20 купеческих семей в том числе Н. А. Шелихова, И. Л. Голиков, Н. П. Мыльников, П. Д. Мичурин, И. П. Шелихов, В. И. Шелихов, Е. И. Деларов и другие. Российское правительство было заинтересовано в том, чтобы прекратить конкурентную борьбу отечественных купцов-промышленников и иметь одну мощную компанию. В первую очередь это было связано с усиливающимся проникновением иностранных купцов и промышленников в русские поселения в северной части Тихого океана и на северо-западной побережье Америки.

И в связи с этим 8 сентября 1798 г. Павел I утвердил созданную Американскую Соединённую компанию, основой которой послужила компания Шелихова-Голикова. Их особое положение было связано с крупной деятельностью их компании. Так, например, в 1743–1780 гг. 35 купеческих компаний добыли пушнины на 4 522 844 рублей, а в 1781–1797 гг. 11 компаний — 2 799 669 рублей, из которых на долю компании Шелихова-Голикова приходилось 1 479 600 рублей [5].

Спустя год 7 июля 1799 г. в Петергофе произошло собрание Совета при Высочайшем дворе. Императору было предложено «высочайшие апробировать» образование Российско-американской компании, приняв её «под е.и.в.ва покровительство» [4]. Указ о создании Российско-американской компании был опубликован 19 июля 1799 г., вместе с ним были опубликованы «правила» и «привилегии» учреждённой компании.

Таким образом, процесс образования РАК шёл снизу и не был связан с тща-

тельно продуманной политикой государства. Важную роль в становлении компании стали инициативные купцы, которых было не мало, однако особое место стоит отнести семье Шелиховых. И вплоть до утверждения правил и привилегий 8 июля 1799 г. инициативу по созданию компании проявляли предприимчивые купцы, явившиеся образцом настойчивости и целеустремленности.

Российское правительство с образованием мощного монопольного объединения ставило перед собой основную задачу: навести порядок и прекратить хаос, вызванный соперничеством между купцами в Иркутске. Кроме того, поддержка правительством Российско-американской компании была обусловлена экономическими интересами России и сложившейся международной обстановкой. Наконец, создание Российско-американской компании подводило итог многолетним усилиям русских первопроходцев, мореплавателей и промышленников, действовавших в северной части Тихого океана.

Библиографический список

1. *Алексеев А. А.* Судьба Русской Америки / [Электронный ресурс]. — URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_4.html
2. *Болховитинов Н. Н.* Россия открывает Америку, 1732–1799 Америки / [Электронный ресурс]. — URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_21.html
3. *Ермолаев Е. Н.* Российско-американская компания и её роль в освоении Дальнего Востока / [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-amerikan-skaaya-kompaniya-i-ee-rol-v-osvoenii-dalnego-vostoka/viewer>
4. История Русской Америки (1732–1867): В 3-х тт.: Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799) / Отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. — М.: Междунар. отношения, 1997. — 480 с.: ил.
5. *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. / [Электронный ресурс]. — URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/pdf/195/text.pdf
6. *Петров А. Ю.* Источники по истории Российско-американской компании / [Электронный ресурс]. — URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/05_16.html
7. *Тихменёв П. А.* Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени: [в 2 ч.] — Санкт-Петербург: в типографии Эдуарда Веймара, 1861–1863., Ч. 1. — 1861. / [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.prlib.ru/item/818689>

А. Р. Файзрахманов

ПРОЦЕСС УКРЕПЛЕНИЯ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ КАМЧАТКИ В 1930-Х — НАЧАЛЕ 1940-Х ГОДОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация. В данной статье представлен историографический обзор работ, посвященный процессу укрепления обороноспособности Камчатки перед Великой Отечественной войной (1930-е — начало 1940-х гг.). Актуальность темы связана с отсутствием исследований и работ, освещающих полную картину оборонного строительства и иных оборонных мероприятий, направленных на укрепление военной мощи на Камчатке в условиях складывающейся военно-политической обстановки в стране накануне Второй мировой и Великой Отечественной войн. В содержании статьи показана динамика развития отечественной историографии по проблемам укрепления обороноспособности Камчатки в рамках Дальневосточного региона.

Ключевые слова: историография, советский период, постсоветский период, военное строительство на Камчатке, оборонительный район, инфраструктура, кадровый вопрос, организация плановых работ, оборонные мероприятия

A. R. Fayzrakhmanov

THE PROCESS OF STRENGTHENING THE DEFENSE CAPABILITY OF KAMCHATKA IN THE 1930S — EARLY 1940S: HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Abstract. This article presents a historiographical review of works devoted to the process of strengthening the defense capability of Kamchatka before the Great Patriotic War (1930s — early 1940s). The relevance of the topic is due to the lack of research and works covering the full picture of defense construction and other defense measures aimed at strengthening military power in Kamchatka in the conditions of the emerging military and political situation in the country on the eve of the Second World War and the Great Patriotic War. The content of the article shows the dynamics of the development of Russian historiography concerning the problems of strengthening the defense capability of Kamchatka within the Far Eastern region.

Key words: historiography, the Soviet period, the post-Soviet period, military construction in Kamchatka, the defensive region, infrastructure, personnel issues, organization of planned work, defense measures

В современной отечественной историографии аспекты процесса укрепления обороноспособности на Камчатке с 1930-го года до 22 июня 1941 года остаются малоизученными и представляют большой интерес для изучения. Начиная с советского периода и по сегодняшнее время авторы, исследовавшие вопросы оборонной сферы на Дальнем Востоке, в том числе и на Камчатке, столкнулись с некоторыми трудностями.

Из них можно выделить неполноту исторических сведений ввиду политики советского правительства 1930-х–1940-х годов по неразглашению какой-либо информации о проводимых мероприятиях по укреплению военной мощи на Дальнем Востоке, а также сохранение уровня секретности советских источников информации, содержащих в себе сведения государственной тайны.

Советский период характеризуется немногочисленными работами с акцентом преимущественно на роль партийного руководства в деле укрепления обороноспособности советского Дальнего Востока и политического значения этого процесса. Историография 1950–1960-х годов представлена несколькими важными трудами. Общая картина развития Тихоокеанского флота как основной составляющей вооружённых морских сил СССР в 1930–1940-е годы, отражение значимых для советского государства и общества событий, связанных с ролью Тихоокеанского флота в Великой Отечественной войне, процесс реорганизации и переименования морских сил на Дальнем Востоке, а также отражение деятельности партийных органов власти и организаций в военно-политическом воспитании военнослужащих флота показаны в издании «Тихоокеанский флот» (1966 год) [18]. Однако Камчатка в описываемых событиях и процессах фактически не обозначается.

В работе А. И. Макарова и А. К. Демьянчука «30 лет на боевом посту» (1962 год) [15] представлены такие аспекты: история создания морских сил на Дальнем Востоке, кадровая политика по обеспечению Тихоокеанского флота, деятельность флота в районе морских баз портов Дальневосточного региона страны в 1930-е годы. Камчатка также выходит из ракурса исследования, отражены лишь краткие описания вопросов строительства баз военно-морского флота и эксплуатации военной морской техники.

В двух работах советского исследователя З. Ш. Янгузова «Этапы большого пути» [24] и «Немеркнущая слава Хасана» [25] представлена хронологическая ретроспектива событий, связанных с развитием военно-морского флота на Дальнем Востоке, отражена политико-идеологическая сторона проводимых военным

руководством на Дальнем Востоке боевых операций советской армии против японских войск.

Историография 1970–1980-х годов была усилена идеологическим подходом рядом исследователей и в целом не меняла содержательную линию предыдущих десятилетий. Одним из крупных изданий 1970-х годов — «Краснознаменный Дальневосточный: очерки истории КДВО» [12]. Его основная цель создания — систематизация полученных фактов об основных оборонительных мероприятиях, проводимых советским руководством и военачальниками в периоды первой и второй половины 1930-х годов, а также описание событий в рамках военных конфликтов на Дальнем Востоке СССР со второй половины 1910-х по 1950-е годы. История этих процессов на Камчатке отдельно в нем не исследуется, она включена в общеисторический очерк. Данное издание ориентировано на констатацию положительных результатов преобразований в военной сфере СССР на Дальнем Востоке и выражение идеологической позиции авторов, которые показывают образ «внутреннего» классового врага среди военных деятелей, по чьей вине были допущены профессиональные ошибки в вопросах оборонного строительства. Превалирует фактическое содержание материала над теоретическим осмыслением происшедших событий и процессов.

В работе историков С. А. Гусаревича и В. П. Сеоева. «На страже дальневосточных рубежей» [5] рассматривается охранно-разведывательная роль внутренних органов советского государства на Дальнем Востоке, своевременно обеспечивших внутреннюю и внешнюю безопасность дальневосточной границы, отражена пограничная деятельность советских войск НКВД на Дальнем Востоке.

Изучению роли личностей, занимавшихся укреплением обороноспособности Дальнего Востока перед Великой Отечественной войной, посвятил З. Ш. Янгужов. Его ключевые работы «Созвездие полководцев» [26], «Дальневосточная — опора прочная» [22], «Особая Краснознаменная Дальневосточная армия на страже мира и безопасности СССР (1929–1938 гг.)» [23] освещают деятельность военных руководителей дальневосточной группировки войск в событиях конца 1930-х годов на оз. Хасан и Халхин-Гол, обозначают условия и проблемы комплектования советской армии и флота Забайкальской и Приморской группировок войск, представляют основные успехи советской армии на Дальнем Востоке.

Вопросы партийно-идеологического строительства в Тихоокеанском флоте 1930-х–1940-х годов изучены А. В. Ярошенко в труде «Деятельность партийных организаций Дальнего Востока по укреплению восточных рубежей СССР (1939–1945 гг.)» [27], а также в издании Дальневосточного государственного университета 1976 года «Деятельность коммунистической партии Советского Союза по развитию производительных сил и укреплению обороноспособности Дальнего Востока (1917–1976 гг.)» [6]. В нем приводится описание работы камчатских партийных деятелей и организаций по коммунистическому воспитанию личного состава военнослужащих.

Издание В. А. Богданова и И. Т. Бокань «Всегда в боевом дозоре» [1] состоит из пересказа хронологических событий по истории Тихоокеанского флота на Дальнем Востоке 1930-х–1940-х годов.

Таким образом, отечественная историография советского периода, посвященная исследованию процесса укрепления обороноспособности на Дальнем Востоке в довоенный период времени,

обозначила важные тенденции — накопление, сохранение и изучение источниковой базы исследования, а также возрастание интереса ряда исследователей к изучению военной истории Дальнего Востока СССР 1930-х–1940-х годов. Сохранение идеологических рамок в советской историографии, государственного контроля за деятельностью исследователей, ограниченности тем объекта исследования не позволяли затронуть авторам другие стороны проблемы оборонного строительства как на Дальнем Востоке страны, так и на Камчатке.

Постсоветский период исследования представлен уже более объёмными источниками информации за счет открытых архивных документов по истории Дальнего Востока первой половины XX века. Благодаря процессу либерализации, происходившему в отечественной историографии, появилась уникальная возможность исследователям изучать ранее запрещенные в советской исторической науке темы: кадровые «чистки» и политические репрессии в войсках армии и флота СССР в 1930-е годы и их влияние на общее состояние вооружённых сил Дальнего Востока, проблемы укомплектования войск и сложности в инженерно-строительных работах, реальные оценки уровня боевой подготовки дальневосточной группировки войск в 1930-е годы и на начало 1940-х годов накануне Великой Отечественной войны.

В историографии 1990-х годов происходит пересмотр авторских подходов к изучению процесса укрепления обороноспособности Дальнего Востока в 1930-х–1940-х годах. Исследователи отходят от идеологических рамок в исследовании ряда проблем, углубляются в изучении вопросов, посвященных инженерному строительству, экономики, проблемам кадровой политики и репрессий.

Многоаспектная работа по вопросам формирования и развития Тихоокеанского флота в 30–40-х годах XX века «Российский флот на Тихом океане: в 4-х выпусках» [17] легла в содержательную основу для написания последующих для отечественной и региональной историографий исследователей по данной тематике.

Издание Н. А. Шабельниковой «Политические репрессии в армии» [21] создано по материалам научно-практической конференции Дальневосточного государственного университета во Владивостоке. В ней показана тема политических репрессий второй половины 1930-х годов в отношении военнослужащих на Дальнем Востоке. Отражено влияние репрессий на характер обороноспособности дальневосточной армии и флота накануне Великой Отечественной войны и во время нее.

Историография 2000-х годов представлена еще большим исследовательским корпусом авторов. Одним из крупных дальневосточных исследователей начала XXI века в области оборонного строительства и вооруженного потенциала Дальнего Востока первой половины XX века является Юрий Михайлович Зайцев. Его известные работы — «Укрепление обороноспособности советского Дальнего Востока в 1932–1945 гг.: историография проблемы» [10], «Подготовка сопредельной территории Дальнего Востока к войне — 1932–1945 гг.» [8], «Проблема инженерной подготовки побережья Дальнего Востока к обороне (1932–1945)» [9] и пособие — «Базовое строительство и оборона Дальнего Востока 1932–1945 гг.» [7]. В работе «Подготовка сопредельной территории Дальнего Востока к войне — 1932–1945 гг.» показан процесс форсированного строительства вооружённых сил Японии в Манчжурии, планы японского высше-

го военного командования для ведения войны против СССР («Кантокуэн» и «Оцу»). В работе «Контрразведывательные мероприятия по защите объектов военной инфраструктуры на Дальнем Востоке СССР (1930-е гг.)» [11] отражены основные действия органов безопасности Управления НКВД по Камчатской области против диверсий иностранных агентов и спецслужб в отношении объектов военной инфраструктуры флота и армии СССР.

В работе Л. И. Проскуриной «Деревня российского Дальнего Востока в 30-е гг. XX в.» [16] поставлена проблема репрессий советского крестьянства в 1930-е годы на Дальнем Востоке, пагубно отразившаяся на продовольственную сферу армии и флота, которые нуждались в обеспечении ежедневным рационом питания.

Затрагиваются вопросы фортификационного и инженерного строительства, становления инфраструктуры и обустройство типов вооружения на камчатском полуострове в 1930–1940 годах в крупном военно-историческом фортификационном сборнике научных статей и публикаций «Крепость Россия» [13]. В нем детализировано описывается процесс строительства укрепленных районов на Дальнем Востоке, особенности и характеристики фортификационных сооружений на Дальнем Востоке построенных за период 1932–1945 годы, затрагиваются основные мероприятия сооружения объектов военной инфраструктуры камчатского укрепленного района. Сборник представлен рядом различных схем, чертежей, карт, иллюстраций и авторских зарисовок, черно-белых и цветных фотографий.

Большим научным исследованием, затрагивающее актуальные вопросы военного строительства, характеристики инфраструктуры, материально-технического оснащения армии и флота на

Дальнем Востоке является работа доктора исторических наук А. В. Кузина «Военное строительство на Дальнем Востоке СССР (1922–1941)» [14]. В содержании работы затронуты аспекты по укреплению обороноспособности Камчатки перед Великой Отечественной войной в 1930-х годах — географические, политические, экономические условия в создании военных сил на полуострове, кадровое оснащение армейских подразделений, использование имеющегося людского резерва в случае начала военных действий. Процесс оборонительных мероприятий шел в развитии с процессом индустриального строительства советского государства, необходимо было производить тяжёлую промышленность на нужды вооруженных сил страны на всём территориальном пространстве.

В пособии под редакцией Н. С. Митичкина, В. В. Кулагина и В. Н. Муратова «Тихоокеанский флот России. 1731–2006 гг.» [19] показаны страницы истории существования и развития Тихоокеанского флота ВМФ СССР 1920–1940 на Камчатке. Здесь проводится анализ состояния военно-морского флота — организационно-штатная структура личного состава, военно-морская техника, система базирования сил и флота на полуострове в указанный период времени, планы и отчёты военного командования по боевой готовности флота. В конце содержания пособия представлен ряд иллюстраций и схем.

Историография 2010-х годов и по настоящее время развивается в региональном измерении, появляются работы камчатских исследователей. Вопросы по теме укрепления обороноспособности Камчатки в 30–40-е гг. XX века представлены в работе Г. А. Ткачёвой «Дальний Восток в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» [20]. Автор исследует динамику развития строительства

и усиления боеспособности Камчатки в годы Великой Отечественной войны, выявляет степень мобилизационной активности вооружённых сил на Дальнем Востоке, включая и Камчатку, в работе использованы широко статистические сведения о возможностях вооружения, военной техники и инфраструктуры региона.

Публикация «Камчатский оборонительный район» [2] двух камчатских исследователей И. В. Витер и В. М. Верещага исследует оборонно-строительные мероприятия на полуострове, вылившиеся в процесс крупномасштабного строительства камчатского оборонительного района. Освещаются основные мероприятия оборонного строительства на Камчатке согласно реализации плана генерального штаба Тихоокеанского флота СССР «Записка об обороне Камчатки». Авторы ссылаются на документы — «Об усилении Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии — техническим вооружением и людскими ресурсами», «О льготах дальневосточному населению». Также здесь затрагиваются документы японского государства 1920–1930 гг. «Кантогунтокусюэнсю» («Особые маневры 137-й Квантунской армии»), «О принципах взаимоотношений между СССР и Японией».

В ключевых работах Е. Н. Галактионова «Создание системы укрепленных районов для обеспечения обороны морского побережья Дальнего Востока СССР в 1930-е годы» [3] и «Государственная политика по укреплению Дальневосточной морской границы СССР в 30-е годы XX века» [4] показывается значение Камчатки в области военного строительства в 1930-х годах и включение её в общий процесс формирования и дальнейшего развития развёрнутой системы укрепленных районов на Дальнем Востоке. Автором обозначаются особенности строительства укрепленных

морских районов, финансирования возведения укрепленных районов.

В заключении стоит отметить, что вопрос укрепления обороноспособности Камчатки в 1930-е — начале 1940-х годов на данном этапе развития историографии находится в стадии активного изучения, поиска новых данных, которыми являются ещё не опубликованные архивные источники, результаты полевых работ.

Подводя итог, можно отметить, что изучение оборонного военного потенци-

ала Камчатки в 1930-е — 1940-е годы представляет актуальный интерес для научного сообщества. Кроме того, оно позволяет военным и исследователям в области военного искусства, военной тактики, военной топографии и геодезии обратиться к предшествующему опыту использования оборонительных фортификационных сооружений, живой силы личного состава военнослужащих полуострова в боевых действиях для проведения тактико-оперативных учений.

Библиографический список

1. Богданов В. А., Бокань И. Т. Всегда в боевом дозоре. — Хабаровск: Дальневосточное издательство, 1980. — 256 с.
2. Верещага Е. М., Витер И. В. Камчатский оборонительный район // Верные долгу и Отечеству: материалы XXVII Крашенинниковских чтений / М-во культуры Камч. края, Камч. краевая науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова. — Петропавловск-Камчатский, 2010. — С. 11–29.
3. Галактионов Е. Н. Создание системы укрепленных районов для обеспечения обороны морского побережья Дальнего Востока СССР в 1930-е годы // Вестник СПбГУ. — Сер. 2. — 2014. — Вып. 1. — С. 40–47.
4. Галактионов Е. Н. Государственная политика по укреплению Дальневосточной морской границы СССР в 30-е годы XX века: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02. — Астрахань, 2016. — 198 с.
5. Гусаревич С. А., Сеоев В. П. На страже дальневосточных рубежей. — М.: Воениздат, 1982. — 296 с.
6. Деятельность коммунистической партии Советского Союза по развитию производительных сил и укреплению обороноспособности Дальнего Востока (1917–1976 гг.). — Владивосток: ДВГУ, 1976. — 357 с.
7. Зайцев Ю. М. Базовое строительство и оборона Дальнего Востока 1932–1945 гг.: теория, планы, проблемы, решения: монография. — Владивосток: ТОВМИ им. С. О. Макарова, 2009. — 280 с.
8. Зайцев Ю. М. Подготовка сопредельной территории Дальнего Востока к войне (1932–1945 гг.) // Россия и АТР. — 2010. — № 3. — С. 5–15.
9. Зайцев Ю. М. Проблемы инженерной подготовки побережья Дальнего Востока СССР к обороне (1932–1945): монография. — Владивосток: ТОВВМУ им. С. О. Макарова, 2018. — 193 с.
10. Зайцев Ю. М. Укрепление обороноспособности советского Дальнего Востока в 1932–1945 гг.: историография проблемы. История Дальнего Востока России (вторая половина XIX–XX в.) в освещении отечественной и зарубежной историографии: сборник научных статей. — Владивосток: Дальнаука, 2008. — 248 с.
11. Зайцев Ю. М. Контрразведывательные мероприятия по защите объектов военной инфраструктуры на Дальнем Востоке СССР (1930-е гг.) // Россия и АТР. — 2008. — № 2. — С. 128–138.

12. *Краснознаменный Дальневосточный*: очерки истории КДВО. — Хабаровск: Дальневосточное издательство, 1978. — 352 с.
13. *Крепость Россия*: Историко-фортификационный сборник. — Вып. 2. — Владивосток: Дальнаука, 2005. — 252 с.
14. *Кузин А. В.* Военное строительство на Дальнем Востоке СССР: 1922–1941 гг.: диссертация д-ра ист. наук: 07.00.02. — Иркутск, 2004. — 459 с.
15. *Макаров А. Г., Демьянчук А. И.* 30 лет на боевом посту. — Владивосток: Примор. кн. изд-во, 1962. — 128 с.
16. *Проскурина Л. И.* Деревня российского Дальнего Востока в 30-е гг. XX в. // *Россия и АТР*. — 2006. — № 4. — С. 16–23.
17. *Российский флот на Тихом океане*: в 4-х выпусках. — Владивосток: ДВГУ, 1996.
18. *Тихоокеанский флот*: [Воен.-ист. очерк] / С. Е. Захаров, М. Н. Захаров, В. Н. Багров, М. П. Котухов. — М.: Воениздат, 1966. — 286 с.
19. *Тихоокеанский флот России. 1731–2006 гг.*: исторический очерк / Н. С. Митичкин, В. В. Кулагин, В. Н. Муратов. — Владивосток: Дальнаука, 2006. — 285 с.
20. *Ткачёва Г. А.* Дальний Восток СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // *Россия и АТР*. — 2010. — № 4. — С. 15–27.
21. *Шабельникова Н. А.* Политические репрессии в армии // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 20–50-е гг.: материалы первой дальневосточной научно-практической конференции. — Владивосток: ДВГУ, 1997. — С. 145–148.
22. *Янгузов З. Ш.* Дальневосточная — опора прочная. — Хабаровск: Дальневосточное издательство, 1974. — 126 с.
23. *Янгузов З. Ш.* Особая Краснознаменная Дальневосточная армия на страже мира и безопасности СССР (1929–1938 гг.). — Благовещенск: Хабаровское книжное издательство, 1970. — 148 с.
24. *Янгузов З. Ш.* Этапы большого пути. — Хабаровск: Дальневосточное издательство, 1968. — 24 с.
25. *Янгузов З. Ш.* Немеркнущая слава Хасана. — Хабаровск: Дальневосточное издательство, 1968. — 44 с.
26. *Янгузов З. Ш.* Созвездие полководцев / сост. З. Ш. Янгузов, А. М. Веркеенко. — Благовещенск: Хабаровское книжное издательство, 1972. — 234 с.
27. *Ярошенко А. В.* Деятельность партийных организаций Дальнего Востока по укреплению восточных рубежей СССР (1939–1945 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1980. — 26 с.

УДК 811.111

О. Г. Шевченко

**О ДВОЙСТВЕННОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ
СУБЪЕКТНОЙ ИНФИНИТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ**

Аннотация. В статье описаны подходы к трактовке функции второго компонента субъектной инфинитивной конструкции. Инфинитив демонстрирует двойственную природу, совмещающая характеристики подлежащего и сказуемого, что является проявлением периферийного характера члена предложения, каковым он является.

Ключевые слова: субъектная инфинитивная конструкция, сложное подлежащее, сказуемое, периферия

O. G. Shevchenko

ON THE DOUBLE NATURE OF THE SUBJECTIVE INFINITIVE CONSTRUCTION

Abstract. The paper describes some ways of treating the function of the second component of the subjective infinitive construction. The infinitive displays the double nature as it combines the features of the subject and the predicate which is manifestation of the peripheral character of the part of the sentence it represents.

Key words: subjective infinitive construction, complex subject, predicate, periphery

Использование прототипического подхода в описании грамматических явлений дает возможность объяснить существование многочисленных случаев переходного характера, которые наблюдаются в области как морфологии, так и синтаксиса. Так, с помощью этого подхода лингвистам удалось выстроить системную типологию членов предложения, установить прототип и периферию внутри каждого из них, а также наличие промежуточных зон, где оказываются явления, совмещающие в себе признаки различных членов предложения [10].

В частности, в области подлежащего выявлен прототип — это, по мнению Н. Н. Болдырева, «существительное конкретной семантики в общем падеже, зани-

мающее в составе предложения начальную синтаксическую позицию, обозначающее одушевленный объект и выступающее в семантической функции исполнителя действия, агенса» [10, с. 237]. К периферии же ученый относит подлежащее пассивных конструкций с глагольным сказуемым, выражающим действие, и полагает, что такие случаи оказываются в переходной зоне между подлежащим и дополнением [10, с. 237].

В переходную зону можно также включить случаи использования так называемого сложного подлежащего. Термин «сложное» применяется в английской грамматике при описании как главных, так и второстепенных членов предложения; так, нередко упоминается

понятие сложного подлежащего, общепринятым является термин «сложное дополнение». Так называется дополнение, выраженное предикативной конструкцией — объектной причастной, объектной инфинитивной, инфинитивной с предлогом *for*, герундиальной. Следует заметить, однако, что аналогичными конструкциями могут быть представлены все второстепенные члены предложения — и обстоятельство, и определение, хотя их называть сложными в нормативной грамматике не принято, за редким исключением [5, с. 382].

Использование предикативных конструкций связано с тем, каким образом автор высказывания стремится представить описываемое событие. То, как говорящий акцентирует различные аспекты передаваемой им информации и называется, в терминах когнитивной лингвистики, «упаковкой информации», включает целый ряд приемов, позволяющих говорящему необходимым, с его точки зрения, образом расставить акценты. Данной цели служат понятия эмпатии, фокуса, определенности, данного, нового, топика и т. п. — по мнению У. Чейфа, это способы упаковки предложения, связанные, прежде всего, со способом передачи сообщения и лишь потом с содержанием этого сообщения [15, с. 278]. При выборе языкового средства обозначения фрагмента мира человек руководствуется двумя тесно взаимосвязанными факторами: каким образом он сам в момент речи воспринимает и оценивает ситуацию и каким образом он хотел бы ее репрезентировать своему собеседнику [14, с. 194].

В связи с этим оказывается актуальным обращение к теории эвиденциальности, которая связана с природой коммуникативного общения человека [11, с. 254]. В этой категории выражается когнитивная сущность речевой и мысли-

тельной деятельности человека. Эвиденциальность — это способ экспликации источника информации с использованием специальных маркеров [11, с. 254] как грамматического, так и лексического свойства. Одним из таких маркеров является субъектная инфинитивная конструкция: *President Reagan's dog was said to bark outside this door for hours at a time (D. Brown)*. Гораздо реже используется субъектная причастная конструкция: *Soon a single runner was seen hurrying along the narrow path (J. R. R. Tolkien)*. Эти конструкции относятся к числу явлений, которые получают двоякую трактовку с точки зрения их идентификации как члена предложения. Нередко они называются «сложным подлежащим» [4; 8; 10].

Среди первых ученых, предложивших такую трактовку, был О. Есперсен, который считал, что «в пассивной конструкции *I am believed to be guilty* подлежащим является не *I*, а нексус *I to be guilty*, хотя эти слова и не расположены рядом» [8, с. 136]. Конструкция выполняет функцию сложного подлежащего: в предложении *The girl was seen to leave the house* *The girl ... to leave the house* является подлежащим по отношению к сказуемому *was seen*: “What was seen is the girl in the action of leaving the house” [4, с. 263].

Однако впоследствии эта точка зрения подверглась серьезной критике. Одним из аргументов, выдвинутых ее оппонентами, является то, что сказуемое таких предложений может быть преобразовано в определение-компонент словосочетания, в то время как часть сложного подлежащего (в отличие от части сложного сказуемого) ни при каких условиях не может стать частью определения: *The men were known to have been working there. The men were no longer alive. → The men known to have*

been working there were no longer alive [12, с. 50].

Что касается конструкций в предложениях с глаголом в активном залоге, среди них также можно найти свидетельства в пользу того, что вряд ли инфинитив входит в состав подлежащего. Так, глагол *to seem* обладает модальным значением предположения и по своей семантике схож с модальными глаголами *may, must*. При сравнении их функционирования оказывается, что такие предложения характеризуются одинаковой синтаксической структурой; различие между ними лежит в области семантики и заключается в степени вероятности действия, приписываемого субъекту: *Elspeth seemed to have been using the cabinet as a make-up box (J. Braine)*. *She must have been going at the hell of a pace (J. Braine)*. Различные модальные оттенки, выраженные лексически, не могут определять принадлежность форм к разным членам предложения [12, с. 52].

Еще одним доводом в пользу того, что в подобных случаях мы имеем дело со сложным сказуемым, а не подлежащим, является возможность использования однородных членов предложения — сказуемых, соединенных союзом *and*: *He seemed to be and probably was on the brink of a fit (Ch. Dickens)*. Эти сказуемые стоят в предложении при одном подлежащем — местоимении *he* [1, с. 294].

Таким образом, принимая во внимание приведенные аргументы, следует согласиться, что в построениях такого типа мы имеем дело со сложным глагольным сказуемым. Согласно достаточно распространенному мнению, собственно подлежащим является лишь первый, именной элемент; неличная форма глагола входит в составное глагольное модальное сказуемое [6, с. 252; 348; 7, с. 239; 12, с. 55]. Н. А. Кобриня считает его особым типом составного сказуемого — двойной ориен-

тации, поскольку действия рассматриваются с двух точек зрения — говорящего и лица, выраженного подлежащим [5, с. 336]. Как отмечает лингвист, семантически только вторая часть сказуемого относится к подлежащему; что же касается первого элемента сказуемого — глагола в личной форме, он обозначает лишь комментарий, оценку, суждение, заключение, отношение к действию или состоянию, выраженному сказуемым [5, с. 404].

Действительно, в ряде случаев специфика формы пассива достаточно очевидна; так, при сравнении предложений *He was told to come* и *He was said to come* заметны различия в отношениях между субъектом и действием, выраженным последующим глаголом в личной форме: во втором предложении, в отличие от первого, действие не направлено на лицо, выраженное подлежащим. Как отмечает О. А. Кобриня, вычленение *He was said* не грамматично, «так как это не форма пассива, т. е. эта часть явно модусная и предопределяет последующее действие» [11, с. 257].

С точки зрения значения только вторая часть сказуемого связана с подлежащим. Грамматически подлежащее соотносится с первой частью сказуемого — глаголом в личной форме, который не может быть его предикатом, поскольку он выражает комментарий, оценку, суждение, заключение, отношение к действию или состоянию, выраженному инфинитивом. Этот комментарий или отношение исходят от лица или лиц, не упомянутых в предложении, поэтому такие предложения могут быть трансформированы в сложные с неопределенно-личным подлежащим главного предложения; *He is reported to have left* → *They report (or somebody reports) that he has left* [5, с. 404].

Тем не менее, термин «сложное подлежащее» достаточно популярен и в наши дни [2, с. 349; 13, с. 212]. Ученые

мотивируют это тем, что пассивная конструкция *They were seen taking the train to Paris* восходит к активной конструкции *People saw them taking the train to Paris*, где сочетание *them taking the train* несомненно, является дополнением. Как известно, при пассивизации предложения дополнение преобразуется в подлежащее, поэтому сложное дополнение *them taking the train* соответствует сложному подлежащему *they ... taking the train* [13, с. 212].

Исследователи практически единодушны в перечислении групп глаголов, способных использоваться в составе предложений с субъектной конструкцией. Часть их всегда имеет форму пассивного залога и характеризуется различной семантикой; это — глаголы:

- речевой деятельности: *to say, to inform, to declare, to state, to report, etc.*, наиболее типичный из них — *to say*. Их особенность состоит в том, что они обычно не сопровождаются инфинитивом в длительной форме, поскольку говорится, как правило, не о процессе, а о факте, который совершился в прошлом или имеет место в настоящем;
- умственной деятельности: *to consider, to suppose, to know, to think, to believe, to mean, etc.*, наиболее частотные среди них — *to know*, выражающий уверенность в сообщаемом факте, и *to suppose*, выражающий предположение, а также используемый для скромного, вежливого высказывания. Было установлено, что с этими глаголами субъектная конструкция встречается чаще, чем объектная, и их перечень, соответственно, богаче [6, с. 252];
- чувственного восприятия: *to see, to hear, to notice, etc.*

Некоторые лингвисты [5, с. 405] добавляют в этот список также глаголы с каузативным значением: *to cause, to make, to order, to allow*. Иногда упо-

минается лишь один из них — *to make* [7, с. 240].

Грамматисты отмечают, что глаголы в пассивном залоге не занимают первого места по употребительности в составе предложений с конструкцией, однако наблюдается их значительное разнообразие.

Кроме того, конструкция нередко употребляется с используемыми в активном залоге *to seem, to appear, to happen, to chance, to prove, to turn out*, которые выражают субъективное, личное отношение к фактам и их оценку. В этом списке лишь шесть глаголов, однако этот тип конструкции исследователи находят самым распространенным, и среди них наиболее частотный глагол — *to seem* [1, с. 289].

В качестве компонентов предложений с субъектной инфинитивной конструкцией используются также словосочетания *to be likely / unlikely, to be sure, to be certain*, обозначающие различные оттенки гипотетичности [5, с. 405] (наиболее употребительное из них — *to be likely*). Эта разновидность сказуемого иногда называется составным именным-глагольным модальным [9, с. 265].

В предложениях с субъектной конструкцией эти глаголы выражают отношение говорящего к происходящему. При этом подразумевается существование какого-либо автора-источника, способного воспринимать, чувствовать, высказывать свою, собственную точку зрения; с другой стороны, здесь может происходить выражение общего мнения, суждения, известного факта. Такая конструкция может использоваться и в том случае, если говорящий хочет избежать ответственности за свое высказывание [11, с. 257].

Г. А. Вейхман описывает как разновидности предложений со сложным подлежащим еще ряд структур, предлагая при этом в качестве критерия характер отношения между субъектом и приписы-

ваемым ему признаком. Субъект может самостоятельно производить действие: *She is nice to wait* (→ *It is nice that she waited*). Таким образом, инфинитив является частью подлежащего; подобное его употребление рассматривается некоторыми грамматистами как часть предикатива, т. е. часть сказуемого. Такого рода предложения нередко используются при описании качеств лица / предмета, выраженного субъектом сложного подлежащего: *Her letters had been like reading stories in the morning paper, loving, of course, and clear, concise, easy to read* (T. Clancy) [2, с. 351].

Субъект может также подвергаться действию: *She is nice to teach* (→ *It is nice to teach her*). В результате аналогичной трансформации функция инфинитива не имеет однозначного описания, подлежащее же преобразуется в дополнение [2, с. 150].

Ученый приводит ряд аргументов в пользу существования этой разновидности сложного сказуемого: 1) простое сочетание препозитных подлежащих со сказуемым в таких предложениях не соответствует языковым нормам: *The bridge takes three years to build.* → **The bridge takes three years*; 2) объединение начального подлежащего и конечного инфинитива возможно (однако при этом меняется как порядок их следования, так и синтаксические функции): *The bridge*

takes three years to build. → *It takes three years to build the bridge. To build the bridge takes three years. It takes three years for the bridge to be built.* [3, с. 464]. Г. А. Вейхман приходит к выводу о том, что объединение начальных подлежащих и конечных инфинитивов в единый член предложения — сложное подлежащее — неправомерно. Данное понятие появилось в рамках формального синтаксиса, без учета неформальных синтаксических связей, характерных для актуального членения предложения, а также прева-лирования содержания над формой, что в языке проявляется нередко [3, с. 465].

Таким образом, в предложениях с субъектной конструкцией и другими типами так называемого сложного подлежащего мы имеем дело с особой разновидностью сказуемого, в котором формально нечленимый предикат относится к разным субъектам. Первый элемент сказуемого ориентирован на невербализованный субъект, который имплицитно или представлен как некое обобщение. Именно с ним сказуемое согласуется грамматически. Второй элемент сказуемого ориентирован на субъект, присутствующий в предложении [10, с. 247]. Существование такого типа сказуемого во многом обусловлено коммуникативными целями говорящего, в частности, выражением эвиденциальности — указанием на неясный источник информации.

Библиографический список

1. Андриевская Л. И. Субъектная конструкция с инфинитивом в современном английском языке // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Т. 181. — Вып. 3. — 1958.
2. Вейхман Г. А. Новое в грамматике современного английского языка: учеб. пос. для вузов. 2-е изд., дополн. и испр. — М.: ООО Издательство Астрель: ООО «Издательство АСТ», 2002.
3. Вейхман Г. А. Грамматика текста. — М.: Высшая школа, 2005.
4. Ганишина М. А., Василевская Н. М. Практическая грамматика английского языка (English Grammar). — М.: Высшая школа, 1964.
5. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис / Н. А. Кобрина, Е. А. Корнева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. — СПб.: Союз, 2002.

6. *Грамматика* современного английского языка: учебник для студ. высш. учеб. завед. / О. В. Емельянова, А. В. Зеленщиков, Е. С. Петрова и др. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ. М.: Издательский центр «Академия», 2003.
7. *Грамматика* английского языка / В. Л. Каушанская, Р. Л. Ковнер, О. Н. Кожевникова, Е. В. Прокофьева и др. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: Айрис-пресс, 2008.
8. *Есперсен О.* Философия грамматики. — М.: УРСС, 2001.
9. *Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л.* Современный английский язык. — М.: издательство литературы на иностранных языках, 1956.
10. *Кобрин Н. А.* Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пос. / Н. А. Кобрин, Н. Н. Болдырев, А. А. Худяков. — М.: Высшая школа, 2007.
11. *Кобрин О. А.* Возможна ли эвиденциальность восприятия? // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. — Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. Сб. статей к юбилею профессора Н. А. Кобиной. — СПб.: Тригон, 2005.
12. *Перли В. П.* О так называемом «сложном подлежащем» в современном английском языке // Студия германистика. Грамматика английского и немецкого языков. — Ленинград: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976.
13. *Прибыток И. И.* Теоретическая грамматика английского языка = Theory of English Grammar: учеб. пос. для студ. лингв. вузов и фак. ин. языков. — М.: издательский центр «Академия», 2008.
14. *Худяков А. А.* Теоретическая грамматика английского языка. — М.: издательский центр «Академия», 2007.
15. *Чейф У. Л.* Данное, контрастивность, определенность, подлежащее и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 11. — М., 1982.

УДК 159.9

Е. А. Водинчар, М. Н. Османова

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ВРАЧЕЙ,
РАБОТАЮЩИХ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ В «КРАСНОЙ ЗОНЕ»**

Аннотация. В статье представлены результаты анализа психологического благополучия врачей, работавших в период пандемии COVID-19 в «красной зоне».

Ключевые слова: психологическое благополучие, «красная зона», пандемия

Ye. A. Vodinchar, M. N. Osmanova

**PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF DOCTORS WORKING
IN THE "RED ZONE" DURING THE PANDEMIC**

Abstract. The article presents the results of the analysis of the psychological well-being of doctors working in the "red zone" during the COVID-19 pandemic.

Key words: psychological well-being, "redzone", pandemic

Пандемия COVID-19 значительно повысила психические расстройства, усилилось страдание от стресса, тревоги и депрессии. Исследования ученых, проведенные в Италии, Китае, Великобритании, США, Индии, а также в других странах, посвященные влиянию пандемии на психологическое здоровье медицинских работников, показали, что тревоге, депрессии и посттравматическому стрессовому расстройству подвержено значительное количество врачей. Так, например, в Австралии и США от трети до половины медицинского персонала, а в Великобритании — 58% врачей демонстрировали в исследованиях признаки посттравматического стрессового расстройства, тревоги и депрессии [2].

До сегодняшнего дня было проведено крайне мало исследований, которые бы оценили влияние пандемии и условий работы врачей в «красной зоне» на

психологическое благополучие медицинских работников, хотя именно от психологического состояния врачей во многом зависит эффективность лечения пациентов.

Объект исследования — психологическое благополучие личности.

Предмет исследования — структурные и содержательные особенности психологического благополучия врачей в период пандемии в зависимости от опыта работы в «красной зоне».

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что в период пандемии психологическое благополучие врачей, работающих в «красной зоне», имеет структурную и содержательную специфику.

Цель данного исследования заключается в изучении структурных и содержательных особенностей психологического благополучия врачей в период

пандемии в зависимости от опыта работы в «красной зоне».

Эмпирическую базу исследования составили 65 врачей в возрасте от 35 до 50 лет, проживающих в разных городах Российской Федерации, из них 32 — работающих с пациентами COVID-19 в условиях стационара в «красной зоне», и 33 — не работающих с пациентами в «красной зоне», ведущих амбулаторный прием.

Методы исследования:

1. Теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования.

2. Методы эмпирического исследования:

- шкала психологического благополучия К. Рифф (переведена на русский язык и адаптирована Т. Д. Шевеленковой и П. П. Фесенко);
- шкала удовлетворённости жизнью E. Diener, R. A. Emmons, R. J. Larsen и S. Griffin (адаптирована и валидизирована Е. И. Осиним и Д. А. Леонтьевым на русском языке);
- шкала субъективного счастья С. Любомирски (адаптирована в русскоязычной версии и валидизирована Д. А. Ле-

онтьевым);

- опросник выгорания К. Маслач (в адаптации Н. Е. Водопьяновой);
- госпитальная шкала тревоги и депрессии A. S. Zigmond, R. P. Snaith;
- шкала самоуважения М. Розенберга (адаптирована на русском языке А. А. Золотаревой).

3. Методы количественной и качественной обработки данных: сравнительный анализ данных с использованием статистических критериев различия (t-критерий Стьюдента) и корреляционный анализ, а также их содержательная интерпретация.

После проведения опроса у 65 медицинских работников с высшим образованием, все врачи были поделены на 2 группы — работающие в «красной зоне» и не работающие в ней. Результаты по каждой методике приведены последовательно ниже.

1. Шкала психологического благополучия К. Рифф (переведена на русский язык и адаптирована Т. Д. Шевеленковой и П. П. Фесенко) — данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. — Результаты сравнения средних значений в двух группах по методике «Шкала психологического благополучия» К. Рифф

Наименование шкалы	Группа 1, среднее значение (врачи, работающие в «красной зоне»)	Группа 2, среднее значение (врачи, не работающие в «красной зоне»)	t эмп
Позитивные отношения	53,88	63,24	4,73**
Автономия	52,31	59,24	4,70**
Управление средой	53,13	64,12	7,18**
Личностный рост	57,19	64,09	4,47**
Цели в жизни	57,22	66,71	5,48**
Самопринятие	52,78	63,00	5,45**
Психологическое благополучие	327,34	381,12	7,35**

где * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$

Показатели обеих групп респондентов по всем указанным в таблице 1 шкалам находятся в диапазоне средних значений, что свидетельствует о нормативном психологическом благополучии респондентов обеих групп. Однако между группами есть статистически значимая разница по всем шкалам методики, включая интегративную шкалу, позволяющая сделать вывод о более высоком уровне психологического благополучия у респондентов второй группы, не имеющих опыта работы в «красной зоне».

Таблица 2. — Результаты сравнения средних значений в двух группах по шкале удовлетворенности жизнью Э. Динера, Р. Эммонса, Р. Ларсена, С. Гриффина

Наименование шкалы	Группа 1, среднее значение (врачи, работающие в «красной зоне»)	Группа 2, среднее значение (врачи, не работающие в «красной зоне»)	t эмп
Удовлетворённость жизнью	19,03	24,85	3,76**

где * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$

Сравнивая первую и вторую группу врачей, хочется отметить, что работа в «красной зоне» отражается на удовлетворенности жизнью, а значит имеет влияние и на психологическое благополучие врачей. У врачей, оказывающих помощь пациентам «красной зоны», показатель удовлетворенности жизнью ниже, можно сказать, что в данной группе удовлетворенность отношениями, достигнутыми целями, Я-концепциями и способность справляться с повседневными проблемами имеет более низкий уровень, чем у врачей второй группы.

При этом, хочется отметить, что удовлетворенность жизнью, являясь ключевой частью субъективного благополучия, предполагает благоприятное отношение к своей жизни, при этом оно не оценивает текущие чувства.

3. Шкала субъективного счастья

2. Шкала удовлетворённости жизнью Е. Diener, R. A. Emmons, R. J. Larsen и S. Griffin (адаптирована и валидизирована Е. И. Осиним и Д. А. Леонтьевым на русском языке) — данные представлены в таблице 2.

Врачи «красной зоны» имеют среднее значение по шкале удовлетворенности жизнью — 19,03, а испытуемые, не работающие с пациентами с диагнозом COVID-19, по шкале удовлетворенности жизнью — 24,85 балла.

С. Любомирски (адаптирована в русскоязычной версии и валидизирована Д. А. Леонтьевым) — данные представлены в таблице 3.

В первой группе, включающей в себя врачей, работающих в «красной зоне» среднее значение по шкале субъективного счастья С. Любомирски составило 17,31, что указывает на показатель нормы (норма от 11,05 до 17,72) у медицинских работников данной группы. Во второй группе, у врачей, не работающих в «красной зоне», по шкале субъективного счастья среднее значение составило 22,03, что соответствует уровню субъективного счастья выше нормы. Сравнивая первую и вторую группу, можно сделать вывод, что работа в «красной зоне» взаимосвязана с уровнем субъективного счастья.

Таблица 3. — Результаты сравнения средних значений в двух группах по шкале субъективного счастья

Наименование шкалы	Группа 1, среднее значение (врачи, работающие в «красной зоне»)	Группа 2, среднее значение (врачи, не работающие в «красной зоне»)	t эмп
Субъективное счастье	17,31	22,03	4,92**

где $*p \leq 0,05$, $**p \leq 0,01$

Таким образом, врачи, не работающие с пациентами с диагнозом COVID-19, субъективно ощущают себя более счастливыми. Субъективное счастье зависит от внутреннего состояния человека, его отношения к жизни и происходящим в ней явлениям, поэтому врачи второй группы имеют более высокую удовлетворенность жизнью.

Таблица 4. — Результаты сравнения средних значений в двух группах по шкале самоуважения М. Розенберга

Наименование шкалы	Группа 1, среднее значение (врачи, работающие в «красной зоне»)	Группа 2, среднее значение (врачи, не работающие в «красной зоне»)	t эмп
Самоуважение	29,03	33,06	4,49**

где $*p \leq 0,05$, $**p \leq 0,01$

Более низкий уровень самоуважения, характерный для респондентов первой группы, предположительно можно объяснить их регулярными столкновениями с ограниченностью возможностей оказывать медицинскую помощь людям, находящимся в критическом состоянии.

5. Госпитальная шкала тревоги и депрессии А. S. Zigmond и R. P. Snaith — результаты в таблице 5. В первой группе, включающей в себя врачей, работающих в «красной зоне», среднее значение по шкале «депрессия» составило 9,25, что указывает на субклинически выраженную депрессию у медицинских работников данной группы. Во второй группе, у врачей, не работающих в «крас-

4. Шкала самоуважения М. Розенберга (адаптирована на русском языке А. А. Золотаревой) — данные приведены в таблице 4.

Среднее значение по шкале самоуважение в обеих группах испытуемых выше среднего (21.9 ± 5.52): 29,03 — в первой группе, 33,06 — во второй группе.

ной зоне», по шкале «депрессия» среднее значение составило 6,39, что соответствует норме и отсутствию достоверно выраженных симптомов депрессии.

Аналогичные результаты получены по шкале тревоги: врачи, выполняющих свои рабочие функции в «красной зоне», имеют среднее значение по шкале «тревога» 8,34, что указывает на субклинически выраженную тревогу; в то же время респонденты, которые не работают с пациентами с диагнозом COVID-19, по шкале «тревога» демонстрируют отсутствие достоверно выраженных симптомов тревоги. В данной группе врачей среднее значение составило только 3,7 баллов.

Таблица 5. — Результаты сравнения средних значений в двух группах по госпитальной шкале тревоги и депрессии А. S. Zigmond и R. P. Snaith

Наименование шкалы	Группа 1, среднее значение (врачи, работающие в «красной зоне»)	Группа 2, среднее значение (врачи, не работающие в «красной зоне»)	t эмп
Тревога	9,25	6,39	3,99**
Депрессия	8,34	3,70	5,52**

где * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$

Таким образом, сравнивая обе группы, можно сделать вывод, что показатели тревоги и депрессии, исследованные по госпитальной шкале А. S. Zigmond и R. P. Snaith, имеют специфику в зависимости от условий работы и выходят за пределы нормы у группы врачей, работающих с пациентами в «красной зоне», так как именно в данной группе была субклинически выражена тревога и депрессия.

6. Опросник выгорания К. Маслач (в адаптации Н. Е. Водопьяновой) дан-

ные представлены в таблице 6.

Врачи, работающие с пациентами с диагнозом COVID-19 в «красной зоне», имели среднее значение по шкале «эмоциональное истощение» — 29,16, что указывает на высокий уровень эмоционального истощения у медицинских работников данной группы. Вторая группа врачей по шкале «эмоциональное истощение» имела среднее значение 17,21, что соответствует среднему уровню эмоционального истощения.

Таблица 6. — Результаты сравнения средних значений в 2 группах по опроснику выгорания К. Маслач (адаптирован Н. Е. Водопьяновой)

Наименование шкалы	Группа 1, среднее значение (врачи, работающие в «красной зоне»)	Группа 2, среднее значение (врачи, не работающие в «красной зоне»)	t эмп
Эмоциональное истощение	29,16	17,21	5,31**
Деперсонализация	14,66	7,91	4,49**
Редукция профессиональных достижений	30,97	34,88	2,37*

где * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$

В первой группе респондентов, работающих в «красной зоне», среднее значение по шкале «деперсонализация» составило 14,66, что указывает на высокий уровень деперсонализации у врачей, работающих с пациентами с диагнозом COVID-19. Во второй группе, у врачей, не работающих в «красной зоне», среднее значение уровня деперсонализации составило 7,91, что соответствует сред-

нему уровню.

Врачи медицинских учреждений, выполняющих свои рабочие функции в «красной зоне», имеют среднее значение по шкале «редукция профессиональных достижений» 30,97 баллов, что указывает на средний уровень выраженности этого признака. Во второй группе, у врачей, не работающих в «красной зоне», по шкале «редукция профессио-

нализма» среднее значение составило 34,97, что так же соответствует среднему уровню выгорания. Можно предположить, что обе группы врачей демонстрируют снижение продуктивности, которое предположительно связано с большим кругом задач на работе, «выгоранием» на работе, часто с ненормированным графиком работы и хронической усталостью. Однако редукция профессионализма значимо ниже в группе респондентов, профессиональная деятельность которых протекает в «красной зоне». Вероятно, высокий уровень ответственности может выступать фактором, препятствующим негативной оценке своей компетентности и продуктивности.

Таким образом, сравнивая обе группы, **можно сделать вывод**, что для врачей, работающих в «красной зоне» характерно эмоциональное истощение, являющееся основной составляющей профессионального выгорания, которое обычно приводит к снижению эмоционального тонуса, утрате интереса к окружающей действительности, равнодушию, а также может способствовать проявлению агрессивных реакций и симптомов депрессии, что может сказаться на общении с пациентами и близким окружением. Деперсонализация — обесценивание межличностных отношений, утрата чувства собственного «Я», ощущение пустоты и другое. Врачи «красной зоны», возможно, испытывают ощущение нереальности ок-

ружения или могут автоматически выполнять свои обязанности, кроме того, у них могут нарушаться интегративные функции сознания — эмоции, восприятия, мышления, памяти, контроля над движениями. Субклинически выраженные тревога и депрессия также являются характерными для первой группы респондентов, что может быть связано с условиями выполнения ими профессиональных обязанностей, включающими как риски для собственной жизни и здоровья, так и переживания беспомощности и отчаяния в случае, когда не удается спасти жизни своих пациентов.

Изучение структурных и содержательных особенностей психологического благополучия врачей, работающих в период пандемии в «красной зоне», возвращает нас к гипотезе исследования. Предположение о том, что в период пандемии психологическое благополучие врачей, работающих в «красной зоне», имеет структурную и содержательную специфику подтвердилось благодаря сравнительному анализу данных с использованием статистических критериев различия (t-критериев Стьюдента).

Результаты корреляционного анализа данных

На следующем этапе исследования мы изучали внутреннюю структуру психологического благополучия, используя данные корреляционного анализа по Пирсону. Данные сведены в таблицу 7.

Таблица 7. — Результаты корреляционного анализа

Шкала 1	Шкала 2	Группа 1	Группа 2
Положительные отношения с другими (Шкала психологического благополучия К. Рифф)	Госпитальная шкала тревоги и депрессии Zigmond A. S., Snaith R. P. («тревога»)		-0,42*
Личностный рост (Шкала психологического благополучия К. Рифф)	Госпитальная шкала тревоги и депрессии Zigmond A. S., Snaith R. P. («тревога»)	-0,40*	

Окончание табл. 7

Шкала 1	Шкала 2	Группа 1	Группа 2
	Госпитальная шкала тревоги и депрессии Zigmund A. S., Snaith R. P. («депрессия»)	-0,40*	
Цель в жизни (Шкала психологического благополучия К. Рифф)	Госпитальная шкала тревоги и депрессии Zigmund A. S., Snaith R. P. («депрессия»)	-0,42*	
	Опросник выгорания К. Маслач («эмоциональное истощение»)	-0,50**	
	Опросник выгорания К. Маслач («деперсонализация»)	-0,46**	
	Опросник выгорания К. Маслач («редукция профессиональных достижений»)		0,37*
Самопринятие (Шкала психологического благополучия К. Рифф)	Опросник выгорания К. Маслач («эмоциональное истощение»)	-0,43*	
	Госпитальная шкала тревоги и депрессии Zigmund A. S., Snaith R. P. («депрессия»)	0,48**	
Интегративный показатель психологического благополучия (Шкала психологического благополучия К. Рифф)	Госпитальная шкала тревоги и депрессии Zigmund A. S., Snaith R. P. («депрессия»)	-0,38*	
	Госпитальная шкала тревоги и депрессии Zigmund A. S., Snaith R. P. («тревога»)		-0,38*
	Опросник выгорания К. Маслач («эмоциональное истощение»)	-0,44*	
	Опросник выгорания К. Маслач («деперсонализация»)	-0,36*	
Шкала Самоуважения М. Розенберга	Шкала субъективного счастья С. Любомирски (адаптирована Д. А. Леонтьевым)	0,36*	
	Положительные отношения с другими (Шкала психологического благополучия К. Рифф)	0,51**	
	Автономия (Шкала психологического благополучия К. Рифф)	0,51**	
	Управление окружением (Шкала психологического благополучия К. Рифф)	0,73***	0,36*

$r = 0,355$ при $p \leq 0,05$; $r = 0,456$ при $p \leq 0,01$; $r = 0,562$ при $p \leq 0,001$

Госпитальная шкала тревоги и депрессии ожидаемо отрицательно коррелирует со шкалами методики К. Рифф, однако выявлена специфика для групп испытуемых: если для группы респондентов, не имеющих опыта работы в «красной зоне», характерна опора на положительные

отношения с окружающими, открытость в межличностных отношениях, доверие и заботу как ресурс, позволяющий справляться с тревогой, то для врачей, работающих в «красной зоне», более важным ресурсом оказывается возможность реализации своего потенциала, чувство

непрекращающегося развития и роста, а также переживание направленности, перспективы и осмысленности жизни. Необходимо отметить, что возможность самореализации и осмысленность жизни препятствуют не только нарастанию тревоги, но и депрессивным переживаниям врачей, работающих в «красной зоне». В контрольной группе взаимосвязи со шкалой депрессии отсутствуют.

Интересной представляется положительная корреляционная связь депрессивных переживаний со шкалой самопринятия. Можно предположить, что респонденты, для которых характерно позитивное самоотношение, опора на свои сильные стороны, сталкиваясь с невозможностью достичь поставленных перед собой целей в полном объеме, с ухудшением состояния или смертью своих пациентов, в большей степени склонны к депрессивным переживаниям, чем лица, неуверенные в своих силах и предвосхищающие неуспех в своих действиях.

Направленность жизни, чувство перспективы и самопринятие также могут выступать буфером по отношению к эмоциональному истощению, которое проявляется в переживаниях сниженного эмоционального тонуса, повышенной психической истощаемости и аффективной лабильности, утраты интереса и позитивных чувств к окружающим, ощущении «пресыщенности» работой, неудовлетворенностью жизнью в целом. С другой стороны, деперсонализация, которая проявляется в эмоциональном отстранении и безразличии, формальном выполнении профессиональных обязанностей без личной включенности и сопереживания,

неизбежным образом приводит к снижению уровня психологического благополучия в целом и к значительной потере чувства перспективы, в частности.

Самоуважение испытуемых, работающих в «красной зоне», в значительно большей, чем в контрольной группе, степени взаимосвязано с возможностью эффективно использовать предоставляющиеся возможности, улавливать или создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и достижения целей. Для сохранения самоуважения врачам, имеющим опыт работы с пациентами с тяжелым течением COVID, важно самостоятельно регулировать свое поведение, полагаться на себя при принятии важных решений, проявлять теплоту и заботиться об окружающих.

Делая вывод на основании изучения результатов корреляционного анализа, необходимо отметить значительно более важную роль компонентов психологического благополучия для снижения рисков развития как профессионального выгорания, так и признаков тревожно-депрессивного расстройства в группе врачей, работающих в экстремальных условиях выполнения профессиональной деятельности. Очевидно, что повышенные нагрузки как на профессиональное мастерство, так и на собственно личность гораздо более явным образом предполагают опору на личностные ресурсы. Психологическое благополучие медицинских работников в периоды эпидемий и пандемий несомненно должно стать предметом пристального научного интереса со стороны специалистов помогающих профессий.

Библиографический список

1. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита. Психологический журнал. — 1994. — № 1. — С. 3–18.
2. Психологический дистресс и посттравматическая симптоматика у стоматологических работников в России: результаты пилотного исследования. / М. Сарапульцева,

- А. Сарапульцев, А. Золотарева, И. Крицкий, Н. Насретдинова. — International Journal of Environmental Research and Public Health. — 2021. — № 18 (2). — С. 708. — URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/18/2/708/htm#B3-ijerph-18-00708>.
3. Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. — Изд-во «София», 2006. — 368 с.
 4. Созонтов А. Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического благополучия. — Вопросы психологии. — 2006. — № 4. — С. 105–115.
 5. Соколова М. В. Шкала субъективного благополучия. — Ярославль, 1996. — 11 с.
 6. Тхостова А. Ш., Рассказова Е. И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? — Консультативная психология и психотерапия. — 2020. — Т. 28. — № 2. — С. 70–89. — URL: https://psyjournals.ru/files/114408/cpp_2020_n2_Tkhostov_Rasskazova.pdf.
 7. Ширяева О. С. Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности. — Диссертация на соискание ученой степени. — Петропавловск-Камчатский, 2008. — С. 3–101.

УДК 159.9

Л. И. Кузнецова

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО СТАТУСА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ, ИМЕЮЩИХ ТРУДНОСТИ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу особенностей когнитивного статуса младших школьников, имеющих трудности обучения. Рассматриваются симптомокомплекс психических дисфункций детей данной категории. Делается вывод о специфичности их проявления.

Ключевые слова: младший школьный возраст, когнитивное развитие, задержка психического развития, трудности школьного обучения, дисфункции психического развития

L. I. Kuznetsova

PECULIARITIES OF THE COGNITIVE STATUS OF YOUNGER STUDENTS WITH LEARNING DIFFICULTIES

Abstract. The article is devoted to a theoretical analysis of the peculiarities of the cognitive status of younger students with learning difficulties. The symptom complex of mental dysfunctions of children of this category is considered. The conclusion about the specificity of their manifestation is made.

Key words: Primary school age, cognitive development, mental retardation, schooling difficulties, mental developmental dysfunctions

В последние годы наблюдается постоянный рост количества учащихся начальных классов, имеющих трудности

обучения и усвоения школьных знаний. При переходе в следующий класс они препятствуют освоению нового учебно-

го материала, что приводит к снижению успеваемости учащихся по базовым предметам, а также негативным личностным изменениям.

Согласно исследованиям Л. В. Лопатиной, Е. М. Мастюковой и других, у детей с трудностями обучения наблюдаются недостатки двигательной сферы (координации, ловкости и скорости их выполнения), затруднения при опоре на вербальную инструкцию, разной степени выраженности дисфункции других ВПФ (недифференцированность, избирательность восприятия, узость, неустойчивость, инертность внимания, слабость, низкий объём памяти), а также неврологическая симптоматика, негативно влияющая на психоречевое развитие данной категории детей.

В работах И. П. Павлова, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьева, С. Г. Блайт и других, полноценное физическое развитие ребёнка является неотъемлемым условием для нормального формирования его речи. Констатируется, что становление речевой функции тесно взаимосвязано с развитием моторной сферы ребёнка — усвоение сложных движений и их серий происходит при участии речи, в свою очередь динамичное точное выполнение двигательных упражнений для отдельных частей тела (ног, головы, рук, пальцев) подготавливает моторную базу для совершенствования двигательных умений артикуляторных органов (губ, языка, нижней челюсти).

По мнению М. М. Кольцовой, кора головного мозга является главным двигательным центром, а движение как моторный процесс играет важнейшую роль в развитии обобщающей функции мозга.

Отечественный нейрофизиолог Н. А. Бернштейн разработал теорию организации движений, согласно которой речь реализуется высшим уровнем мозговой организации двигательного-психиче-

ских сфер человека. А. Р. Лурия отмечал взаимосвязь общей и речевой моторики. Согласно работам Г. А. Каше, Н. Л. Крыловой, Р. Е. Левиной, О. В. Правдиной, Е. Ф. Рау, Т. А. Ткаченко, М. Ф. Фомичевой и других, степень сформированности артикуляционной моторики непосредственно отражается на качестве звукопроизношения и на уровне речевого развития в целом.

Исследованиями В. И. Бехтерева, Н. И. Жинкина, М. М. Кольцова, И. П. Павлова, И. И. Сеченова, А. Н. Соколова, А. А. Ухтомского и других было установлено, что двигательный и кинестетический анализаторы имеют очень важное значение в развитии речи и мышления, так как в раннем периоде жизни доминирующей формой деятельности является двигательная. Важным является также утверждение, что активность речевого центра в левом полушарии головного мозга обусловлена ведущей ролью руки в практической деятельности.

Т. Н. Андриевской, Л. В. Антаковой-Фоминой, Г. В. Беззубцевой, М. М. Кольцовой утверждается, что уровень сформированности мануального праксиса детей тесно связан с развитием их мозга, а систематическая целенаправленная работа по совершенствованию мануальных движений помогает преодолеть различные недостатки и отклонения в их психофизической сфере.

Согласно исследованиям Н. В. Дубровинской, Д. А. Фарбер, М. М. Безруких и других, до 40 % обучающихся 1–4 классов, при чём подавляющая часть затруднений у детей возникает из-за незнания и непонимания взрослыми закономерностей психофизиологического развития детей в каждом возрастном периоде, физиологических и психофизиологических основ формирования базовых учебных навыков.

В результате большинство родителей и педагогов часто не обращают внимания на имеющиеся у ребёнка трудности в учебном плане или не знают, как ему помочь их преодолеть.

В школьной практике предпринимаются попытки исправить неудовлетворительный результат обучения, но чаще всего они носят малоэффективный характер, так как направлены на исправление «видимой» симптоматики, без учёта необходимости первоначальной коррекции его причины [3; 9].

Стойкие затруднения учащихся начальных классов в усвоении школьного материала, возникающие в связи с началом систематического обучения в школе (при поступлении в 1-й класс), приводят к выраженному функциональному напряжению, нарушению социально-психологической адаптации, ухудшению здоровья, снижению успеваемости [8].

В специальной психологической и педагогической литературе к детям, испытывающим трудности усвоения учебного материала, применяются также синонимичные понятия — «минимальная мозговая дисфункция», «иррегулярность психического развития», «задержанное психическое развитие», «специфические расстройства развития школьных навыков», «школьная неуспешность», «школьные трудности».

Такое многообразие понятий обусловлено разнообразием причин, лежащих в основе возникновения трудностей обучения, вариабельностью, неоднородностью их проявлений, дифференцированным подходом к их изучению [9].

В рамках нейропсихологического подхода (Т. В. Ахутина, Н. М. Пылаева и другие) утверждается, что детям с трудностями обучения из-за выраженной неравномерности психических функций необходима специальная коррекция помощи. При этом авторы дифференцируют

понятия «трудности учения» и «школьная неуспеваемость». Под «школьной неуспеваемостью» часто подразумевают неудовлетворительные четвертные или годовые оценки по одному или нескольким предметам, к которым привели вовремя не выявленные и не скорректированные школьные трудности.

Учебная неуспеваемость может спровоцировать возникновение школьной дезадаптации — негативного психологического состояния обучающихся, затрудняющего взаимодействие со сверстниками и учителями и усвоение школьной программы [1; 2].

По мнению Н. П. Локаловой, от 15 до 40% учащихся начальных классов испытывают различные трудности в школьном обучении, которые являются отражением субъективных переживаний несоответствия между требованиями учебной деятельности и интеллектуальными возможностями учащегося.

При усвоении учебного материала у младших школьников могут возникать следующие затруднения:

1) связанные с недостатками развития психомоторной сферы (недостатками фонематического слуха, несформированностью зрительно-двигательных координаций, недостатками в развитии микромоторики, недостаточным уровнем дифференцированности мышечных усилий руки,) — приводят к отсутствию связанных движений при письме, нестабильностям графических образов букв, к низкой скорости чтения текстов, смешиванию звуков по акустическим и артикуляционным признакам, затруднениям синтеза смысловых единиц текста, низкому уровню понимания прочитанного и т. д.;

2) обусловленные особенностями формирования когнитивного компонента навыков письма, чтения и вычислительных умений (несформированностью прост-

ранственных представлений, недостатками в развитии познавательных процессов, дефектами фонематического восприятия, навыков звукобуквенного анализа и синтеза) — приводят к возникновению дисграфических и дислексических ошибок, трудностям перехода из конкретного плана в абстрактный;

3) связанные с недостатками в формировании регуляторного компонента навыков письма, чтения и вычислительных умений (несформированностью процессов самоконтроля и саморегуляции) — проявляется в низком уровне самоконтроля и саморегуляции, что приводит к неумению выполнять в полном объеме учебных требований, обнаруживать и исправлять свои ошибки;

4) обусловленные особенностями темперамента обучающихся, своеобразии природной организации их нервной системы (чрезмерная медлительность или, наоборот, торопливость) [9].

В зарубежной психологии к категории детей с трудностями обучения относят также детей, имеющих речевые нарушения, а для обозначения трудностей, возникающих вследствие дисфункции ЦНС применяют достаточно размытый термин «learning disability», объединяющий в себе разнообразные расстройства, вариативную дефицитарность процессов овладения навыками импрессивной и экспрессивной речи, чтения, письма, счёта, умозаключений [16; 17; 18].

В своих работах В. И. Лубовский и соавторы отмечают, что детям с трудностями обучения наиболее соответствует категория детей с задержкой психического развития (ЗПР) — нарушением нормального течения психического развития при отсутствии глубоких нарушений сенсорных систем, поражений нервной системы, интеллектуальной недостаточности и при наличии значительных потенциальных возможностей [10].

ЗПР является самым распространённым вариантом психического дизонтогенеза и единственным, который носит временный характер.

Т. А. Власова и М. С. Певзнер на основе клинических данных выделили два основных патогенетических механизма формирования ЗПР:

1) как следствие первичной незрелости эмоционально-волевой сферы (прогноз более благоприятный);

2) как следствие стойких церебральных состояний, обусловленных биологическими факторами (необходима комплексная коррекция продолжительное время).

В классификации К. С. Лебединской, отражающей этиологию и механизмы нарушения психического развития, выделяют четыре основных варианта ЗПР, характеризующимся специфическим соотношением эмоционально-волевых и интеллектуальных дисфункций [4].

ЗПР конституционального происхождения (Э. Ласег, 1864 г., Г. Антон, 1908 г.) характеризуется замедлением темпа физического, психического, эмоционально-волевого развития (отставание примерно на 1,5–2 года) и наблюдается у детей с психическим и психофизическим инфантилизмом (личностной незрелостью).

ЗПР соматогенного происхождения обусловлена длительными хроническими астеническими состояниями, заболеваниями и т. д. ВПФ у данных детей в основном сформированы, однако, отмечается низкая динамичность интеллектуальной работоспособности.

ЗПР психогенного происхождения возникает вследствие неблагоприятных психосоциальных условий воспитания ребенка (депривации, хронических психотравмирующих факторов и т. д.), в результате которых формируются стойкие отклонения в нервно-психической сфере,

приводящие к патологическому развитию личности (например, по типу психической неустойчивости, эгоцентризма, невротизма и т. д.), выраженному снижению познавательной активности и учебной мотивации.

ЗПР церебрально-органического генеза формируется вследствие органического поражения ЦНС на ранних этапах онтогенеза (когда дифференциация основных мозговых систем уже закончена). При этом отмечается эмоционально-волевая незрелость (эмоциональная лабильность, примитивность эмоций, преобладание игровой мотивации и т. д.) в сочетании с нарушением познавательной активности по типу незрелости (например, неполноценность волевой регуляции) и поврежденности (выраженная дефицитарность ВПФ).

В зависимости от клинической картины ЗПР церебрально-органического генеза условно разделена на две группы:

1) с преобладанием явлений органического инфантилизма — негрубые энцефалопатические расстройства проявляются в психомоторной возбудимости, церебрастенических (реже — легких невротоподобных) явлениях;

2) с преобладанием нарушений познавательной деятельности — черты незрелости сочетаются с признаками повреждения нервной системы [4; 5].

И. И. Мамайчук, опираясь на психолого-педагогические параметры, выделяет следующие группы детей с ЗПР:

1) *дети с относительной сформированностью психических процессов и сниженной познавательной активностью* — ЗПР вследствие психофизического инфантилизма, соматогенная и психогенная формы ЗПР;

2) *дети с неравномерным проявлением познавательной активности и продуктивности* — выраженная форма соматогенной ЗПР, легкая форма ЗПР цереб-

рально-органического генеза, осложненная форма психофизического инфантилизма;

3) *дети с явным нарушением интеллектуальной продуктивности и сформированной познавательной активностью* — ЗПР церебрально-органического генеза с выраженной дефицитарностью отдельных ВПФ (восприятия, внимания, гнозиса, мнезиса, праксиса и т. д.);

4) *дети, для которых характерно сочетание низкого уровня интеллектуальной продуктивности и слабовыраженной познавательной активности* — тяжелая форма ЗПР церебрально-органического генеза с первичной дефицитарностью в развитии всех ВПФ, а также недоразвитием ориентировочной основы деятельности [11].

Исследования Л. В. Кузнецовой, Т. В. Егоровой, В. И. Лубовского, И. А. Менчинской, Л. И. Переслени, В. Л. Подобед, У. В. Ульяновской, Г. В. Шаумарова, П. Б. Шонина и других показали значительное замедление психического развития и его качественное своеобразие у детей с ЗПР.

По мнению К. С. Лебединской, В. В. Ковалева, И. Ф. Марковской, Г. Е. Сухаревой и других, при ЗПР нарушения познавательной деятельности обусловлены дефицитарностью «предпосылок» мышления (восприятия, внимания, мнезиса, пространственного гнозиса, темпа деятельности, переключаемости психических процессов и других высших корковых функций).

Т. А. Власова, Т. В. Егорова, Г. И. Жаренкова, В. И. Лубовский, М. С. Певзнер и другие отмечали у младших школьников с ЗПР недостаточность речевой регуляции действий, слабость познавательной активности, повышенную истощаемость (прежде всего внимания), аффективную возбудимость, двигательную расторможенность. Недостатки эмоцио-

нальной и интеллектуальной сфер у младших школьников с ЗПР вариативны по степени выраженности и характеру проявлений.

Восприятие данной категории детей характеризуется специфическими отклонениями в процессах переработки сенсорной информации — узконаправленностью, низким объёмом, возрастанием трудностей при усложнении условий выполнения (например, в ситуациях «фонового» шума, наложенных картин и т. д.), низкой скоростью обработки поступающего сенсорного стимула [4; 6].

Бедность, недифференцированность, фрагментарность зрительных представлений ограничивает возможности наглядно-образного мышления и отрицательно влияет на усвоение зрительных образов букв и цифр, что в дальнейшем приводит к возникновению трудностей в обучении грамоте и письме.

Согласно исследованиям Т. В. Егоровой, В. Л. Подобед, Н. Г. Поддубной и других, недостатки мнемических процессов у младших школьников с ЗПР проявляются достаточно ярко, т. к. учебная деятельность (ведущая на данном возрастном этапе) требует достаточной степени произвольности — возникающие в процессе обучения разнообразные мнемические задачи, предъявляют требования к объёму, времени и качеству запоминания. Усвоение различных приёмов заучивания, опосредования, применение различного рода опор для запоминания требуемого материала позволяет немного повысить эффективность произвольного запоминания, однако, она оказывается всё ещё недостаточно близка к норме. К тому же имеющиеся недостатки внимания (его неустойчивость, узость, повышенная отвлекаемость), волевой сферы (низкий самоконтроль, неумение доводить начатое до конца) так-

же негативно влияют на качество запоминания учебного материала [11; 12].

Наглядный материал младшими школьниками с ЗПР воспринимается легче, чем словесный, при воспроизведении которого они допускают большое количество ошибок в виде перестановок, пропусков, смысловых замен слов. Особенно большое количество ошибок допускается при опосредованном запоминании словесного материала [7].

Уровень развития мыслительной деятельности младших школьников с ЗПР вариативен. У незначительной части детей наблюдаются близкие к нормативным показатели; у подавляющего большинства — отмечаются снижение познавательной активности, отсутствие интереса и сосредоточенности при выполнении заданий, нарушение регуляции собственной деятельности. Часто дети пропускают ориентировочный этап при выполнении заданий вследствие неумения анализировать инструкцию, расчленять её на простые составляющие, планировать дальнейшую деятельность, выбирать адекватные средства для её выполнения [13; 15].

Аналитико-синтетическая деятельность в области наглядно-образного и понятийного мышления также недостаточно сформирована — дети с ЗПР с трудом вычленяют отдельные части многоэлементного комплекса, с ошибками выделяют общий признак при необходимости систематизировать объекты в единую группу. Наглядные образы и представления у детей данной категории недостаточно дифференцированы, при необходимости оперирования ими дети прибегают к внешним действиям, к манипуляциям с реальными объектами или их заместителями.

Абстрактное мышление у младших школьников с ЗПР в значительной степени несформированно — временные, пространственные и отвлечённые понятия

формируются у них с трудом, отвлечённые закономерности усваиваются медленно, решение задач по аналогии малодоступно.

По мнению З. Тржесоглава, мышление младших школьников с ЗПР преимущественно инфантильно, стереотипно и конкретно. При выполнении мыслительных задач дети не удерживают внимание, не замечают существенные детали, предпочитая малозначительные характеристики предметов, часто не адекватно оценивают ситуацию. Мыслительные процессы данной категории детей отличаются импульсивностью, хаотичностью, бессмысленным застреванием на какой-либо детали, многократными повторениями доступных действий, замедленностью скорости обработки мыслительных задач. Кроме того, у младших школьников с ЗПР отмечается повышенная чувствительность к незначительным внешним раздражениям, слабая интеграция психических процессов [14].

Внимание у детей с ЗПР отличается слабостью, неустойчивостью, неадекватной направленностью, колебаниями, ограниченным объёмом, низкой переключаемостью, что негативно влияет на протекание всех познавательных процессов и, как следствие, снижают эффективность усвоения новых знаний, овладения новыми навыками.

Недостаточная сформированность моторной сферы у младших школьников с ЗПР проявляется в неловкости, неуклюжести движений, нарушениях коор-

динации, различных синкензиях, гипертонусах и гиперактивности (З. Тржесоглава) [14].

Следовательно, ЗПР представляет собой тип аномального развития, при котором замедляются темпы формирования всех психических функций — восприятия, внимания, памяти, интеллектуальной и моторной сфер. По своим проявлениям ЗПР занимает промежуточное место между нормой и патологией и относится к разряду слабовыраженных дизонтогений. Дисфункции нервной системы детей с ЗПР приводят к специфическим и вариативным нарушениям их эмоционально-волевой сферы: от повышенной лабильности, сопровождающейся эмоциональной возбудимостью, неустойчивостью, отвлекаемостью, нарушением работоспособности, до преобладания процессов торможения, приводящих к застреваниям, вялости внимания, гнозиса, мнениза, мышления и нарушению процесса формирования знаний, навыков, умений.

Таким образом, ученики начальных классов, имеющих стойкие трудности обучения, характеризуются специфическими особенностями когнитивного статуса, а именно: низкой концентрацией внимания, повышенной отвлекаемостью, чрезмерной возбудимостью, эмоциональной истощаемостью, малым объёмом памяти, высокой утомляемостью, низкой работоспособностью, что приводит к нарушению процесса формирования учебных знаний, навыков, умений.

Библиографический список

1. Ахутина Т. В., Корнеев А. А., Матвеева Е. Ю. Развитие функций программирования и контроля у детей 7–9 лет / Т. В. Ахутина, А. А. Корнеев, Е. Ю. Матвеева // Вестник Московского университета. — 2016. — Серия 14. Психология. — № 1. — С. 42–63. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-funktsiy-programmirovaniya-i-kontrolya-u-detey-7-9-let> (дата обращения: 13.10.2022).
2. Ахутина Т. В., Пылаева Н. М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по

- направлению подготовки «Психология» (бакалавриат), (магистратура), «Клиническая психология» (специалитет) ФГОС ВО / Т. В. Ахутина, Н. М. Пылаева. — М.: Академия, 2015. — 282 с.
3. Безруких М. М. Трудности обучения в начальной школе: Причины, диагностика, комплексная помощь / М. М. Безруких. — М.: Эксмо, 2009. — 464 с.
 4. Власова Т. А., Певзнер М. С. О детях с отклонениями в развитии / Т. А. Власова, М. С. Певзнер. — М.: Просвещение, 1973. — 183 с.
 5. Дубынина Т. Е., Рыжевич Е. П. Процесс адаптации к обучению в школе детей с трудностями в обучении, обусловленными задержкой психического развития / Т. Е. Дубынина, Е. П. Рыжевич // Молодой ученый. — 2020. — № 18 (308). — С. 491–493. — URL: <https://moluch.ru/archive/308/69328/> (дата обращения: 16.10.2022).
 6. Жаренкова Г. И. Психолого-педагогическое изучение учащихся с ЗПР в специальной школе / Г. И. Жаренкова // Дефектология. — 1981. — № 2. — С. 3–8.
 7. Кириленко А. В. Особенности организации обучения детей с особыми образовательными потребностями в общеобразовательных учебных заведениях / А. В. Кириленко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. — 2020. — № 2. — С. 56–65. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-obucheniya-detey-s-osobymi-obrazovatelnyimi-potrebnostryami-v-obscheobrazovatelnyh-uchebnyh-zavedeniyah> (дата обращения: 16.10.2022).
 8. Колганова В. С., Пивоварова Е. В. Нейропсихологические занятия с детьми / В. С. Колганова, Е. В. Пивоварова. — М.: Айрис-Пресс, 2017. — 416 с.
 9. Локалова Н. П. Школьная неуспеваемость: причины, психокоррекция, психопрофилактика: учебное пособие / Н. П. Локалова. — СПб.: Питер, 2009. — 368 с.
 10. Лубовский В. И., Розанова Т. В., Солнцева Л. И. Специальная психология: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / под ред. В. И. Лубовского. — 2-е изд., испр. — М.: изд. центр «Академия», 2005. — 464 с.
 11. Мамайчук И. И., Ильина М. Н., Миланич Ю. М. Помощь психолога детям с задержкой психического развития: учебное пособие / И. И. Мамайчук, М. Н. Ильина, Ю. М. Миланич. — СПб.: Эко-Вектор, 2017. — 539 с.
 12. Подобед В. Л. Особенности кратковременной памяти у детей с задержкой психического развития: дис. канд. психол. наук. — М., 1981. — 147 с.
 13. Сойко К. В. Особенности развития функций программирования, регуляции и контроля младших школьников с трудностями обучения / К. В. Сойко // Молодежный сборник научных статей «Научные стремления». — 2016. — № 19. — С. 84–88. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-funktsiy-programmirovaniya-regulyatsii-i-kontrolya-mladshih-shkolnikov-s-trudnostyami-obucheniya> (дата обращения: 21.10.2022).
 14. Тржесоглава З. Лёгкая дисфункция мозга в детском возрасте / З. Тржесоглава; пер. с чеш. В. В. Язвикова. — М.: Медицина, 1986. — 255 с.
 15. Ходаковская Г. Ф. Динамика высших психических функций у младших школьников с комплексными трудностями учения в процессе коррекционной работы / Г. Ф. Ходаковская // МНКО. — 2020. — № 3 (82). — С. 183–186. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-vyshshih-psihicheskikh-funktsiy-u-mladshih-shkolnikov-s-kompleksnymi-trudnostyami-ucheniya-v-protssesse-korreksionnoy-raboty> (дата обращения: 14.10.2022).
 16. Anneloes, Overvelde, Wouter, Hulstijn. Handwriting development in grade 2 and grade 3 primary school children with normal, at risk, or dysgraphic characteristics / Anneloes, Overvelde, Wouter, Hulstijn // Research in Developmental Disabilities. — Volume 32, Issue 2. — March-April 2011. — P. 540–548. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2010.12.027> (дата обращения: 14.10.2022).

17. *Gosse C., Parmentier M., M. Van Reybroeck.* How Do Spelling, Handwriting Speed, and Handwriting Quality Develop During Primary School? Cross-Classified Growth Curve Analysis of Children's Writing Development / *C. Gosse, M. Parmentier, M. Van Reybroeck* // Psychological Sciences Research Institute (IPSY), Catholic University of Louvain, Louvain-la-Neuve, Belgium. — URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.685681/full> (дата обращения: 14.10.2022).
18. *G. P. van Galen.* Handwriting: Issues for a psychomotor theory / *G. P. van Galen* // Human Movement Science. — Volume 10, Issues 2–3, May 1991. — P. 165–191.— URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/016794579190003G?via%3Dihub> (дата обращения: 21.10.2022).

УДК 159.9

А. А. Кулик, А. В. Плотникова

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА «Я» В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЖЕНЩИН, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, цель которого состояла в изучении особенностей образа «Я» в контексте временной перспективы женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Результаты исследования показывают, что при балансе временных конструктов (прошлое, настоящее и будущее) в структуре «Я» преобладают характеристики устойчивой, сильной, склонной к развитию личности (когнитивный, эмоциональный паттерн), нежели это имеет место при деформации временных связей. Центрация на каком-либо одном временном отрезке (негативное прошлое) искажает характеристики «Я» (восприятие жизни и себя в ней трансформируется).

Ключевые слова: образ Я, временная перспектива, прошлое, настоящее, будущее, изоляция, трудная жизненная ситуация

A. A. Kulik, A. V. Plotnikova

PECULIARITIES OF SELF-IMAGE IN THE CONTEXT OF TIME PERSPECTIVE OF WOMEN SERVING A PRISON SENTENCE

Abstract. The paper presents the results of empiric research aimed at studying the self-image peculiarities in the context of time perspective in women serving a prison sentence. The results of the investigation show that the structure of the self-image displays dominating characteristics of a stable, strong personality with a tendency to development (cognitive, emotional pattern) in case of a balance of time constructs (past, present and future), rather than in case of temporal association deformation. Focusing on some definite temporal period (negative past) deforms self-image characteristics (the perception of life and oneself in it is transformed).

Keywords: self-image, time perspective, past, present, future, isolation, difficult life situation

Введение в проблему

Современные психологические исследования все чаще ставят своей задачей попытку всестороннего, комплексного

изучения человека в пенитенциарной системе. Изменения условий жизнедеятельности, вызванные тюремным заключением

ем, затрагивают не только трансформацию социального и правового статуса, но и актуализируют эмоциональные переживания, вызванные ограничением личного пространства, невозможностью удовлетворения потребностей, переживанием ситуации неопределенности, страхом и пр. В условиях отбывания наказания в виде лишения свободы особым образом выстраивается и восприятие времени. По мнению О. Н. Арестовой, временная перспектива заключенных подвергается таким изменениям, как временная дезориентация субъекта, рассинхронизации его временных локусов, а также смысловая неполноценность одной или нескольких временных зон [1]. Интересным представляется анализ исследования временного континуума осужденных А. А. Мартыновой, в котором был выявлен так называемый феномен «искажения восприятия жизненного пути во временном континууме», состоящий из следующих компонентов:

1. Искажение и идеализация прошлого и будущего (у осужденных в основном происходит идеализация своего прошлого и ориентировка на будущее, но без учета настоящего).

2. «Выпадение» жизни осужденного в настоящем (осужденным свойственно говорить только о своем прошлом и будущем, они склонны приближать будущее, но при этом представляют события искаженно. Для них как бы не существует настоящего, оно скоротечно и кратковременно).

3. Существование в виртуальном мире (выдумывание, фантазирование своей жизни, попутно проживая жизнь в реальном мире) [3].

Е. П. Вологодина и И. А. Ральникова изучали жизненные перспективы женщин и отметили, что им свойственно протраивание нереализуемых перспектив на будущее, которые похожи на

мечты, нежели чем на действительно спланированную жизнь. В их картине мире присутствует ориентация на будущее, распад прошлого, из-за этого у осужденных наблюдается инфантильный оптимизм относительно будущего, бессмысленность отбывания наказания [цит. по 2].

Исследования временной перспективы осужденных к лишению свободы, выполненные Ю. Ю. Неяскиной, свидетельствуют о том, что временная перспектива осужденных несбалансированная, не гармоничная. Осужденные ориентированы на будущее, идеализируют его, так как воспринимают свое прошлое и настоящее достаточно негативно [4].

Резюмируя результаты исследований, направленных на изучение временной перспективы, можно выделить ряд важных параметров: дисбаланс временных конструктов, ориентация на будущее выступает защитным механизмом совладания с трудной жизненной ситуацией, противоречивость представлений о прошлом.

На данный момент внимание ученых сфокусировано в области деформаций временной перспективы, своеобразии временных локусов, отличающихся разорванными связями между прошлым, настоящим и будущим, либо поглощенностью одним из интервалов жизненного пути, фиксацией на одном из интервалов. Несмотря на разнообразие подходов и исследований в отношении временных локусов и психологических особенностей заключенного, отмечается дефицит эмпирических данных показывающих встроенность Я в определенный временной локус. Очевидна важность и необходимость исследования образа Я во взаимосвязи с временными конструктами осужденных к лишению свободы, что позволит расширить представление об организации индивидуального жизненного пространства и себя

в нем, обусловленного условиями изоляции. Данный факт дает основание сформулировать *цель исследования* — изучить особенности образа «Я» в контексте временной перспективы женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Мы предположили, что существует специфика образа Я в зависимости от выраженных особенностей временной перспективы женщин, отбывающих наказание: при сбалансированной временной перспективе актуализируются поведенческие и когнитивные компоненты в образе «Я», при рассогласованности временных параметров снижается когнитивная составляющая Я и усиливается аффективная.

В исследовании был использован комплекс *методик*: анкетирование (авторская анкета, разработанная с целью описания выборки), «Опросник временной перспективы личности» (ZТPI) Ф. Зимбардо (модификация А. Сырцовой, Е. Соколовой, О. В. Митиной) [6]; «Личностный дифференциал» (адаптированный вариант в НИИ им. В. М. Бехтерева) с модифицированной инструкцией в соответствии с целью исследования («Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем»), модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения» Дж. Сакса и С. Леви, графический тест Т. Коттла, тест «Кто Я?» М. Куна, Т. Мак-Партленда (модификация Румянцевой Т. В.).

Респондентами в нашем исследовании выступили женщины, отбывающие наказание в виде лишения свободы в Федеральном казенном учреждении

Результаты исследования

В результате применения процедуры кластеризации (базовой методикой выступил «Опросник временной перспективы личности» Ф. Зимбардо) были по-

«Исправительная колония № 7» УФСИН России по Камчатскому краю. Общее количество — 50 человек, в возрасте от 23 до 67 лет, уровень образования: среднее профессиональное. Статьи, по которым отбывают наказание: УК РФ ст. 105 («убийство»), УК РФ ст. 111 («тяжкий вред здоровью»), УК РФ ст. 157 («неуплата алиментов»), УК РФ ст. 228 («приобретение, хранение наркотических средств»). Срок лишения свободы от 2 до 13 лет.

Дизайн исследования предполагал реализацию следующих этапов:

1. разделение общей выборки респондентов на экспериментальные группы при помощи кластерного анализа к данным методики «Временная перспектива» Ф. Зимбардо. Цель данного этапа — диагностика отношения респондентов ко времени и оценка отношения к окружающей действительности.

2. Сравнительный анализ показателей образа «Я» респондентов и оценка временных параметров (прошлое, настоящее, будущее) в экспериментальных группах (тест кругов Т. Коттла, «Личностный дифференциал» В. М. Бехтерева, тест «Кто я» М. Куна и Т. Мак-Партленда). Цель данного этапа заключалась в выявлении представлений респондентов о самом себе в разные временные периоды, образного представления о временных параметрах (прошлое, настоящее, будущее).

3. Описание особенностей образа «Я» в контексте временной перспективы женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

лучены два кластера: в первый вошли 20 человек, во второй кластер — 17 человек (таблица 1).

Таблица 1. — Показатели выраженности временных параметров по методике «Опросник временной перспективы личности»

Шкала	Среднее значение кластеров		t-критерий Стьюдента
	ЭГ 1, n = 20	ЭГ 2, n = 17	
Негативное прошлое	4,05	2,6	7,42**
Гедонистическое настоящее	3,61	3,09	3,93**
Будущее	3,66	4,09	3,15**
Позитивное прошлое	3,72	4,02	1,41
Фаталистическое настоящее	3,36	2,56	4,61**

**– $p \leq 0,01$, *– $p \leq 0,05$

При сравнении двух выборок с помощью t-критерия Стьюдента нами было обнаружено, что существуют значимые различия по таким шкалам опросника как «Негативное прошлое», «Гедонистическое настоящее», «Будущее», «Фаталистическое настоящее».

Сопоставление полученных результатов привело к следующим выводам: для респондентов первого кластера свойственна временная перспектива с ориентацией на травмирующие события прошлого, центрация на фаталистическом настоящем как предопределенности бытия, что купирует возможность построения собственного будущего. Актуальные по отношению к хронологическому прошлому и настоящему связи могут превращаться в потенциальные, если человек «живет прошлым». Акцент на гедонистическом настоящем способствует

оторванности от прошлого и будущего, где единственная цель — наслаждение, которую можно косвенно рассмотреть, как некий ресурс для совладания с условиями заключения. Таким образом, респонденты, вошедшие в первый кластер (ЭГ 1) — женщины с рассогласованной временной перспективой. Для респондентов второго кластера присуще более гармоничное выстраивание временных локусов с ориентацией на будущее. Связи, ведущие из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее, позволяют утверждать о более сбалансированной временной перспективе — ЭГ 2.

Далее для определения степени связанности и выраженности временных зон нами были проанализированы данные, полученные по методике «Графический тест» Т. Коттла (параметры указаны в таблице 2).

Таблица 2. — Показатели выраженности временных отрезков по группам

Критерии	ЭГ 1 %; n = 20	ЭГ 2 %; n = 17	Фи-критерий
Доминантность прошлого (прошлое более выражено по размеру)	15	11,8	$\phi = 0,28$
Доминантность настоящего (настоящее более выражено по размеру)	10	5,9	$\phi = 0,46$
Доминантность будущего (будущее более выражено по размеру)	40	64,7	$\phi = 1,52$

Окончание табл. 2

Критерии	ЭГ 1 %; n =20	ЭГ 2 %; n =17	Фи-критерий
Равные значения прошлого и будущего (изображение прошлого и будущего равно)	5	5,9	$\varphi = 0,121$
Равные значения прошлого, настоящего и будущего (изображение прошлого настоящего и будущего равно)	15	11,8	$\varphi = 0,28$
Связанность прошлого и будущего (прошлое и будущее пересекаются)	5	5,9	$\varphi = 0,121$
Связанность прошлого и настоящего (прошлое и настоящее пересекаются)	15	11,8	$\varphi = 0,28$

**– $p \leq 0,01$, *– $p \leq 0,05$

Анализ результатов показал, что значимых различий по группам получено не было, но вместе с тем, мы можем заметить некоторую тенденцию в содержательном наполнении временных отрезков. В обеих группах более половины респондентов видят прошлое, настоящее и будущее не связанными (круги не пересекаются), лишь малая часть (13 %) респондентов связывают прошлое и будущее, прошлое и настоящее.

Большая часть респондентов, принявших участие в исследовании, изображают будущее максимально доминирующим. Ориентация на будущее оказывает заметное влияние на развитие личности в кризисные периоды, способствуя планированию и совладанию с трудностями переходных этапов (М. Абреу, М. Пайшау, В. Ленс и др.) [цит. по 5].

Вполне закономерным является и тот факт, что при разрыве временных параметров (прошлого, настоящего и будущего) ориентация на будущее дает человеку способности к переживанию текущего состояния и веру, что в жизненном конструкте будут происходить изменения в положительную сторону.

Респонденты с рассогласованной временной перспективой чаще относятся в равной степени к своему прошлому, настоящему и реже к прошлому и буду-

щему (рисуют круги одинаковых размеров). Становится очевидным, что полученные данные подтверждают результаты «Опросника временной перспективы» Ф. Зимбардо: ЭГ 1 больше ориентированы на гедонистическое настоящее, что и способствует не связанности прошлого и будущего.

Для респондентов с более сбалансированной временной перспективой в меньшей степени свойственно изображать прошлое доминантным, что может указывать на ориентацию женщин протравивать будущее, нежели опираться на события прошлого. Вместе с тем, целостное построение временной перспективы респондентов ЭГ 2 нарушено (прошлое и настоящее рассматриваются и субъективно оцениваются как единый временной конструкт, где связи прошлого ведут в настоящее). Будущее, несмотря на его значимость, рассматривается оторванным от остальных параметров (далекое, недостижимое, но особенно важное и значимое). Можно предположить, что, несмотря на высокую ориентацию респондентов ЭГ 2 на будущее, оно характеризуется тревожными переживаниями, они как бы «отодвигают» источник переживания от других временных локусов (примеры графических изображений времени респондентами).

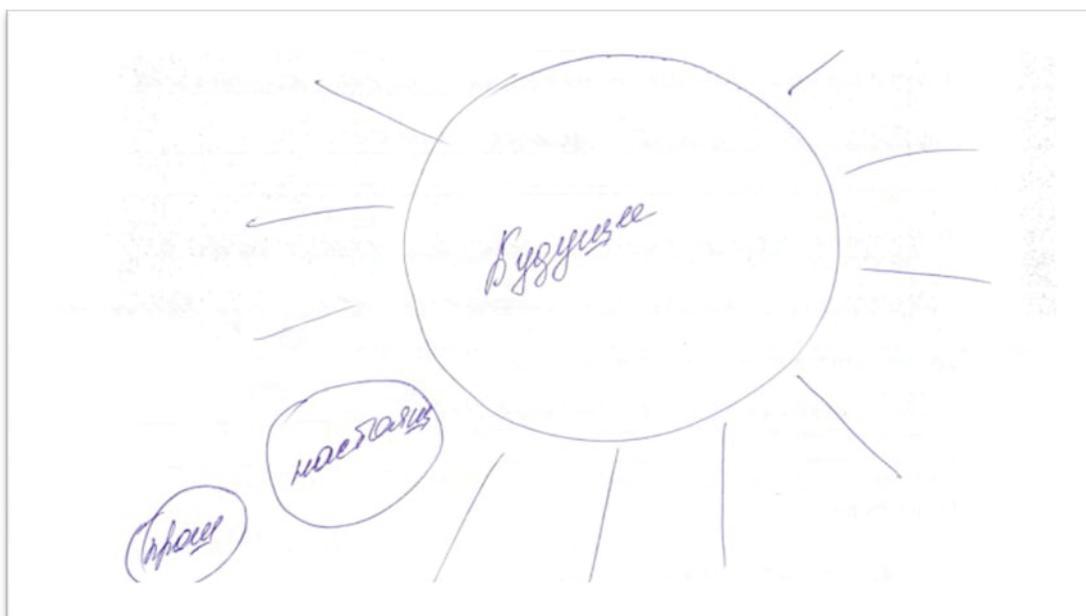

Рис. 1. — Доминантность будущего

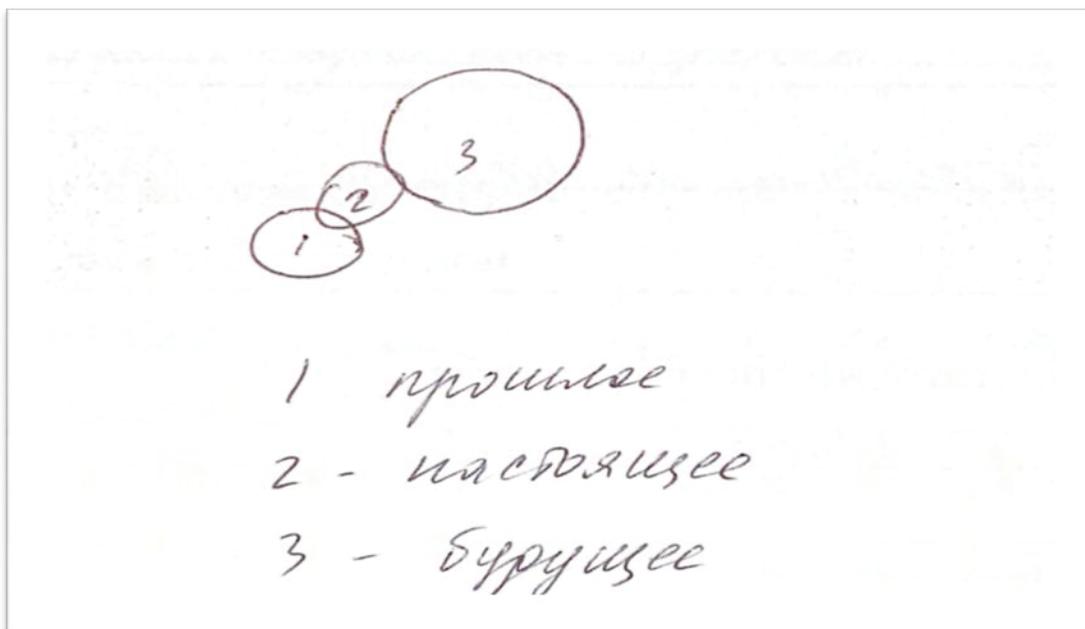

Рис. 2. — Связанность прошлого, настоящего и будущего

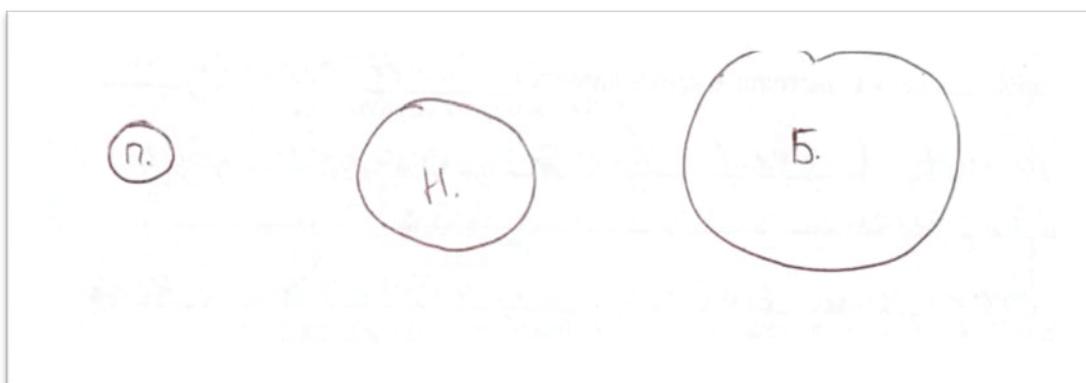

Рис. 3. — Разрыв прошлого, настоящего и будущего

Рис. 4. — Равное значение прошлого и настоящего

Далее нами была проанализирована содержательная наполненность образа «Я» в зависимости от временного локуса (прошлое, настоящее, будущее) по методике «Личностный дифференциал». В соответствии с целью исследования мы применили процедуру подсчета се-

мантических универсалий по алгоритму В. П. Серкина к методике личностного дифференциала. Сравнительный анализ показателей личностного дифференциала на стимул «Я в прошлом» представлены в таблице 3.

Таблица 3. — Содержательные характеристики параметра «Я в прошлом»

ЭГ 1	ЭГ 2
Совпадающие дескрипторы	
Отзывчивый (1,85)	Отзывчивый (1,94)
Справедливый (-1,4)	Справедливый (-2,52)
Дружелюбный (1,95)	Дружелюбный (2,35)
Различающиеся дескрипторы	
Разговорчивый (-1,15)	Обаятельный (-2,11)
Добрый (-1,45)	Деятельный (-2,17)
	Энергичный (1,94)
	Честный (-2,47)
	Самостоятельный (2)

Анализ различающихся дескрипторов «Я в прошлом» в ЭГ 2 свидетельствует о способности усиливать эмоциональный и поведенческий компоненты «Я» (деятельный (-2,17), самостоятельный (2), честный (-2,47), энергичный (1,94), обаятельный (-2,11)). В ЭГ 1, напротив, тенденция к усилению негативного прошлого снижает способность к анализу компонентов «Я в прошлом» (выделяется только эмоциональный компонент, выраженный в понятии — добрый (-1,45),

разговорчивый (-1,15)). Одинаковые в двух группах дескрипторы в равной степени описывают «Я в прошлом» через осознание своей активности, а также можно выделить «уплощенность» системы индивидуальных значений, репрезентирующих образ «Я в прошлом».

Сравнительный анализ показателей личностного дифференциала на стимул «Я в настоящем» показал следующее (результаты в табл. 4).

Таблица 4. — Содержательные характеристики параметра «Я в настоящем»

ЭГ 1	ЭГ 2
Совпадающие дескрипторы	
Ответственный (2,2)	Ответственный (2,23)
Справедливый (-2,45)	Справедливый (-2,35)
Различающиеся дескрипторы	
Дружелюбный (1,9)	Сильный (2,29)
Добрый (-2,4)	
Самостоятельный (1,75)	

Интересным представляется анализ дескрипторов «Я в настоящем» в ЭГ 1: ориентация на гедонистическое настоящее приводит к оценке себя как ориентированной на взаимодействие с окружением (дружелюбный (1,9), добрый (-2,4)), что может выступать элементом совладающего поведения. Для женщин с более сбалансированной временной перспективой при оценке «Я в настоящем»

доминирующим выступает фактор силы (сильный (2,29), что демонстрирует нам уверенность в себе респондентов, независимость, склонность рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях.

Сравнительный анализ показателей личностного дифференциала на стимул «Я в будущем» показал следующее (результаты в табл. 5).

Таблица 5. — Содержательные характеристики параметра «Я в будущем»

ЭГ 1	ЭГ 2
Совпадающие дескрипторы	
Решительный (-2,05)	Решительный (-2,58)
Энергичный (2,4)	Энергичный (2,7)
Справедливый (-2,1)	Справедливый (-2,82)
Уверенный (-2,55)	Уверенный (-2,76)
Различающиеся дескрипторы	
Добрый (-2,4)	Обаятельный (-2,52)
Дружелюбный (2,6)	Сильный (2,52)
Честный (-2,5)	Независимый (2,35)
	Деятельный (-2,76)
	Самостоятельный (2,41)

Оценка образа «Я в будущем» для респондентов ЭГ 2 отличается выраженными поведенческими паттернами, связанными с оценкой силы, активности (сильный (2,52), независимый (2,35), деятельный (-2,76), самостоятельный (2,41)). Для ЭГ 1, напротив, «Я в будущем» связано с аффективной составляющей (дружелюбный (2,6), добрый (-2,4)). Вместе с тем, одинаковые дескрипторы отража-

ют в обеих группах фактор решительности и энергичности в проектировании будущей жизни.

Для изучения отношения к самому себе, к жизненным обстоятельствам и к временным промежуткам мы использовали модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения» С. Леви и Д. М. Сакса (таблица 6).

Таблица 6. — Сравнительный анализ высказываний респондентов по методике «Незаконченные предложения» Д. М. Сакса и С. Леви

Категория ответов	ЭГ 1	ЭГ 2	Фи-критерий
1. Ваша жизнь в прошлом (до момента заключения) ...			
Насыщенная, увлеченная, энергичная	28	66	$\varphi = 2,35^{**}$
Рутинная	33	20	$\varphi = 0,84$
2. Ваша жизнь в настоящем какая ...			
Монотонная	33	33	
Меняюсь в лучшую сторону	16	20	$\varphi = 0,243$
3. Ваше будущее (оно какое) ...			
Забота о близких	23,5	19	$\varphi = 0,33$
Эмоционально насыщенное (светлое, счастливое)	29	50	$\varphi = 1,17$
Выход на работу	17	12	
4. Ваше отношение к себе в прошлом (я в прошлом) ...			
Зависимость от алкоголя	19	20	$\varphi = 0,083$
Одиночество	38	33	$\varphi = 0,245$
5. Ваше отношение к себе в настоящем (я в настоящем) ...			
Становлюсь лучше	18	27	$\varphi = 0,621$
Уверенная	18	27	$\varphi = 0,621$
6. Будущее кажется мне ...			
Неизведанность	27	18	$\varphi = 0,621$
Эмоционально насыщенное (светлое, счастливое)	53	47	$\varphi = 0,35$
7. Я всегда мечтала ...			
Семья	41	27	$\varphi = 0,869$
Материнство	17	20	$\varphi = 0,172$
Работа	6	27	$\varphi = 1,68^*$
8. Опорой для меня в настоящем является ...			
Семья	83	69	$\varphi = 1,001$
Я сама	5	31	$\varphi = 2,12^*$
9. Думаю, что я достаточно способна чтобы ...			
Исправить жизнь	44	50	$\varphi = 0,326$
Достижение целей	39	31	$\varphi = 0,466$
10. Надеюсь на ...			
Досрочное освобождение	11	29	$\varphi = 1,297$
Материнство	17	17	
На себя	17	17	
11. Наступит тот день, когда ...			
Окончание срока	35	41	$\varphi = 0,356$
Встреча с семьей	23,5	23,5	
12. Больше всего я хотела бы в жизни...			
Материнство	19	17	$\varphi = 0,089$
Здоровья близким людям	25	29	$\varphi = 0,284$
13. Если бы я могла все исправить, то ...			
Забота о семье	18	20	$\varphi = 0,172$
Не совершила этот поступок, повлекший заключение	58	60	$\varphi = 0,068$

**– $p \leq 0,01$, *– $p \leq 0,05$

Прошлое респондентами с более сбалансированной временной перспективой воспринимается достаточно позитивно — оно насыщенное, энергичное, увлеченное, для респондентов с рассогласованной временной перспективой, напротив, более негативно.

Интересным представляется результат, отражающий планы и мечты респондентов («Я всегда мечтала...»). Одинаковыми смысловыми категориями для женщин, отбывающих наказание, выступают материнство и семья, различий между двумя группами нет, что подтверждает основной вектор самореализации женщины в современном обществе.

В группе женщин с более сбалансированной временной перспективой определяется доминирующий конструкт в будущем — «работа», что является важным параметром в построении жизненного пути. Будущее в данном контексте несет характер самореализации. Женщины с рассогласованной временной перспективой, к сожалению, данный конструкт в своем жизненном поле не видят.

Важным фактором в ответах двух групп по позиции «Опорой для меня в настоящем является...» является «я сама». Данные результаты сопоставляются с результатами предыдущих методик — «Опросником временной перспективы» Ф. Зимбардо и «Личностным дифференциалом». Женщины с более сбалансированной временной перспективой деятельны, энергичны, фактор «сила» для них выступает доминирующим, соответственно, они полностью полагаются на свое «Я», свои силы и ресурсы. Возможно, это и позволяет им благополучно протраивать свое время.

По другим позициям методики значимых различий не обнаружено. Таким образом, общая выборка респондентов характеризуют свою жизнь в настоящем

(в моменте заключения) как монотонную, однотипную, в силу того, что она подвластна режиму, который действует в исправительном учреждении. Вместе с тем, они чувствуют себя уверенными в своих силах, пытаются стать лучше, нежели были до этого. Возможно, именно такая картина отношения к себе в настоящем помогает им справиться с ситуацией заключения.

Будущее для респондентов двух групп представляется светлым и счастливым, судя по категориям ответов, такое представление будущего может следовать из того, что респонденты нацелены после окончания срока на воссоединение с семьей, осуществление надуманных планов и исправить жизнь в лучшую сторону. Далее для составления полной картины представлений о самом себе, о «Я» респондентов мы проанализировали идентификационные характеристики по методике «Кто я» М. Куна и Т. Мак-Партленда (таблица 7). При анализе самоописаний респондентов относительно своего «Я», мы использовали модификацию методики «Кто я» Т. В. Румянцевой, которая предполагает следующие характеристики — социальное «Я», коммуникативное «Я», материальное «Я», физическое «Я», деятельное «Я», перспективное «Я» и рефлексивное «Я». Нами были проанализированы ответы респондентов в соответствии с данными характеристиками: социальное «Я» (человек, женщина, мама, люблю свою семью, работница), коммуникативное «Я» (подруга, поддержка, люблю ходить в гости, могу помочь советом, умею хранить секреты), материальное «Я» (люблю деньги, люблю природу, богатая), физическое «Я» (красивая, не красивая, привлекательная, стройная, здоровая, не люблю свое тело), деятельное «Я» (умная, хозяйственная, трудолюбивая, развиваюсь), перспективное «Я» (напишу книгу,

стану чемпионкой, найду работу, будущая бабушка, будущая мама), рефлексивное «Я» (спокойная, любимая, добрая, уставшая, сильная, веселая, уверенная).

сивное «Я» (спокойная, любимая, добрая, уставшая, сильная, веселая, уверенная).

Таблица 7. — Характеристики образа «Я» в самоописании респондентов

Характеристики	ЭГ 1 %	ЭГ 2 %	Фи-критерий
Социальное «Я»	26	19	$\varphi = 1,47$
Коммуникативное «Я»	13	8	$\varphi = 1,42$
Материальное «Я»	7	12	$\varphi = 1,49$
Физическое «Я»	4,4	10	$\varphi = 2,2^*$
Деятельное «Я»	13,4	17,2	$\varphi = 0,91$
Перспективное «Я»	3,2	4,1	$\varphi = 0,4$
Рефлексивное «Я»	31	28	$\varphi = 0,6$

**— $p \leq 0,01$, *— $p \leq 0,05$

У осужденных с более сбалансированной временной перспективой (ЭГ 2) высоко обозначено физическое «Я», что может говорить о высокой ценности себя как объекта во времени и пространстве, такие показатели могут говорить о хорошо развитой рефлексии эмоциональных и телесных переживаний. В силу того, что по другим характеристикам нами не было получено значимых различий, мы можем охарактеризовать общую выборку респондентов следующим образом. Во-первых, при ответе на вопрос «Кто я?» в ответах у женщин присутствует большое количество описаний социальных ролей (мама, жена, бабушка, женщина, дочь), личных качеств и описание индивидуального стиля поведения (общительная, вредная, добрая). Таким образом, соотношение социальных ролей и индивидуальных особенностей респондентов говорит нам о том, что, в принципе, респонденты принимают свою индивидуальность, им важна принадлежность к семейной сфере жизни.

Во-вторых, стоит обратить внимание, что малое количество общей выборки

респондентов отмечают в своей структуре «Я» такую характеристику как перспективное «Я». Данная характеристика достаточно важна, так как характеризует жизненную перспективу во времени. Как отмечалась выше, в данную категорию были внесены ответы «будущая бабушка, будущая мама, найду работу». Данные результаты сходятся с результатами по методике «Незаконченные предложения» Д. М. Сакса и С. Леви, в которых респонденты отмечали, что мечтают о крепкой, большой семье, а также о возможности хорошо трудоустроиться.

Помимо этого, стоит отметить, что респонденты обеих групп используют достаточно «примитивные» характеристики своего «Я», которые часто употребляются окружающими («красивая», «добрая», «отзывчивая», «работница», «умная»), что может говорить о достаточно «уплощенной» структуре «Я». Возможно, в ситуации заключения у респондентов снижена рефлексия относительно своего образа «Я», что затрудняет в полной мере оценку своих достижений, личностных особенностей.

Выводы

При сбалансированной временной перспективе в образах Я актуализируются поведенческие и когнитивные компоненты, что позволяет выстраивать жизненное пространство с опорой на собственный ресурс (сила, активность Я). При дисбалансе временных локусов с ориен-

тацией на негативное прошлое и фатализм в оценке Я доминируют аффективные конструкты с опорой на взаимодействие с окружающими, которые могут выступать ресурсом для совладания с периодом отбывания наказания в виде лишения свободы.

Библиографический список

1. *Арестова О. Н.* Операциональные аспекты временной перспективы личности // Вопросы психологии. — 2000. — № 4. — С. 61–73.
2. *Долгова Е. В., Ракитская О. Н.* Особенности принятия решений в трудных жизненных ситуациях осужденных женщин // Молодые исследователи Регионам. Материалы Международной научной конференции: в 3-х тт. Т. 3. — Вологда, 2019. — С. 251–253.
3. *Мартынова А. А.* Временная перспектива осужденных по корыстным преступлениям в первоначальный период отбывания наказания // Ученые записки СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова. — 2014. — Т. 21. — № 4. — С. 54–57.
4. *Неяскина Ю. Ю.* Временная перспектива осужденных к лишению свободы // Сборник научных статей X Международной научно-практической конференции / под ред. Р. В. Кадырова. — Ульяновск: Зебра, 2021. — С. 143–154.
5. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2004. — 608 с.
6. *Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В.* Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе // Психологическая диагностика. — 2007. — № 1. — С. 85–107.

УДК 37.013

О. В. Башун, И. И. Прошина

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье произведен анализ педагогического гуманистического потенциала произведений русской художественной литературы. Рассматривается один из возможных путей развития профессиональной компетентности будущих учителей — использование произведений художественной литературы в процессе изучения педагогических дисциплин.

Ключевые слова: гуманизм, художественная литература, детство

O. V. Bashun, I. I. Proshina

HUMANISTIC PEDAGOGICAL TRADITIONS IN RUSSIAN LITERATURE

Abstract. The article analyzes the pedagogical humanistic potential of the works of Russian fiction. One of the possible ways of developing the professional competence of future teachers is considered the use of works of fiction in the process of studying pedagogical disciplines.

Key words: humanism, fiction, childhood

Произведения художественной прозы расширяют сферу педагогического знания, становятся его источником. Изучение художественных описаний детства имеет сущностное значение для педагогики, для рассмотрения периодов воспитания и становления, в их целостности и взаимосвязи; в понимании каждого периода как значимого для бытия, самоосуществления человека; для раскрытия тех внутренних предпосылок, которые в значительной степени определяют результат направленного влияния, воспитания.

Русские писатели всегда старались раскрыть те непреходящие ценности, которыми детство одухотворяет всю человеческую жизнь. Стремясь понять человека, они открывают истоки духовного роста своих маленьких героев: се-

мья, родители и учителя, книги, окружающая природа и обстановка быта, история Родины.

Не прибегая к прямолинейному дидактизму, истинный художник слова подает педагогические идеи через художественный образ, через художественную ткань произведений: их мы обнаруживаем в особенностях конфликтов, в перипетиях отношений между персонажами, в истории развития характеров героев, в их душевных переживаниях. Так, например, в произведениях И. Бунина ребенок является тем живым центром, вокруг которого кругами расходятся философские, духовно-нравственные и педагогические проблемы. Их писатель решает во множестве произведений: в рассказах «Далекое», «Цифры», «У истока дней», «Первая любовь»,

«Над городом», «Восемь лет», «В деревне», «Кукушка», «Снежный бык», «Танька», «Красавица», «Дурочка», в романе «Жизнь Арсеньева».

В произведениях ярко раскрыты противоречивость возрастного становления ребенка, когда постепенно происходит смена представлений, взглядов, способов поведения, характерных для беззаботного детства, болезненного отрочества, эмоционального юношества. В художественном творчестве Бунина, его дневниках и письмах выражены взгляды писателя на процесс воспитания. Особенно отчетливо они вырисовываются в романе «Жизнь Арсеньева», значительная часть которого посвящена истокам дней главного героя. «Бунин считал, что детство — это не просто жизненный этап, имеющий свой конец. Оно, по его мнению, остается в человеке навсегда, а все то, что заложено в душу ребенка в детстве и отрочестве, не может не отразиться на характере зрелого человека. Он неоднократно в своем творчестве напоминал, что дети — это наше прошлое, в них растет наше будущее. Мы были ими, они станут нами и будут жить дальше, после нас» [2, 116].

В «Жизни Арсеньева» с первых страниц прослеживается, как ребенок узнает, постигает мир, как он откликается на внешние впечатления бытия, как, когда и почему формируются у растущего человека чувства добра, справедливости, радости, страсть к путешествиям, познанию мира и себя в нем. Роман дает нам возможность понять, что освоение мира ребенком — непростой способ накопления знаний, впечатлений, умений и навыков («слишком скудно знание, приобретаемое нами за нашу личную краткую жизнь»), а духовно сложный процесс, в котором участвует все существо человека («есть другое, бесконечно более богатое, то, с чем мы рождаемся»).

Сравнивая художественные описания становления личности ребенка у Бунина, приходишь к мысли о неизменности многих характеристик взросления ребенка: пробуждение «Я», самосознания, развитие диалогического отношения к миру, пробуждение философской рефлексии, мечты, фантазии, воображения, развитие нравственного сознания, эстетическое восприятие природы, утрата детских иллюзий и многое другое. Об этой константности многих моментов становления личности ребенка разного исторического времени можно судить по произведениям Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, В. В. Набокова, Б. К. Зайцева и др.

Один из важнейших моментов в авторской концепции И. Бунина — воспитательный уклад семьи, воспитательные системы отца и матери Алеши Арсеньева. Он считал, что педагогическое воздействие родителей на ребенка должно быть настолько естественными органичным, чтобы дети даже не замечали, что их воспитывают. Отношения родителей между собой, соблюдение традиционных правил в семейном быту, почитание старших, уважение к личности ребенка, строгое исполнение канонов православной морали, понимание внутренней свободы ребенка, т. е. вся эмоциональная аура домашнего очага незаметно и верно формирует душевный склад маленького человека, питает как источник самые разнообразные сферы жизни человека — чувство родины, патриотизма.

В бунинской концепции семейного воспитания утверждается мысль о том, что воспитательное воздействие взрослого предполагает встречное душевное движение ребенка. От этого, считает он, во многом зависит эффект воспитания. Хорошо, если взрослый человек вызывает у детей симпатию и расположение. Именно в любви ребенка к своей матери и к своему отцу рождается его будущее

чувство общественного человека. Семья, считает писатель, является школой понимания родины, школой воспитания верности и привязанности к ней.

Несмотря на то, что семья стала предметом научно-теоретического анализа многих наук (антропологии, этнографии, социологии, демографии, культурологии), многое в этом уникальном феномене человеческой культуры еще не изучено. Отдавая приоритет в направленном воспитании школе, педагогика, на наш взгляд, недооценивает значение семьи как воспитательного института, который формирует «человека как живое целое, как существо индивидуальное и одновременно социальное». О воспитательном влиянии семьи на ребенка написано огромное количество литературы. Многие выдающиеся педагоги посвящали свои работы этому феномену (Я. А. Коменский, Я. Корчак, П. Ф. Лесгафт, Д. Локк, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский и др.). Многообразные аспекты семьи рассмотрены в книгах Т. Афанасьевой, С. Соловейчика, А. Спиваковой, Ю. П. Азарова и др. авторов.

Вместе с тем живая жизнь семьи, в которой ребенок приобщается к культуре своего народа, в которой начинается его познание и самопознание, обретение им духовных, нравственных, эстетических, национальных ценностей, в научно-практических исследованиях не представлена. Главная причина этого — закрытость семьи от постороннего вмешательства, наблюдения и изучения.

Семья у И. Бунина предстает как высшая, особая ценность, которая и спустя годы воспринимается такой ценностью, что побуждает рассказать не только о себе, но и о себе в семье, среди близких людей. Память воссоздает образ семьи, который складывается из образов самых дорогих и просто близких людей, из уклада жизни, семейных событий, будней и праздников, дней счастливых

и печальных. В памяти и спустя годы остались такие детали и мелочи жизни, которые раскрывают особенности именно этой семьи.

Отец в романе «Жизнь Арсеньева» показан как один из представителей дворянского сословия, четко обозначены качества, присущие настоящему мужскому характеру — геройство, смелость, верность слову, уверенность. Рассказ отца о военных походах навсегда впечатался в память Алеши, вошел в его жизнь как своеобразный кодекс мужского поведения. «Сильный, бодрый, беспечный, вспыльчивый, необыкновенно отходчивый, великодушный. он мне нравился, отвечал моим слагающимся вкусам своей отважной наружностью, более же всего тем, что был он когда-то на войне в каком-то Севастополе, а теперь охотник, удивительный стрелок» [1, с. 272].

«Отец уравнивал грустную атмосферу дома. Все восхищало мальчика в нем, даже вещи, ему принадлежащие...». Ребенку импонирует его «отважная наружность» охотника, прекрасного стрелка, в прошлом участника Севастопольской кампании. Привлекает его пение под гитару старинных песен дедовских времен.

Однако наблюдательный мальчик замечает в отце еще одну черту русского характера: «страсть ко всяческому самоистреблению». Беспечный, «как птица небесная», он проматывает себя и свое благосостояние. Отец героя принадлежал тем редким людям, которых не смотря на крупные недостатки, нельзя не любить. Сын восхищается им. Надо думать, что он унаследовал поэтический дар. Через отца Арсеньев проникается глубинной стихией национального родового бытия». Значительно важным в мировоззренческой структуре отца Алеши оказывается понятие чести. Следует подчеркнуть, что в дальнейшей жизни Арсеньева понятие чести является важней-

шим образующим стержнем характера, личности.

С теплым сыновьим чувством описывает И. Бунин отца: он дает ребенку чувство уверенности, защищенности, безопасности, он знакомит со многими явлениями окружающего мира, открывает сыну деятельную, практическую сторону жизни. Отец выступает как воплощение силы, надежности и прочности мира.

В системе воспитания, которой придерживается мать героя, подчеркивается материнская, женская позиция. Материнский взгляд на воспитание, определяемый женской породой, характеризуется безусловным принятием ребенка таким, каков он есть на самом деле, со всеми достоинствами и недостатками. Основой педагогической позиции матери Алеши Арсеньева является стремление создать определенные условия воспитания, в которых живет и взаимодействует с окружающим миром ее ребенок. Не только тонкое чутье матери, но и основные представления дворянской культуры подсказывают ей мысль о необходимости создания бережного культивирования духовной жизни семьи. Эта духовная целостность и является, согласно ее взглядам, основным средством и условием воспитания ребенка. Почти в каждом повествовании, рассказывающем о становлении человека, мать — центральная или одна из центральных фигур описываемого роста, взросления. Понятие «мать» чаще всего соединяется с понятием «любовь» — это признание людей, которые сами уже давно стали взрослыми, отцами, прошли через горечь потерь. Воспоминания о матери соединяются с воспоминанием об атмосфере любви, нежности, ласки, безграничной заботы, терпения, самопожертвования. Спустя подчас многие годы, когда матери уже давно нет на свете, она остается как символ, как нравственная опора, помогающая выстоять среди враждеб-

ных обстоятельств жизни. Благодаря матери в сознание входят важнейшие нравственные ценности жизни, происходит первичное осознание многих нравственных понятий и сторон жизни. Это влияние матери, женщины — влияние, утверждавшее гуманистические основания личности.

Ю. М. Лотман очень точно определил соотношенность женского мира с культурой эпохи и «свойство высокодуховных женщин обгонять время — именно это и важно для образования человека, его становления: гуманистическая атмосфера семьи и устремленность в будущее» [2].

Матери, описанные в повествованиях о становлении человека, создавали детям гуманную, эмоциональную, духовно-нравственную среду, без которой не может быть счастливого, благоуханного детства.

Материнство и отцовство, судя по художественным текстам, во многом становятся факторами, образующими человека, его систему ценностей, которые передаются от поколения к поколению, благодаря увиденному и запечатленному в детской памяти.

Идея И. Бунина о воспитании как помощи в духовном росте человека помогает решению целого ряда задач современной педагогики, важнейшей из которых является задача духовно-нравственного воспитания. Для педагогической практики представляется важным, что вместе с произведениями И. Бунина в ценностный ряд вошли: детство, ребенок, Родина, образование, обучение и воспитание, доброта, трудолюбие, благородство, любовь национального образования и воспитания и, надо полагать, дает возможность более полного раскрытия путей формирования ценностных ориентаций личности будущего учителя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бунин И. А. Собр. соч. в 4-х томах. — М.: Правда, 1988. — Т. 3. — 543 с.
2. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII–нач. XIX вв.). — СПб.: Азбука, 2021. — 608 с.
3. Матросова Ю. С. Использование художественной литературы на занятиях по педагогике как средства развития профессиональной компетентности будущего учителя // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 70–2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-hudozhestvennoy-literatury-na-zanyatiyah-po-pedagogike-kak-sredstva-razvitiya-professionalnoy-kompetentnosti-buduschego> (дата обращения: 06.09.2022).

УДК 372.894

Е. А. Жадаева

ДИСКУССИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ ИСТОРИИ В 9 КЛАССЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема формирования и развития коммуникативной компетенции у школьников, обучающихся на ступени основного образования, обосновывается важность и актуальность обозначенной проблемы. Развитие коммуникативной компетенции является одной из основных задач, стоящих перед современной системой среднего школьного образования. В методике преподавания истории существуют различные средства формирования и развития коммуникативной компетенции, и одним из таких средств является дискуссия, обладающая большим дидактическим потенциалом. В статье отводится особая роль использованию метода дискуссии на уроках истории в 9-х классах с целью развития коммуникативных умений обучающихся, рассматриваются преимущества данного метода.

Ключевые слова: преподавание истории, компетенция, коммуникативная компетенция, коммуникативные действия, дискуссия

Ye. A. Zhadaeva

DISCUSSION AS A MEANS OF COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION IN HISTORY LESSONS IN THE 9TH GRADE

Abstract. This article discusses the problem of the formation and development of communicative competence in schoolchildren studying at the level of basic education, substantiates the importance and relevance of the identified problem. The development of communicative competence is one of the main tasks faced by the modern system of secondary school education. In the methodology of teaching history there are various means of forming and developing communicative competence, and one of these means is discussion that has great didactic potential. The article emphasizes the use of the discussion method in history lessons in the 9th grade with the purpose of developing the communicative skills of students, the advantages of this method are considered.

Keywords: teaching history, competence, communicative competence, communicative actions, discussion

Современный мир динамично развивается, претерпевает все больше изме-

нений, а параллельно с этим явлениям происходит трансформация требований

предъявляемых к системе среднего образования в Российской Федерации. Школьник XXI века должен быть хорошо подготовлен к вызовам информационно насыщенного мира. Именно поэтому выдвигаются всё новые и новые требования к школьному образованию, в том числе и к историческому. Современный школьник должен уметь творчески мыслить, достаточно аргументировано защищать свое мнение, критически оценивать разного рода информацию, опровергая ее при необходимости с привлечением фактов [7]. Важнейшая роль в системе российского образования отводится формированию *универсальных учебных коммуникативных действий*, направленных на осуществление межличностного общения в ходе совместной деятельности. Коммуникативные действия обеспечивают социальную компетентность, учет позиций, точек зрения других людей, развивают умение слушать, вступать в диалог, участвовать в коллективном обсуждении разного рода проблем и вопросов [7]. От уровня того, насколько хорошо сформированы коммуникативные умения у учеников основной школы зависит не только эффективность их обучения и воспитания, но и дальнейшая жизнь. Как, верно, заметил российский педагог Иванов Дмитрий Андреевич: «людям, не владеющим коммуникативной компетенцией грозит социальная изоляция» [3, с. 7]. Как же реализовать все поставленные перед школой требования? Как обучать и воспитывать школьников, отвечающим всем особенностям современного мира? Ответы на эти вопросы кроются в основе изменения организации общения на уроках истории, с целью формирования и дальнейшего развития у обучающихся 9-х классов коммуникативных компетенций.

Что же такое «коммуникативная компетенция»? Впервые данное понятие было использовано в отечественной педа-

гогической науке Вятютневым Марком Николаевичем, который трактовал коммуникативную компетенцию как: «речевое поведение в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения; умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у участников беседы, а также во время беседы в процессе взаимной адаптации» [1, с. 38]. Советский и российский психолог Петровская Лариса Андреевна под коммуникативной компетенцией понимала «способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми». [4, с. 352]. Доктор социологических наук, кандидат педагогических наук Руденский Евгений Владимирович определял коммуникативную компетентность как «систему внутренних ресурсов личности, необходимых для осуществления человеком эффективных коммуникативных действий в широком диапазоне ситуаций межличностного взаимодействия». Эти ресурсы включали в свой состав разнообразные возможности человека по восприятию, оценке и интерпретации ситуаций, планирование коммуникативных действий в общении с другими людьми, правила коммуникативного поведения и средства его коррекции [2]. Таким образом, коммуникативная компетенция — это знания, умения, содержание которых реализуется в жизни через все существующие виды речевой деятельности. Развитие коммуникативных компетенций у обучающихся школ в Российской Федерации является одной из наиболее важных и приоритетных задач. На это есть свои причины. Учителя-практики отмечают, что с большинством современных школьников основной ступени образования достаточно тяжело взаимодействовать на уроках, ребята пассивны, не разговорчивы, не желают включаться в учебный процесс, многие

из них абсолютно не хотят работать на занятиях, отвечать на вопросы учителя, принимать участие в обсуждении. Если же их удастся включить в ход урока, то налицо проблемы с речью — она крайне слабая, обрывистая, зачастую не грамотная, даже у обучающихся 9-х классов. Школьники не умеют ясно выражать свои мысли, не умеют подводить итоги, составлять причинно-следственные связи из сказанного учителем или одноклассниками. В то же время потребность современного человека в социальной и профессиональной реализации диктует необходимость владения расширенным набором коммуникативных умений, которым многие ученики не могут овладеть даже к концу школьного обучения. Это приводит, в свою очередь, к проблеме прохождения собеседования по русскому языку, которое является прямым допуском к сдаче экзаменов (ОГЭ). Ввиду сложившейся ситуации мы сталкиваемся с проблемой необходимости создания специальных условий, направленных на формирование и развитие коммуникативных умений.

Модернизация современной системы основного общего образования, с целью развития коммуникативной компетенции у школьников и стимулирования познавательной деятельности, предполагает включение в процесс обучения различных активных форм: ролевые игры, деловые и дидактические игры, дебаты и дискуссии, мозговой штурм, тренинги и многое другое. Среди всех вышеперечисленных методов особенно стоит выделить дискуссию. Под «дискуссией» понимается метод обучения, повышающий интенсивность и эффективность учебного процесса за счет активного включения обучаемых в коллективный поиск истины [5, с. 91]. Именно дискуссия помогает школьнику сформировать свою точку зрения, отличить её от других точек зрения, а также скоорди-

нировать разные точки зрения для достижения общей цели. Дискуссия — это метод обсуждения и разрешения спорных вопросов. В настоящее время она является одной из важнейших форм образовательной деятельности, стимулирующей инициативность обучающихся, развитие рефлексивного мышления. На дискуссионных уроках каждый ищет свою истину, свое решение проблемы, при этом школьники овладевают важнейшими ораторскими умениями и искусством доказательной полемики, что уже само по себе является важным приобретением для взрослой жизни. Важной характеристикой дискуссии, отличающей её от других видов спора, является аргументированность. Дискуссия должна занять существенное место в процессе обучения по тем дисциплинам, где есть неоднозначность в объяснении явлений. История — один из таких предметов. Применение метода дискуссии с целью формирования и развития коммуникативных навыков у современных школьников является достаточно актуальной и важной темой. Тема актуальна и потому, что дискуссии, как форме учебного диалога, посвящено не так много исследований, хотя за ней признается роль инновационного, проблемного метода обучения. По данной теме работали М. В. Кларин, В. Н. Воронин, А. В. Тышковский, В. В. Гузеев, А. С. Сиденко, Т. С. Панина, Л. Н. Вавилова, А. П. Панфилова, М. В. Короткова. Однако, большая часть научных трудов рассматривает не отдельно метод дискуссии, а ее элементы как часть комплекса активных методов обучения. Для основной и средней школы дискуссия становится особенно актуальной, ибо способствует развитию коммуникативных умений, необходимых для дальнейшего обучения и жизни. Именно дискуссия способствует развитию красивой устной и письменной речи, умению вы-

сказывать свое мнение, обосновать свою позицию (так, чтобы быть понятым слушателями), учит аргументировать, доказывать.

Успешное формирование коммуникативной компетентности в процессе применения технологии дискуссии возможно при условии соблюдения учителем определенных принципов и правил, применения специальных методов и средств:

Во-первых, дискуссия может быть реализована на различных типах уроков: обобщающем, уроке ознакомления учащихся с новым материалом, уроке закрепления знаний, уроке выработки и закрепления умений и навыков; элементы дискуссии можно применять на всех этапах комбинированного урока.

Во-вторых, в основе применения технологии дискуссии должны быть заложены следующие принципы гуманистического воспитания: обучения и воспитания детей в коллективе, связи воспитания с жизнью и практикой; развития инициативы и самостоятельности учеников; принцип уважения к личности ребенка в сочетании с требовательностью к нему, увлечения учащихся перспективами [6, с. 294–298].

В-третьих, при проведении дискуссии учитель может использовать следующие методы обучения:

1. диалогический метод, при котором проблемная ситуация создается постановкой проблемных вопросов или показом противоречивости фактов, явлений;

2. эвристический метод, для которого характерна постановка основной проблемы, деление ее на мелкие проблемы и организация поисковой деятельности учащихся по ее решению; эвристическая беседа возможна в виде взаимосвязанных вопросов, влияющих друг на друга, большая часть которых является небольшими проблемами;

3. учащихся, давая им проблемные познавательные задачи и задания, имеющие практический характер [8, с. 62].

В-четвертых, для успешного проведения урока-дискуссии требуется предварительная подготовка учителя и учащихся, в ходе которой уже формируются такие составляющие коммуникативной компетентности, как: развитие умения определять проблему, готовиться к выступлению и обсуждению, продумывать характер аргументов и другие.

Общеизвестно, что в истории по сей день, остается большой круг вопросов, верных ответов на которые не существует. Все это можно очень удачно использовать при проведении дискуссий. К тому же, дискуссии можно использовать при любом типе урока (изучение нового материала, урок-закрепление и т. д.), а ее элементы можно вводить на любом этапе. Хотелось бы предложить некоторые темы дискуссий по курсу отечественной истории XIX века для учеников 9-х классов, которые были успешно реализованы в ходе практической деятельности:

Дискуссия на тему «Правление Александра I: время упущенных возможностей?» будет актуальна на уроке подведения итогов правления обозначенного императора. Эффективнее всего дискуссия пройдет в форме так называемого «Круглого стола», где все ученики будут задействованы в обсуждении сложного проблемного вопроса, обозначенного в теме дискуссии. Руководить деятельностью должен учитель или хорошо подготовленный ученик. В ходе работы можно акцентировать внимание класса на следующие моменты. Во-первых, влияние личности Александра I на предстоящие реформы (воспитание, в постоянном лабиринте между отцом и бабушкой, психологические особенности императора после смерти Павла I (вина за смерть отца, постоянная боязнь покушения на

собственную жизнь). Во-вторых, стоит обратить внимание на реальные предпосылки и факторы реформ, проанализировать модернизацию системы государственного управления, социально-экономического развития, анализ ситуации крепостнической системы и преобразований Александра I в этой области. В-третьих, в классе можно обсудить вопрос влияния Отечественной войны на курс реформ. В ходе проведения дискуссии можно провести параллели Александра I с Петром Великим и обсудить, почему в одном случае реформы были успешными, а в другом — нет, хотя общество было одинаково не готово к нововведениям. Изучая период правления Александра I можно провести еще одну дискуссию на тему: «Александр I: реформы или реакция».

В ходе обсуждения темы «Общественные движения при Александре I. Выступление декабристов» возможно проведение дискуссии по теме «Декабристы: герои или безумцы?». Класс заранее поделится на две группы. Первая группа будет доказывать, что декабристы — это герои, которые принесли свои жизни на благо общества, другая будет отстаивать мнение, что декабристы — это безумцы, которые не понимали реального положения вещей. Ученики рассмотрят сложный вопрос с двух точек зрения, по каждой из которых будут высказаны свои суждения. Данную дискуссию можно провести как полноценно (в течение всего урока), так и элементом (например, на этапе подведения итогов урока).

После изучения периода правления Николая I, на повторительно-обобщающем уроке будет интересным и необычным организация дискуссии в форме игрового моделирования. Например, уместным будет проведение урока-суда «Россия после реформ Николая I». Класс поделится на четыре группы (судья, секретари, прокурор, свидетели), а сам урок должен быть организован как слушание дела,

связанного с изменением России за последние 30 лет (с 1825 по 1855 гг.). Прокурор будет выдвигать разные высказывания исторических деятелей и современников Николая I о личности и деятельности императора, свидетели обвинения и свидетели защиты будут подтверждать или опровергать их, таким образом, осуществляя дискуссию по разным вопросам (личность Николая, политические, экономические, социальные реформы, внешняя политика (Крымская, Кавказская войны)). При завершении рассмотрения всех вопросов суд выносит вердикт, идет завершающее обсуждение, связанное с изменением облика России за годы правления Николая I. Подобные уроки можно проводить и при изучении других правителей. Суть урока такого типа заключается в обсуждении проблем с позиций «очевидцев» событий, абстрагируясь от оценок современных людей и учебников. Изучая внутреннюю политику данного императора, можно предложить еще одну тему «Николай I: реформы или контрреформы?».

Изучая один из важнейших вопросов истории XIX века — отмену крепостного права императором Александром II, учащимся можно провести дискуссию на тему: «Отмена крепостного права в России: неизбежность или...», Работа может быть организована в виде круглого стола или проектной дискуссии. Эффективно будет разобрать обозначенный трудный вопрос истории в виде проектной дискуссии. В этом случае классу заранее будет дана проблемы (необходимость отмены Крепостного права), ребята должны будут ее проанализировать, выявить истоки и все сложности. Суть дискуссии будет состоять в том, что в результате исследования вопроса (темы) и выявления трудностей в его решении школьники в ходе спора намечают возможные попытки выхода (благоприятного исхода) по разрешению

проблемной ситуации. По итогам рассмотрения личности Александра II и его Крестьянской реформы 1861 г. можно провести дискуссию на тему: «Александр II — освободитель?».

Эпоха правления императора Николая II сама по себе является достаточно сложной и дискуссионной. В связи с этим на уроках истории в 9 классе можно провести дискуссии на разнообразные темы. По личности императора и его реформам во внутренней и внешней политике можно предложить дискуссию на тему «Николай II: святой или кровавый?», в ходе которой учащиеся будут отстаивать разные точки зрения (по итогу работы, вероятнее всего, будет наблюдаться перевес в пользу одного из мнений). Рассматривая итоги развития страны после окончания периода правления Николая II, и в завершение изучения курса отечественной истории в 9 классе, для учеников может быть организована дискуссия на крайне интересную тему: «Россия в начале XX в.: выбор пути».

Итак, подводя итоги, хочется отметить, что формирование коммуникативной компетенции учеников основной ступени образования является актуальной проблемой современности. Данная проблема должна решаться на уровне школы, в том числе на уроках истории, в процессе применения активных, диалоговых методов обучения, в частности, с помощью метода дискуссии. Предмет «История» наполнен большим количеством разнообразных спорных вопросов по отечественной и зарубежной истории, направленных на формирование собственного мнения, на развитие умений высказывать и аргументировать его. Основой дискуссии является правильная постановка проблемного вопроса, подразумевающего необходимость коммуникативного взаимодействия между обучающимися. Это дает школьникам опыт участия в обсуждении, помогает усвоить правила сотрудничества, формирует навыки грамотного высказывания своей позиции с приведением аргументов.

Библиографический список

1. *Вятютнев М. Н.* Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах // *Русский язык за рубежом.* — 1997. — № 6. — С. 38–45.
2. *Коммуникативная компетентность: понятие, характеристики* // *Современные проблемы науки и образования.* / Т. В. Захарова, Н. В. Басалаева, Т. В. Казакова, Н. К. Игнатьева, Е. В. Киргизова, Т. А. Бахор. — 2015. — № 4. — URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20413> (дата обращения 17.09.2022).
3. *Иванов Д. А.* Компетентности и компетентностный подход в современном образовании. — М.: Чистые пруды, 2007. — С. 32.
4. *Петровская Л. А.* Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. — М.: издательство МГУ, 1998. — С. 348.
5. *Романцев Г. М.* Профессионально-педагогические понятия. — Екатеринбург: издательство Российского профессионально-педагогического университета, 2005. — С. 456.
6. *Сластёнин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н.* Педагогика. — М.: Академия, 2007. — С. 576.
7. *Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (5–9 кл.)* / [Электронный ресурс] — URL: <https://classinform.ru/fgos/1.3-osnovnoe-obshchee-obrazovanie-5-9-class.html> (дата обращения 10.08.2022).
8. *Фомина А. А.* Соблюдение педагогических требований как фактор, повышающий профессиональную компетентность современного учителя. // *Завуч.* — 2000. — № 1. — С. 59–64.

Н. В. Камардина, Ю. С. Черенкова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК НА УРОКЕ ИСТОРИИ: ПОИСКИ НОВЫХ ПОДХОДОВ И МЕТОДИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация. В статье рассматривается актуальность применения исторических источников на уроках истории. На основе историографического обзора выявлены методические подходы к использованию на уроках истории первичных исторических источников. Обосновывается важность использования письменных исторических источников в современном школьном образовании.

Ключевые слова: преподавание истории в школе, письменный исторический источник, ФГОС

N. V. Kamardina, Yu. S. Cherenkova

HISTORICAL SOURCE IN HISTORY LESSON: SEARCHING NEW APPROACHES AND METHODOLOGICAL SOLUTIONS (POSING THE PROBLEM)

Abstract. The paper considers the topicality of applying historical sources in history lessons. On the basis of historiographical review, methodological approaches to the use of original historical sources in history lessons are revealed. The importance of using written historical sources in modern school education is stipulated.

Keywords: teaching history at school, written historical source, Federal State Educational Standard

В современном быстро меняющемся мире человеку необходимо не только поглощать информацию, объём которой растёт в геометрической прогрессии, но научиться этой информацией пользоваться. Полученная из различных источников информация становится основой мироощущения и миропонимания индивида. Именно поэтому развитие умений искать, анализировать, критически осмысливать полученные данные для школьника становится важнейшей частью процесса обучения. Все предметы школьной программы оперируют с информацией, представленной в виде письменного текста. Но особое место занимают уроки истории, на которых учат извлекать необхо-

димые сведения и работать с ними на основе первоисточников — документальных свидетельств той или иной эпохи. Для того, чтобы человек уверенно чувствовал себя в современной информационной среде, необходимо уметь сопоставлять и оценивать содержащуюся в различных источниках информацию о событиях и явлениях прошлого и настоящего, определять и аргументировать свое отношение к ней; перерабатывать и критически осмысливать полученные сведения.

Особенно важным это умение становится для учащихся второй ступени школьного образования — основного общего образования (ООО), так как дети этой возрастной группы 11–15 лет более

уязвимы в восприятии любой информации, они более доверчивы, любопытны. Умение работать с различными видами текстов проверяется в том числе и в ходе государственных экзаменов, а именно в данный период времени идет активная подготовка обучающегося как к государственным экзаменам, так и к жизни. После окончания первой ступени образования дети уже обладают такими умениями, как чтение и письмо, владеют базовыми коммуникативными умениями, а также, самое главное, они обладают интересом, в силу подросткового возраста, и мотивацией к учению. Важно не растерять накопленный потенциал и суметь провести обучающегося к новым вершинам знаний.

С 1 сентября 2022 г. в РФ был введен ФГОС третьего поколения, в котором одним из важных предметных умений по ступени основного общего образования по истории России и Всеобщей истории заявлено то, что ученик сам должен уметь добывать знания, искать, анализировать, сопоставлять и оценивать информацию в процессе обучения, основываясь на различные источники [11]. Работа с историческими источниками, являющаяся сутью работы профессионального историка, должна стать обязательным компонентом школьного исторического образования.

Урок истории немыслим без актов документов, статистических данных, воспоминаний, произведений выдающихся историков. Их использование позволяет решить ряд взаимосвязанных задач: сформировать полноценные и прочные знания, конкретизировать и углубить их, проиллюстрировать изучаемые вопросы, обеспечить доказательность теоретических положений, идей; развить мышление учащихся, научить самостоятельно делать правильные выводы и обобщения; формировать оценочную деятельность

учащихся, их познавательные возможности, готовить учащихся к выполнению заданий итоговой государственной аттестации.

Исторические источники разных типов на большинстве уроках истории — это основа. В практике российской школы обращение к работе с историческими источниками не является новой. На эту проблему обращали свое внимание российские педагоги и историки во второй половине XIX века. Так, М. М. Стасюлевич, С. В. Фарфоровский, Н. А. Рожков предложили преподавать историю на основе изучения первоисточников — литературные, документальные и вещественные исторические источники. В начале XX века А. Ф. Гартвиг, Б. А. Влахопулов, С. В. Ешевский, Н. П. Покотило предлагали учащимся изучать историческую литературу, на основе её делать отчеты или рефераты, тем самым они предлагали обучать учеников проводить аналитическую и учебно-исследовательскую деятельность на основе изучения вторичных исторических источников. Такой вариант обучения позволял расширять исторические знания учеников, приучал их к анализу прочитанного, развивал критическое мышление, активизировал самостоятельную, познавательную деятельность [6].

Постепенно разрабатывали методики использования на уроках истории первичных исторических источников. Работа с историческими источниками рассматривалась и до сих пор остается базовым предметным умением. Если говорить о базовых метапредметных умениях, то это умение работать с информацией. Именно в работе с различными историческими источниками и формируются предметные и метапредметные умения, в основе которых присутствует критическое мышление.

В советский период свой вклад внесли в исследование и разработку методик работы с историческими источниками М. Н. Тихомиров [10], И. Д. Ковальченко [5], П. В. Гора [3], А. А. Вагин, Н. В. Сперанская, Ф. П. Коровкин [12], И. Я. Лернер [7], Н. Г. Дайри [2] и др. Все перечисленные личности были историками-методистами, которые в советское время разработали приемы и методики работы с историческими источниками, которые применимы в системе школьного образования до сих пор. Важно, что историки-методисты в этот период говорили о том, что работа с историческими источниками содействует развитию у учеников аналитического мышления, формирует навыки поисковой самостоятельной работы.

В постсоветский период исследование темы продолжили О. Ю. Стрелова, Е. Е. Вяземский [1], М. В. Короткова, Ю. Л. Троицкий, Б. Д. Богоявленским и К. Г. Митрофановым, Н. Н. Лазукова, Л. Н. Алексашкина и др. [12]. Все историки-методисты разрабатывали новые приемы работы с историческими источниками, но главное описывали важность использования их на уроках истории.

В современное время продолжают работу над методиками работы с историческими источниками большое количество педагогов, например, О. М. Хлытина, Т. В. Коваль, М. Ю. Маркевич, Л. Д. Титова, В. А. Смирнова, Т. Б. Тихомирова и др. Современные педагоги-методисты уже более детально и углублено исследуют исторические источники, заранее обозначая для себя вид источника, с которым они будут работать. Например, Т. В. Коваль изучает и предлагает приемы работы с визуальными источниками, а также разрабатывает методические рекомендации к учебникам истории [4]. М. Ю. Маркевич исследует письменные источники и приемы работы с ними [8].

О. М. Хлытина разрабатывает критерии подбора историографического материала, а также занимается организацией работы с историческими источниками в рамках школы [13].

В настоящее время проблема работы с историческими источниками приобретает новое звучание.

Анализ результатов социологического опроса учителей школ г. Петропавловска-Камчатского показал, что у большинства из них отсутствует должный интерес к работе с письменным историческим источникам. Чаще всего деятельность обучающихся на уроке истории сводится к заданиям однотипного уровня, например, устно определить автора документа, выделить из текста главную информацию. Эти задания при работе с текстом бесспорно важны и нужны, но также необходимо проводить и другие логические операции — сравнение, анализ и синтез извлечённой информации. Учителя, зачастую, работают только с выдержками документов, которые представлены в учебнике, а если и раздают дополнительный дидактический материал, то с ним сложно работать устно. Некорректные формулировки вопросов и заданий к различным письменным историческим источникам также влияют на плохое усвоение прочитанного материала. Результат такой работы с письменными источниками зачастую оказывается противоположным поставленным целям: ребята не понимают, зачем вообще нужно читать источники, какое отношение они имеют к изучению темы урока.

Большинству школьников зачастую сложно усваивать большой объем информации, который может содержаться в письменном источнике. Важно научить учащихся в подростковом возрасте навыкам работы с отбором материала, его интерпретацией, осмыслением, а также умению критически мыслить. А педаго-

гов необходимо научить правильному подбору письменных источников по теме урока или исторического периода, правильной формулировке заданий для учащихся, которые будут отражать поставленные цели.

Статистические данные ЕГЭ 2020 и 2021 гг. показывают средние проценты в правильности выполнения заданий часть 1 и 2 заданий под № 6, 10, 12, 20–22 и говорят о том, что большинство школьников оказались не готовы к выполнению письменных заданий первой и второй части, они плохо знакомы с историографией, не все умеют правильно работать с историческими источниками, не умеют сравнивать, затрудняются в выделении существенных сопоставимых признаков, у них посредственно сформирован навык анализа и оценки исторических явлений и событий [9]. Поэтому вопрос о том, как заинтересовать ученика, начиная с основной школы, как показать, что исторический источник может быть весьма важным в процессе познания прошлого, является весьма актуальным.

При работе с письменными историческими источниками активизируется процесс мышления и воображения учащихся, что способствует плодотворному усвоению исторических знаний и развитию исторического сознания. У них вырабатываются навыки самостоятельной работы: читать документы, интерпретировать, анализировать, обобщать и извлекать информацию, рассуждать, оце-

нивать значение документов прошлого и настоящего. Обучающиеся узнают о значимости документов для исторической науки, видят в них след деятельности когда-то живших людей. Поэтому в настоящее время в школьном историческом образовании актуализируется проблема формирования умений и навыков работы с историческими источниками. Тем более, что по ФГОС ООО акцент устанавливают на системно-деятельностном (лично-ориентированном) подходе, который подразумевает активную деятельность ученика в процессе образования [11], а это возможно в процессе работы с историческими источниками на уроках.

Таким образом, проблема использования исторических источников в образовательном процессе выходит на первый план в работе учителей истории. Поиск новых методических решений в новых условиях позволяет раскрыть творческий потенциал как учителей, так и их учеников. Конечно, в первую очередь, необходимо формировать у обучающихся системные знания о месте Российской Федерации в мире, ее исторической роли, территориальной целостности, культурном и технологическом развитии, вкладе страны в мировое научное наследие и формирование представлений о современной России, устремленной в будущее, и главную роль должны сыграть разнообразные исторические источники.

Библиографический список

1. *Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю.* Теория и методика преподавания истории. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. — 384 с. [Электронный ресурс] — URL: <https://ru.djvu.online/file/REwUcS7EOhGSB> (дата обращения 6.10.2022)
2. *Дайри Н. Г.* Обучение истории в старших классах в средней школе. — М.: Просвещение, 1966. — 439 с.
3. *Донская Н. С.* Актуальность идей П. В. Горы для современной методики преподавания истории / Н. С. Донская; Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика,

- практика. К 25-летию Московского городского педагогического университета: сборник научных статей. Выпуск VII. — М.: Книгодел, 2020. — 373 с.
4. Коваль Т. В. Методика организации работы с визуальными источниками / Т. В. Коваль // Преподавание истории и обществознания в школе. — 2006. — № 10. — С. 22–27.
 5. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. — М.: Наука, 2003. — 486 с.
 6. Краснова М. А. Вопросы источниковедения и историографии в школьном курсе истории / М. А. Краснова // Научные труды республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. — 2021. — С. 229–236.
 7. Лернер И. Я. Развитие мышления учащихся в процессе обучения истории. — М.: Просвещение, 1982. — С. 191.
 8. Маркевич М. Ю. Применение исторических источников как средства формирования навыков исследовательской деятельности в средней школе / Вестник магистратуры. — 2015. — № 8 (47)
 9. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2022 года. ФГБНУ «Федеральный институт педагогических измерений» [Электронный ресурс]. — URL: <https://fipi.ru/ege> (дата обращения 6.10.22)
 10. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. [Электронный ресурс]. — URL: <http://opentextnn.ru/history/istochnikovedenie-history/tikhomirov/oglavlenie-4/> (дата обращения 6.10.22)
 11. ФГОС Основное общее образование. Приказ от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». [Электронный ресурс]. — URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения 6.10.22)
 12. Хлытина О. М. Исторические источники в учебном историческом познании: традиции и инновации // Омский педагогический вестник. — 2008. — № 6 (74). — С. 163–168. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-istochniki-v-uchebnom-istoricheskom-poznanii-traditsii-i-innovatsii/viewer> (дата обращения 22.11.2022)
 13. Хлытина О. М. Теория и методика обучения истории: учебно-методический комплекс / О. М. Хлытина; под науч. ред. В. А. Зверева, К. Е. Зверевой. — Новосибирск: изд. НГПУ, 2007. — 256 с. [Электронный ресурс] — URL: <https://studfile.net/preview/3963697/> (дата обращения 6.10.22)

УДК 316.7

Е. В. Гнездилова

ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ I РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СОХРАНЯЯ ПРОШЛОЕ, СОЗДАЕМ БУДУЩЕЕ», ПОСВЯЩЕННОЙ ГОДУ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА КАМЧАТСКОГО КРАЯ

Аннотация. Статья посвящена особенностям организации и проведения на базе ФГБОУ ВО «КамГУ им. Витуса Беринга» I региональной научно-практической конференции, посвященной Году культуры коренных малочисленных народов Севера Камчатского края, «Сохраняя прошлое, создаем будущее». В работе представлен опыт проведения конференции в 2022 году.

Ключевые слова: научные конференции, культура народов Севера, коренные малочисленные народы Камчатки

Ye. V. Gnezdilova

FROM THE EXPERIENCE OF CONDUCTING THE FIRST REGIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE "PRESERVING THE PAST, WE CREATE THE FUTURE" DEVOTED TO THE YEAR OF CULTURE OF THE KAMCHATKA KRAI INDIGENOUS SMALL-NUMBERED PEOPLES

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of organizing and conducting the First regional scientific-practical conference devoted to the Year of culture of the Kamchatka krai indigenous small-numbered peoples of the North "Preserving the past, we create the future" on the basis of FGBOU VO "Vitus Bering Kamchatka State University". The paper presents the experience of conducting the conference in 2022.

Keywords: scientific conferences, culture of peoples of the North, indigenous small-numbered peoples of Kamchatka

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств в мире, где проживают более 160 народов, каждый из которых обладает уникальными особенностями материальной и духовной культуры. Преобладающее большинство народов страны на протяжении веков сложилось как этнические общности на территории России, и в этом смысле они являются коренны-

ми народами, сыгравшими историческую роль в формировании российского государства.

Среди народов, проживающих в Российской Федерации, особое место занимают коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, к которым относятся народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков,

сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы и осознающие себя самостоятельными этническими общностями.

Проблема сохранения самобытных исчезающих культур малочисленных народов Камчатки в условиях модернизационных процессов, охвативших все стороны жизни людей, является теоретически дискуссионной и практически значимой.

На основании распоряжения Правительства Камчатского края от 07.11.2016 №5 27-РП утвержден План мероприятий по реализации в Камчатском крае в 2016–2025 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, который включает в себя сохранение и развитие традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих в Камчатском крае, повышение качества жизни и создание условий по сохранению исконной среды обитания и традиционного природопользования, сохранение и раз-

витие родных языков, поддержку и развитие печатных и электронных средств массовой информации, распространяемых на языках коренных малочисленных народов.

2022 год был объявлен Губернатором Камчатского края В. В. Солодовым Годом культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Камчатском крае, и характеризовался повышением интереса к изучению истории, культуры и языков народов Российской Федерации, значимых исторических событий, ставших основой государственных праздников и памятных дат, связанных с реализацией государственной национальной политики Российской Федерации, что закреплено законодательными актами как на местном уровне, так и в масштабах Российской Федерации.

С 17 по 21 ноября 2022 года на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга» состоялась I региональная научно-практическая конференция «Сохраняя прошлое, создаем будущее», приуроченная к Году культуры коренных малочисленных народов Севера Камчатского края.

Организаторами конференции выступили: автономная некоммерческая организация социализации молодежи Камчатского края «Витус Беринг» и федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга» (центр межкультурных исследований и межкультурных коммуникаций, отдел научно-исследовательской, международной деятельности и аспирантуры).

Конференция была поддержана Министерством развития гражданского общества и молодежи Камчатского края. В январе 2022 года АНО социализации молодежи Камчатского края «Витус Беринг» стала одним из победителей конкурса на получение субсидий из краевого бюджета на поддержку проектов по сохранению и развитию национальных традиций, культуры и языка народов, проживающих в Камчатском крае.

Партнерами конференции выступили: Камчатский институт развития образования, Камчатский колледж искусств, Камчатский центр народного творчества, ассоциация коренных малочисленных народов Севера Камчатского края, общественная организация молодежи коренных малочисленных народов Севера в Камчатском крае «Дружба Северян».

Целью конференции являлось содействие интеграции российской науки в мировое информационное научное пространство, распространение научных и практических достижений в различных областях науки, поддержка высоких стандартов публикаций, а также апробация результатов научно-практической деятельности.

Немаловажным результатом в ближайшем будущем видится выявление активной молодежи из числа обучающихся вуза, которые впоследствии станут инициативной группой по реализации идей, научно-исследовательских проектов, на-

правленных на изучение, сохранение и популяризацию языков и культур коренных малочисленных народов Севера Камчатского края, наиболее активных студентов включают в состав Совета молодых ученых университета.

Направления работы конференции:

- современные проблемы исследований и сохранения языков и культур коренных малочисленных народов Севера Камчатского края;
- культурно-историческое взаимодействие языков коренных малочисленных народов Севера Камчатского края;
- проблемы преподавания языков коренных малочисленных народов Севера Камчатского края;
- состояние и перспективы развития языков и культур коренных малочисленных народов Севера Камчатского края.

Проведение конференции отличалось большим разнообразием форм общения, которые включали в себя выставки научной и учебно-методической литературы, заседание секций, круглые столы, практико-ориентированные мастер-классы по национальной хореографии, игре на музыкальных инструментах коренных жителей Камчатки, бисероплетению и многому другому, публичные лекции, творческие лаборатории, экскурсионные площадки, общей тематикой которых являлась поддержка, развитие и выявление проблемных сторон в сфере современного

бытования культуры и языков коренных малочисленных народов Камчатки.

Интерес к заявленной тематике проявили не только академические структуры, высшие учебные заведения, но и органы государственной власти Камчатского края, а также учреждения культуры края и общественные деятели, неравнодушные к судьбе малых языков и культур народов, проживающих в Камчатском крае.

Открытие конференции состоялось 17 октября 2022 года в формате круглого стола «Потенциал университета и науки в сохранении языков и культур коренных малочисленных народов Севера Камчатского края» в день основания г. Петропавловска-Камчатского и день основания ФГБОУ ВО «КамГУ им. Витуса Беринга». На круглом столе были обсуждены вопросы о роли Камчатского института развития образования в сохранении родных языков коренных народов Камчатского края, возможности и перспективы совместной деятельности общественной организации молодежи коренных малочисленных народов Севера в Камчатском крае «Дружба Северян» с ФГБОУ ВО «КамГУ им. Витуса Беринга», вкладе Камчатского центра народного творчества в сохранение культуры и языков коренных малочисленных народов Севера Камчатского края. В течение всей конференции работала выставка научной, учебно-методической литературы «Родной язык — духовное наследие народа».

Большой интерес участников конференции вызвали два мастер-класса: знакомство с различными видами музыкальных инструментов коренных народов Камчатки, исполнение основных характерных ритмов отдельных народов и элементы игры на музыкальных инструментах (ведущий — Жукова Т. М., режиссер-постановщик национальной хореографии МАУК ДКД «Апрель», участница моло-

дежного народного национального ансамбля «КОРИТЭВ»), а также мастер-класс по бисероплетению (Манько А. В., художник-бутафор КГАУ «Камчатский театр кукол»), на котором участники познакомились с особенностями изготовления национальных оберегов, самостоятельно изготовили из бисера украшения.

В день открытия конференции состоялся научно-практический семинар «Ограничение прав КМНС на охоту и рыбалку как естественных прав: аспекты правоприменения» (Кочнева И. П., доцент кафедры юриспруденции КамГУ им. Витуса Беринга), на котором был затронут актуальный вопрос о правах коренных малочисленных народов Севера — ограничение на охоту и рыбалку. Семинар «Правовой статус коренных малочисленных народов Камчатки: история и современность» (ведущие: Гаврилова Н. И., Завьялова С. В., доценты кафедры юриспруденции КамГУ им. Витуса Беринга) был посвящен описанию истории развития правовой системы, вопросам возникновения и закрепления термина правового статуса коренных малочисленных народов Севера, современному состоянию прав коренных малочисленных народов Севера Камчатки.

Участники конференции отметили информативность секции «Сколько языков ты знаешь — столько раз ты человек: палеоазиатская языковая семья» (Сорокин А. А., руководитель центра межкультурных коммуникаций и этнолингвистических исследований КамГУ им. Витуса Беринга), на которой они узнали о том, какие языки входят в палеоазиатскую языковую семью, их черты сходства и отличия в лексическом, грамматическом аспектах. Участникам секции была представлена уникальная возможность прослушивания фрагментов видеозаписей материалов научных школо-экспедиций.

Интересный формат проведения лекции на английском языке «Мифы и легенды коренных народов Берингии» предложил участникам *старший преподаватель кафедры иностранных языков и переводоведения КамГУ им. Витуса Беринга Кучманич С. В.*

Практико-ориентированный мастер-класс «Национальные игры народов севера Камчатки» (ведущий — *Килик М. А., учитель русского языка и литературы МБОУ «Елизовская средняя школа № 2»*) был посвящен особенностям национальных игр, которые передаются из поколения в поколение у коренных народов, проживающих на Камчатке, и помогают развивать ловкость, точность и другие необходимые качества для лучшего приспособления к суровым условиям Севера.

А артисты молодежного народного национального ансамбля «КОРИТЭВ» под руководством *Жуковой Т. М.* продемонстрировали студентам характерные особенности исполнения национальных танцев коренных малочисленных народов Камчатки — коряков, ительменов, эвенов: черты и характерные особенности движений в танце у разных этнических групп, что объединяет все перечисленные малочисленных народов Камчатского края.

Научно-популярная лекция «Современное состояние традиционной обрядовой практики коренных малочисленных народов Камчатки: аутентичность vs трансформации» (*Закревская Н. А., учитель русского языка и литературы МАОУ «Средняя школа № 45»*) сосредоточила внимание слушателей на накопленном архивном материале и записях современных фольклорно-этнографических экспедиций, дала возможность провести анализ того, как на сегодняшний день сохранилась культура, языки коренных народов Камчатки, какие изменения произошли в обрядовых практиках,

фольклоре, одежде, орнаментах в связи с взаимовлиянием разных культур.

Разработанный просветительский модуль «Сохранение традиционного образа жизни, культуры и языка коренных малочисленных народов Камчатки» (*Барсукова Л. И., доцент кафедры юриспруденции КамГУ им. Витуса Беринга, Майнина О. С., директор АНО «Камчатский центр правовой поддержки НКО и коренных малочисленных народов Севера», Кулакова Э. И., учитель истории и обществознания МБОУ «Нагорненская СОШ»*) продолжил работу конференции. Были рассмотрены аспекты сохранения культурного своеобразия коренных народов Севера, особое внимание было уделено социально-культурным процессам в Камчатском крае с целью сохранения культуры и языков коренных малочисленных народов Камчатки.

Под руководством *Сорокина А. А.* была организована дискуссионная площадка «Перспективы дальнейших исследований малых языков народов Камчатки: поиск новых форм в целях сохранения их будущего», направленная на поиск совместных решений и влияния молодежи Камчатского края на сохранение традиций, культуры и языков малых народов. Дискуссия обеспечила интенсивный и разносторонний анализ обсуждаемой проблемы, расширила сферу коммуникации, дала широкие возможности повысить важность изучения родных языков, а также идеи для дальнейшего участия в конкурсах на получение грантов для реализации проектов.

На практико-ориентированном семинаре «Вопросы культуры КМНС в современной экскурсионной деятельности: содержание и технология работы» (*Сибирцева Е. И., доцент кафедры экономики, менеджмента и сервиса КамГУ им. Витуса Беринга»*) были обозначены направления работы в деятельности

экскурсоводов, связанные с памятными знаками и граффити в облике города, посвященными коренным народам Камчатки.

Параллельно с этим мероприятием была организована еще одна форма проведения конференции — информ-дайджест «Организация деятельности общин коренных малочисленных народов России: правовой аспект» (Барсукова Л. И., доцент кафедры юриспруденции КамГУ им. Витуса Беринга), посвященный порядку создания организационно-правовой формы юридического лица, включая государственную регистрацию общин коренных малочисленных народов Севера, организацию, цели и задачи их деятельности.

Практико-ориентированный семинар «Этнология коренных народов Камчатки» (Кириллова А. И., доцент кафедры истории и философии КамГУ им. Витуса Беринга) позволил рассмотреть актуальные тенденции этнологического изучения народов Камчатки. Студенты подготовили индивидуальные доклады об этносах Камчатки и обсуждали перспективы развития этнологии как современной и динамично развивающейся науки.

Проведение публичной лекции «Аспекты истории КМНС Камчатки в практике преподавания иностранного языка» (Андреева Е. А., старший преподаватель кафедры иностранных языков и переводоведения КамГУ им. Витуса Беринга) было посвящено содержательным аспектам региональной истории, включенной в курсы иностранного языка.

На научном семинаре «Коренные народы Камчатки в условиях трансформаций 1920–40-х гг.: историческое осмысление», который проводила Ильина В. А., доцент кафедры истории и философии КамГУ им. Витуса Беринга, рассказывалось об основных направле-

ниях государственной политики в отношении коренных народов Севера в 1920–1940-е гг. С опорой на современные исследования, были даны оценки произошедшим преобразованиям в северных районах Камчатки.

В работе научно-практического семинара «Особенности передачи этнокультурных реалий в переводе» под руководством Каразия Н. А., Слободенюк Е. А., доценты кафедры иностранных языков и переводоведения КамГУ им. Витуса Беринга, на материале сказочной прозы коренных народов Камчатки рассматривалась передача в переводе национального своеобразия исходного текста, случаи использования в фольклорном тексте частичных и полных слов-реалий, способы их передачи на язык перевода, выявляя наиболее оптимальные решения для сохранения национального колорита переводимого текста.

Ярко и креативно завершилась конференция 21 октября 2022 года в формате выездной сессии, организованной в этническом стойбище «Кайныран» (в переводе с корякского «Кайныран» — «медвежий дом»).

Стойбище расположено в живописном месте: с одной стороны возвышаются вулканы Корякский и Авачинский, с другой — простирается нерестовая река и родниковое озеро. На территории комплекса содержат лошадей и ездовых собак. Летом можно совершить небольшую конную прогулку, а зимой прокатиться в собачьей упряжке. В рамках выездной сессии была проведена экскурсия, начавшаяся с прогулки по стойбищу под рассказ экскурсовода о жизни коряков. Этнический ансамбль увлек студентов и преподавателей в вихрь танцев, песен и сценок из жизни охотников под завораживающие звуки варгана — национального музыкального инструмента. После концерта участники пере-

местились в ярангу, расположились на теплых оленьих шкурах, пообедали камчатской ухой и попробовали корякский травяной чай с лепешками. Участникам конференции представилась уникальная возможность глубже окунуться в национальную культуру коренных жителей Камчатки, познакомиться с их традициями и получить мощный заряд позитивных эмоций.

С заключительным словом выступил руководитель *центра межкультурных коммуникаций и этнолингвистических исследований Сорокин Анатолий Анатольевич*. Он поблагодарил всех, кто был причастен к организации этого уникального научного события, и выразил надежду на продолжение этой доброй и необходимой традиции. Подводя итоги, участники высоко оценили работу конференции: как полученные научно-исследовательские результаты, так и общую атмосферу проведения мероприятий; единодушно отметили своевременность проведения конференции, ее успешность, продуктивность.

В резолюцию по итогам работы конференции были выдвинуты следующие рекомендации:

1. Проводить конференцию на ежегодной основе с привлечением специалистов в области сохранения языков и культуры из других регионов страны, привлекая коллег из научно-образовательного центра «Север: территория устойчивого развития», в который помимо Камчатского края входит Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ и Магаданская область.

2. Сформировать из числа активной молодежи КамГУ им. Витуса Беринга инициативную группу по реализации идей, научно-исследовательских проектов, направленных на изучение, сохранение и популяризацию языков и культур коренных малочисленных народов

Севера Камчатского края; включить группу в состав Совета молодых ученых университета.

3. По результатам работы конференции предложено рекомендовать авторам наиболее интересных материалов, посвященных оригинальным исследованиям проблем сохранения языка и культуры КМНС Камчатского края, подготовить к печати обзорные статьи и опубликовать их в отдельном выпуске научного журнала «Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки».

4. Для последующего финансирования конференции подготовить заявку для участия в первом конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на реализацию проектов в области культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий в 2023 году.

5. Организовать и провести в августе 2023 года экспедиции в сс. Тиличики и Вывенка для выполнения научно-исследовательских работ по теме «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтнических сообществ на Северо-Востоке России», а также записи языкового и фольклорного материала по алюторскому и корякскому языкам.

Организаторы конференции искренне благодарят всех участников и выражают особую благодарность Министерству развития гражданского общества и молодежи Камчатского края, Камчатскому институту развития образования, Камчатскому колледжу искусств, Камчатскому центру народного творчества, ассоциации коренных малочисленных народов Севера Камчатского края, а также общественной организации молодежи коренных малочисленных народов Севера в Камчатском крае «Дружба Северян».

Ставший символом конференции Ворон Кутх приглашает всех к участию во II региональной научно-практической конференции «Сохраняя прошлое, создаем будущее» — 2023!

Приложение

Программа I региональной научно-практической конференции «Сохраняя прошлое, создаем будущее», приуроченной к Году культуры коренных малочисленных народов Севера Камчатского края

№	Название мероприятия	Дата	Руководитель
1.	Регистрация участников конференции	17 сентября	Аптина А. Д.
2.	Круглый стол «Потенциал университета и науки в сохранении языков и культур коренных малочисленных народов Севера Камчатского края»	17 сентября	Сорокин А. А.
3.	Выставка научной, учебно-методической литературы «Родной язык — духовное наследие народа»	17–21 сентября	Аптина А. Д.
4.	Научно-практический семинар «Ограничение прав КМНС на охоту и рыбалку как естественных прав: аспекты правоприменения»	17 сентября	Кочнева И. П.
5.	Научно-практический семинар «Правовой статус коренных малочисленных народов Камчатки: история и современность»	17 сентября	Гаврилова Н. И., Завьялова С. В.
6.	Практико-ориентированный мастер-класс «Музыкальные инструменты коренных народов Камчатки: об особенностях создания, их роли и игре на них»	17 сентября	Кравченко Г. О.
7.	Творческая лаборатория по декоративно-прикладному искусству коренных народов Камчатки «Бисероплетение: семантика и функции бисерных украшений»	17 сентября	Манько А. В.
8.	Секция «Сколько языков ты знаешь — столько раз ты человек: палеоазиатская языковая семья»	18 сентября	Сорокин А. А.
9.	Научно-практический семинар по заполнению грантовых заявок	18 сентября	Аптина А. Д.
10.	Практико-ориентированный мастер-класс «Национальная хореография народов Камчатки»	18 сентября	Кравченко Г. О.
11.	Практико-ориентированный мастер-класс «Национальные игры народов севера Камчатки»	18 сентября	Килик М. А.
12.	Лекция «Мифы и легенды коренных народов Берингии»	18 сентября	Кучманич С. В.

<i>№</i>	<i>Название мероприятия</i>	<i>Дата</i>	<i>Руководитель</i>
13.	Публичная лекция «Современное состояние традиционной обрядовой практики коренных малочисленных народов Камчатки: аутентичность vs трансформации»	19 сентября	Беляева М. Е.
14.	Просветительский модуль «Сохранение традиционного образа жизни, культуры и языка коренных малочисленных народов Камчатки»	19 сентября	Барсукова Л. И., Кулакова Э. И., Майнина О. С.
15.	Дискуссионная площадка «Перспективы дальнейших исследований малых языков народов Камчатки: поиск новых форм в целях сохранения их будущего»	19 сентября	Сорокин А. А.
16.	Практико-ориентированный семинар «Вопросы культуры КМНС в современной экскурсионной деятельности: содержание и технология работы»	19 сентября	Сибирцева Е. И.
17.	Информ-дайджест «Организация деятельности общин коренных малочисленных народов России: правовой аспект»	19 сентября	Барсукова Л. И.
18.	Семинар «Этнология коренных народов камчатки»	20 сентября	Кириллова А. И.
19.	Лекция «Аспекты истории КМНС Камчатки в практике преподавания иностранного языка»	20 сентября	Андреева Е. А.
20.	Дискуссионная площадка «Социальные медиа как эффективный инструмент в сохранении языков и культур коренных малочисленных народов Севера»	20 сентября	Шевцова Е. А.
21.	Научно-практический семинар «Особенности передачи этнокультурных реалий в переводе»	20 сентября	Каразия Н. А., Слободенюк Е. А.
22.	Научный семинар «Коренные народы камчатки в условиях трансформаций 1920–1940 гг.: историческое осмысление»	20 сентября	Ильина В. А.
23.	Итоговое заседание	21 сентября	Сорокин А. А.
24.	Выездная сессия в этническое стойбище «Кайныран»	21 сентября	Сорокин А. А.

ОБЗОР ИЗДАНИЙ

PUBLICATIONS REVIEW

ИЗДАНИЯ КАМГУ ИМ. ВИТУСА БЕРИНГА за 2022 год EDITIONS OF VITUS BERING KAMCHATKA STATE UNIVERSITY of the 2022

Сборники научных статей

Авторы

Т 34 Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук. Выпуск 12: сборник научных статей ежегодной международной научно-практической конференции, Петропавловск-Камчатский, 08–11 февраля 2022 г. / отв. ред. М. А. Фризен, И. А. Кашутина; КамГУ им. Витуса Беринга. — Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2022. — 210 с.

ISBN 978-5-7968-0741-5

Издание является сборником научных статей коллектива авторов. В него включены статьи, представляющие результаты научно-исследовательской деятельности научных и научно-педагогических работников Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, а также работников иных образовательных и научных организаций Камчатки и других регионов России, прошедшие апробацию на итоговой ежегодной международной научно-практической конференции «Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук» 08–11 февраля 2022 г. в г. Петропавловске-Камчатском.

Сборник адресован ученым-гуманитариям, специалистам в области естественных наук, представителям научно-педагогической общественности, всем интересующимся перспективами развития науки и образования в Российской Федерации.

Авторы

С 69 XXI Бушелевские чтения: сб. материалов науч.-практ. конф., Петропавловск-Камч., 23–25 марта 2022 г. / отв. ред. Е. А. Водинчар, И. И. Прошина, М. А. Фризен. — Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2022. — 330 с. (табл., иллюстр.)

ISBN 978-5-7968-0758-3

Материалы настоящего сборника продолжают достаточно успешную серию публикаций подготовленных сообществом педагогов Камчатки. Как и предыдущие издания, данный том объединяет энтузиастов педагогической науки и практики. Проблематика исследований охватывает широкий круг вопросов: от дошкольного и дополнительного образования до современных тенденций развития высшего образования. Представленная палитра статей является отражением образовательной практики в Камчатском крае.

Сборник статей адресован всем специалистам, работающим в сфере народного образования, желающим повысить свою профессиональную компетентность и направлен на координацию, интеграцию и распространение результатов научных исследований актуальных проблем образования.

AUTORS GUIDELINES

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных исследований в области гуманитарных наук (филология, философия, политология, культурология, история, правоведение, психология, педагогика), в том числе результаты диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. В журнале также публикуются рецензии, информационные сообщения, сведения о научных мероприятиях, конгрессах, конференциях, симпозиумах, семинарах и т. д.

Журнал основан в декабре 2002 г., зарегистрирован (перерегистрирован) Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуника-

ций (регистрационный номер ПИ № ФС 77-77918 от 19 февраля 2020 года).

Издание выходит 2 раза в год в печатной и электронной версиях (http://www.kamgu.ru/kraunc_journal), включено в Российский индекс научного цитирования (www.elibrary.ru). Полнотекстовая электронная версия журнала размещается в электронной библиотеке КамГУ им. Витуса Беринга (<http://bibl.kamgu.ru>).

Рассылка журнала осуществляется согласно федеральному закону от 26.03.2008 г. № 28-ФЗ.

Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

Журнал является рецензируемым. Для экспертной оценки привлекаются ведущие специалисты в области гуманитарных наук. Все изменения (редакторская правка) согласовываются с автором рукописи. В случае признания рукописи не соответствующей прави-

лам представления рукописи и / или отрицательной оценки экспертов (рецензентов) автор оповещается о необходимости переработки рукописи или об отказе в публикации. В последнем случае редакция направляет автору мотивированный отказ.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Автор предоставляет статью в редакцию журнала в печатном и электронном виде в формате *Word*. Рекомендуемый объем статьи: от 0,5 до 11 усл. печ. л. или 1 авторский лист (до 40 000 знаков).

Рукопись должна быть оформлена в соответствии с действующими государственными стандартами СИБИД:

– ГОСТ Р 7.0.7-2009 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление»;

– ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»;

– ГОСТ 7.89-2005 «Оригиналы текстовые авторские и издательские»;

– ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования»;

– ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;

Страница — формат А₄, книжная ориентация; левое поле — 3 см, остальные — 2 см.

Шрифт — *Times New Roman 14 pt*. Если в статье необходимо использование дополнительных шрифтов, то они предоставляются автором в редакцию в электронном виде.

Межстрочный интервал — полуторный, абзацный отступ — 1,25 см.

Рукопись должна сопровождаться фотографией автора и содержать следующую информацию:

- 1) номер УДК;
- 2) И. О. Фамилия автора (на рус. и англ. яз.) — в указанном порядке, с пробелами;
- 3) заголовок статьи (на рус. и англ. яз.);
- 4) указание гранта / государственного контракта, в рамках которого выполнена статья (если таковой имеется);
- 5) аннотация — 2–3 предложения (на рус. и англ. яз.);
- 6) ключевые слова — 3–5 слов (на рус. и англ. яз.);
- 7) статья;
- 8) библиографический список (не более 30 или ¼ объема статьи);
- 9) список условных сокращений (если в статье имеются специфические сокращения кроме общепринятых);

10) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (на рус. и англ. яз.);

11) почтовый адрес, телефон, факс, *e-mail* (для посылки авторского экземпляра и связи с редколлегией журнала).

Сведения, предоставляемые на двух языках, должны иметь точное соответствие.

В тексте не допускаются:

- подчеркивания;
- разрядка символов и форматирование текста пробелами;
- использование сносок в конц статьи;
- указание на библиографические источники в виде сносок;
- перенос слов вручную;
- прописные (заглавные) буквы за исключением аббревиатур;
- ручная нумерация страниц.

Библиографический список составляется по алфавиту (сначала русское написание, затем иностранное), нумеруется, предваряется заголовком «Библиографический список». Внутритекстовые библиографические ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [3, с. 7], [1, т. 2, с. 24], комплексные ссылки с простым перечислением источников оформляются через запятую, в порядке возрастания номера, например: [23, 35, 52, 63], с указанием страниц — через точку с запятой [3, с. 15–34; 5, с. 18–106].

Таблицы оформляются в формате *Word*, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию арабскими цифрами, например: *Таблица 1. Состав видовых групп*. В тексте обязательны ссылки на таблицы: (табл. 1).

Весь текст пишется без сокращений (за исключением общепринятых). В конце ячеек точка не ставится.

Иллюстрации могут быть цветными или черно-белыми, должны иметь подрисуночные подписи и иметь сквозную нумерацию арабскими цифрами, например: *Рис. 1. Виды этнических групп*. Размер рисунка — не более 170 × 240 мм. Графики и диаграммы предоставляются в формате *Word*; схемы, карты, фотографии — в формате *JPG* с разрешением не менее 300 точек на дюйм. Детали рисунка должны быть четкими, в том числе в случае уменьшения масштаба (при необходимости). Количество рисунков не должно превышать ¼ объема статьи.

Иностранные слова (кроме греческих символов и иероглифов) набираются курсивом.

Следует заменять букву «ё» на «е», за исключением фамилий, имен, географических названий.

Единицы измерения и знаки номера, процентов отбиваются пробелом от символов и цифр, к которым они относятся.

Принятые сокращения: *т. е.*, *и др.*, *и т. д.*, *и т. п.* (пробелы после точки); *млрд млн* (без точки); *тыс.*, *руб.*, *дол.*; *г.*, *гг.*, *в.*, *вв.*; *вып.* (выпуск), *сер.* (серия), *с.* (страница), *т.* (том), *г.* (город), *д.* (деревня), *с.* (село), *пос.*, *р-он*, *обл.*

Учитывать различные написания *О* (буква) и *0* (ноль), *1* (единица) и *I* (буква или римская единица), *№* (номер) и *N* (буква) и т. п.

Необходимо различать дефис (-), употребляемый для связи частей слов (без пробелов), и тире: длинное с пробелами (—), короткое без пробелов (–) — между цифр.

КОНТАКТЫ

Адрес редакции: 683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4,

Тел./факс: 8(415-2) 43-37-43, e-mail: nio@kamgu.ru

INFORMATION ABOUT AUTORS

Башун Ольга Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: bashunolga@mail.ru

Bashun Olga Vladimirovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Pedagogics Department of Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy

e-mail: bashunolga@mail.ru

Водинчар Екатерина Александровна,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и практической психологии Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: chatenoire@yandex.ru

Vodinchar Yekaterina Aleksandrovna,

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Theoretical and Applied Psychology Department of Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy

e-mail: chatenoire@yandex.ru

Гнездилова Елена Валерьевна,

начальник отдела научно-исследовательской, международной деятельности и аспирантуры, старший преподаватель кафедры педагогики Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: GnezdilovaEV@kamgu.ru.

Gnezdilova Yelena Valeryevna,

Head of research, international activities and postgraduate studies, Senior Lecturer of Pedagogics Department, Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy

e-mail: GnezdilovaEV@kamgu.ru

Жадаева Екатерина Александровна,

магистрант второго года обучения направления подготовки «Педагогическое образование» профиль «Современное историческое образование», Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: zhadaewa.ekaterina@yandex.ru

Zhadayeva Yekaterina Aleksandrovna,

the 2nd Year Master's Degree Student (Field of Study «Pedagogical Education», Profile «Modern Historical Education»), Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy

e-mail: zhadaewa.ekaterina@yandex.ru

Ильина Валентина Александровна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: valentina-ilina-2013@mail.ru

Ilyina Valentina Aleksandrovna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History and Philosophy Department, Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy

e-mail: valentina-ilina-2013@mail.ru

Камардина Наталья Викторовна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: nata_kamardina@mail.ru

Kamardina Nataliya Viktorovna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History and Philosophy Department, Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy

e-mail: nata_kamardina@mail.ru

Кириллова Алина Игоревна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: astral155@yandex.ru

Kirillova Alina Igoryevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History and Philosophy Department, Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy

e-mail: astral155@yandex.ru

Кузнецова Людмила Игоревна,

магистр специального (дефектологического) образования, ассистент кафедры теоретической и практической психологии Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: mikakuznetsova@gmail.com

Kuznetsova Lyudmila Igoryevna,

Master of Special (Defectological) Education, Assistant of Theoretical and Applied Psychology Department of Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy

e-mail: mikakuznetsova@gmail.com

Кулик Анастасия Андреевна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и практической психологии Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: anastasija81@yandex.ru

Kulik Anastsiya Andreyevna,

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Theoretical and Applied Psychology Department of Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy

e-mail: anastasija81@yandex.ru

Османова Марина Николаевна,

выпускница Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, направление подготовки «Психология», г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: osmanovamn@mail.ru

Osmanova Marina Nikolayevna,

Graduate of Vitus Bering Kamchatka State University, Field of Study «Psychology», Petropavlovsk-Kamchatskiy

e-mail: osmanovamn@mail.ru

Плотникова Анастасия Викторовна,

студентка 4 курса направления подготовки «Психология», Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: j.allford11@gmail.com

Plotnikova Anastsiya Viktorovna,

the 4th Year Student, Field of Study «Psychology», Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy

e-mail: j.allford11@gmail.com

Прошина Идея Ивановна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский

E-mail: ideya_ryzhkova@mail.ru

Proshina Ideya Ivanovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Pedagogics Department of Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy

E-mail: ideya_ryzhkova@mail.ru

Файзрахманов Артур Рустамович,

магистрант второго года обучения направления подготовки «Педагогическое образование» профиль «Современное историческое образование», Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: archibald9797@mail.ru

Fayzrakhmanov Arthur Rustamovich,

the 2nd Year Master's Degree Student (Field of Study «Pedagogical Education», Profile «Modern Historical Education»), Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy

e-mail: archibald9797@mail.ru

Черенкова Юлия Сергеевна,

магистрант второго года обучения направления подготовки «Педагогическое образование» профиль «Современное историческое образование» Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: cherenkova_julianna@mail.ru

Cherenkova Yuliya Sergeyevna,

the 2nd Year Master's Degree Student (Field of Study «Pedagogical Education», Profile «Modern Historical Education»), Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy

e-mail: cherenkova_julianna@mail.ru

Шевченко Ольга Георгиевна,

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и переводоведения Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский

e-mail: shevchenkoog@mail.ru

Shevchenko Olga Georgievna

Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Professor of Foreign Languages and Translation Studies Department of Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavljvsk-Kamchatskiy

e-mail: shevchenkoog@mail.ru

**Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки
2022 № 1 (39)**

Главный редактор: В.В. Давыдов
Технический редактор: Е.А. Чернецкая

Учредитель: ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет
имени Витуса Беринга»

Адрес учредителя, редакции и издательства:
683032, Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, д. 4
Тел. (4152) 427-078; e-mail: nio@kamgu.ru; www.kamgu.ru

Подписано в печать 29.11.2022. Дата выхода в свет 00.12.2022. Формат 60x84 ¹/₈. 96 с.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman»
Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 6,67. Тираж 27 экз. Заказ № 3287

Отпечатано в ООО «КАМЧАТПРЕСС»
683000 г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12 А

**Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. The Humanities
2022 № 1 (39)**

Chief Editor: V.V. Davydov
Technical Editor: E.A. Cherneckaya

Establisher: FSBEU for HE «Vitus Bering Kamchatka State University»
Address of establisher, editors office and publisher's house:
683032, Petropavlovsk-Kamchatskiy, Pogranichnaya St., 4

Signed to print 29.12.2022. Imprint day 23.12.2022. Format 60x84 ¹/₈. 96 pp.
Offset paper. Digital print. Set «Times New Roman»
Conv. printer's sheet 11,16. Publisher's signatures 6,67. 27 copies. Order № 3287

Printed in ООО «КАМЧАТПРЕСС»
683000, Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kronochkaya St., 12 А

**Вестник КРАУНЦ
Гуманитарные науки**

Journal Collection of Scientific Works of KRASEC
(Kamchatka Regional Association «Scientific-Educational Centre»)
The Humanities

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
BOARD OF EDITORS**

*Председатель
редакционной коллегии,
кандидат педагогических наук,
доцент*

*Проректор
по научной, инновационной
и международной деятельности*

V. N. Yefimenko

*The Head of Board of Editors
Candidate of Pedagogics Sciences,
Associate Professor,*

*Deputy Rector for Scientific, Innovational,
and International Work*

V. N. Yefimenko

*Главный редактор,
Кандидат
философских наук*

V. V. Davydov

*Chief Editor,
Candidate of Philosophic Sciences*

V. V. Davydov

*Кандидат
философских наук,
доцент*

E. A. Kormochi

*Candidate of Philosophic Sciences,
Associate Professor*

Ye. A. Kormochi

*Кандидат
исторических наук,
доцент*

V. A. Ilyina

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor*

V. A. Ilyina

*Кандидат
филологических наук,*

N. A. Karaziya

*Candidate
of Philological Sciences,*

N. A. Karaziya

*Доктор
педагогических наук,
доцент*

N. A. Rachkovskaya

*Doctor of Pedagogics,
Associate Professor,*

N. A. Rachkovskaya